

Аполлонъ Николаевичъ

МАЙКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Г. ПЕТРОПАВЛОВОК.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1904.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стран.
Дѣтство Майкова, изъ „Истор. Вѣстника“ 1897 г.	1
„Подснѣжникъ“ и „Лунныя ночи“, издававшіеся въ семейномъ кругу Майковыхъ, <i>Семевскаго</i>	3
Майковъ въ университетѣ, <i>Семевскаго</i>	6
Пребываніе Майкова за границей и жизнь его по возвращеніи, <i>Златковскаго</i> , изъ кн. „А. Н. Майковъ по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности“ и изъ „Истор. Вѣстн.“ за 1897 г.	9
Послѣдніе дни жизни поэта и его похороны, <i>пр. А. Голинищева-Кутузова</i> и изъ „Свѣта“ и „Нов. Времени“.	14
Особенности поэтическаго творчества А. Н. Майкова, объясненная имъ самимъ, <i>Сухомлинова</i>	20
Литературное направленіе Майкова и его художественное настроеніе въ связи съ историческими занятіями, <i>Овсянникова</i>	38
Блестящая и прекрасная сторона античной жизни въ освѣщеніи Майкова, <i>Мережковскаго</i>	58
Майковъ — защитникъ красоты и чистыхъ радостей, навѣваемыхъ созерцаніемъ античной жизни, <i>Зѣлинского</i>	73
Антологическая стихотворенія Майкова, <i>Бѣлинского</i>	79
Происхожденіе, планъ и форма поэмы Майкова „Два міра“, <i>Грома</i> . . .	90
Язычество и христіанство, <i>Петрова</i>	93
„Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“— основная мысль поэмы Майкова „Два міра“, <i>Висковатаго</i>	112
Внутренній смыслъ поэмы „Два міра“ и виѣшняя ея форма, <i>Н. Страхова</i>	113
Типы христіанъ въ поэмѣ „Два міра“, <i>Ѳ. Батюшкова</i>	143
Роковое столкновеніе христіанства съ язычествомъ, <i>Ѳ. Зѣлинского</i> . . .	146
Савонарола, <i>Мизинова</i>	155
Дурочка Дуня, <i>Стоюнина</i>	166
Брингильда, <i>Пл. Краснова</i>	163
Отраженіе важныхъ современныхъ событий въ поэзіи Майкова, <i>Семевскаго</i> .	170
Педагогическое значеніе сочиненій Майкова, <i>Сумцова</i>	171
Значеніе поэтической дѣятельности Майкова, <i>Нечаева</i>	175

Дѣтство Майкова.

Родъ Майковыхъ заслуженный и древній: уже въ XV столѣтіи мы встрѣчаемъ ихъ предка, пользующагося широкой извѣстностью въ роли просвѣтителя русской земли. Это былъ знаменитый подвижникъ Ниль Сорскій, оставившій такой глубокій слѣдъ въ отечественной жизни своей возвышенно-подвижническою дѣятельностью. Въ прошломъ вѣкѣ одинъ изъ Майковыхъ является насадителемъ у насъ сценического искусства: сынъ же его, Василій Майковъ, былъ небезызвѣстнымъ въ свое время (1728—1778 гг.) оригинальнымъ поэтомъ. Съ тѣхъ поръ мы видимъ непрестанно представителей этого талантливаго рода на разныхъ ступеняхъ артистической лѣстницы: дѣдъ нашего скончавшагося поэта былъ директоромъ Императорскихъ театровъ, отецъ — замѣчательнымъ живописцемъ, всѣ братья (Валеріанъ, Владимиръ и Леонидъ) — болѣе или менѣе выдающимися писателями и учеными. Наибольшей, однако, извѣстности и славы ихъ всѣхъ братьевъ достигъ именно Аполлонъ Николаевичъ, являющійся типичнымъ представителемъ цѣлаго ряда талантливыхъ поколѣній и совмѣстившій въ себѣ гармонически начала поэтическаго и художественнаго творчества.

Аполлонъ Николаевичъ родился 23 мая 1821 г. въ Москвѣ и провелъ дѣтство въ селѣ Никольскомъ, имѣніи отца, близъ Троице-Сергіевской лавры, а также въ имѣніи бабушки въ Клинскомъ уѣздѣ. Вспоминая впослѣдствіи ранніе годы жизни, Майковъ такъ обрисовалъ обстановку, при которой сложился его характеръ и поэтическій даръ (стих. „Рыбная ловля“):

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою:
Бывало въ вечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое нась, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою.
Добычу изъ ведра руками достаемъ,
Шопотомъ о ней другъ другу рѣчь ведемъ...

Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ ученье къ дядѣ:

Въ столицу привезенъ насильно точно я;
Какъ будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ,
И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочку, сижу въ травѣ высокой...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣтство, проведенное на поэтическомъ лонѣ природы, оставило въ маленькомъ обитателѣ столицы столь сильное и яркое впечатлѣніе, что онъ не въ состояніи отъ него отвязаться и цѣликомъ живеть образами прошлаго, обстановкою дѣтскихъ лѣтъ: уже тогда онъ научился видѣть въ природѣ „Божій міръ“, научился въ каждомъ шелестѣ и шопотѣ окружающаго распознавать тайну бытія. Эта способность получаетъ въ Петербургѣ, въ артистической обстановкѣ отца, добрую почву, на коей въ теченіе всего трехъ лѣтъ столичной жизни природный даръ его успѣваетъ расцвѣсти и развернуться въ несомнѣнныи поэтическій талантъ: уже пятнадцати лѣтъ онъ принимается за перо и пишетъ стихотвореніе „Разочарованіе“ —

Когда въ святомъ, небесномъ вдохновеніи
Я возношуясь въ подоблачный эаиръ
И создаю въ своемъ изображеніи
Особенный, прекрасный, новый міръ, —
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье
И прелестью небесной оживить?

Условія жизни въ отцовскомъ домѣ были въ высшей степени благопріятны для развитія всѣхъ духовныхъ силъ будущаго жреца чистаго искусства. Вспоминая домъ Николая Аполлоновича, А. И. Гончаровъ такъ описываетъ его: „Онъ, то-есть, отецъ А. Н., жилъ, какъ живутъ или, если теперь уже не живутъ такъ, то какъ жили артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ, и почти

ничѣмъ другимъ. Домъ его, лѣтъ 15—20 и болѣе назадъ, кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 30-хъ и 40-хъ годовъ, всѣ толпились въ не обширныхъ, не блестящихъ, но пріютныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, обмѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусствъ[“].

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія интеллектуальныхъ силъ, судьба послала юному Аполлону Майкову превосходныхъ руководителей его научными занятіями: соредактора Сенківскаго по журналу „Библіотека для Чтенія“, В. А. Солоницына, умнаго и образованнаго человѣка, а также еще неизвѣстнаго тогда, но впослѣдствіи прославившагося нашего незабвеннаго писателя — И. А. Гончарова. Подъ вліяніемъ Солоницына молодежъ въ домѣ Майкова издавала журналъ „Подснѣжникъ“, гдѣ сотрудниками являлись юноши Майковы, Гончаровъ, Бенедиктовъ, Борозда, Свињинъ и мать нашего поэта Е. П. Майкова. Такимъ образомъ названныя лица поддерживали въ молодомъ поэтѣ его даръ Божій, а студія, бесѣды и образцы творчества самого отца содѣйствовали въ немъ развитію любви и вкуса къ живописи. Послѣдняя настолько поглощала въ юные годы Аполлона Николаевича, что его излюбленной мечтой было послѣдовать по отцовскимъ стопамъ и посвятить себя всецѣло живописи.

Изъ „Исторического Вѣстника“ 1897 г.

„Подснѣжникъ“ и „Лунныя ночи“, издававшіеся
въ семейномъ кругу Майковыхъ.

Аполлонъ Николаевичъ выросъ въ семьѣ, въ которой литературные и художественные интересы всегда стояли высоко. Отецъ поэта, извѣстный живописецъ, руководилъ его опытами въ области того искусства, которымъ самъ занимался; а близкій другъ Николая Аполлоновича Майкова, Владимиръ Андреевичъ Солоницынъ, умный и просвѣщенный человѣкъ, занимавшійся литературой и принимавшій

участіе въ „Библіотекѣ для Чтенія“ конца 1830-хъ и начала 1840-хъ годовъ, руководилъ образованіемъ старшихъ сыновей Николая Аполлоновича — Аполлона и Валеріана.

Однимъ изъ средствъ, которыя Владимиръ Андреевичъ Солоницынъ избралъ для развитія любви къ литературнымъ занятіямъ въ молодыхъ Майковыхъ, было изданіе рукописнаго журнала. Такой журналъ появлялся отдельными, красиво переписанными, тетрадями въ 1836—1838 годахъ подъ заглавиемъ „Подснѣжникъ“, и въ немъ помѣщались статьи, написанныя молодыми Майковыми, а также нѣкоторыми лицами ихъ домашняго круга, самого Владимира Андреевича Солоницына, В. Г. Бенедиктова, И. П. Бороздны, П. П. Свіньина и И. А. Гончарова, въ то время молодого кандидата московскаго университета, только что пріѣхавшаго на службу въ Петербургъ. Въ 1839 году взамѣнъ „Подснѣжника“ появился въ томъ же тѣсномъ семейномъ кругу изящный рукописный альманахъ, подъ заглавиемъ „Лунные ночи. Собрание сочиненій въ стихахъ и прозѣ 1839“. Книга эта составляетъ большой томъ въ форматѣ восьмушки печатнаго листа, въ 352 страницы. Она переписана красивымъ почеркомъ, при чёмъ каждая страница обведена рамкою и украшена множествомъ изящно исполненныхъ рисунковъ. Рисунки и заглавныя буквы исполнены Н. А. Майковымъ (отцомъ поэта) и В. А. Солоницкимъ¹).

¹) Приводимъ оглавленіе этого въ высшей степени любопытнаго сборника:

П р о з а .

Гончарова, Ивана Александровича: „Счастливая ошибка“ (243 стр.); Майковой, Евгении Петровны: „Разсказъ изъ частной жизни“ (63 стр.); Майкова, Аполлона Николаевича: „Покореніе страны Семи Пагодъ европейцами“ (143 стр.); Майкова, Валеріана Николаевича: „Жизнь и наука“ (бесмертное произведеніе) (115 стр.); Майкова, Владимира Николаевича: „Скупой“, сцена изъ китайской комедіи (перев. съ французскаго) (334 стр.); Saltbox: „Такъ они наняли дачу“ (13 стр.); и „Сказаніе о великомъ поэтѣ, который началъ писать стихи и пересталъ писать прозу“ (202 стр.).

С т и х и .

Бенедиктова, В. Г. „Аполлону Майкову“ (11 стр.); „Незнакомкѣ“ (113 стр.); Два отрывка изъ стихотворенія: „Къ женщинѣ“ (188 стр.); „Недовѣрчивость“ (201 стр.); „Совѣтъ“ (238 стр.); Къ* (324 стр.).

Майковой Евгении Петровны: „Вечеръ на дачѣ“ (4 стр.); „Пѣсня“ (106 стр.); „Поэтъ“ (139 стр.); „Бенедиктову отъ женщины“ (192 стр.).

Майкова, Аполлона Николаевича: „Лунная ночь“ (1 стр.); „В. Г. „Бенедиктову,“ (6 стр.); „Венера Медицейская“ (51 стр.); „Солнце“ (55 стр.); „Сонь“ (104 стр.); „Сомнѣніе“ (108 стр.); „Кладбище“ (196 стр.); „Пѣвцу“ (239 стр.); „Воспоминаніе“ (241 стр.); „Вечеръ на морѣ“ (325 стр.); „Молитва“ (327 стр.); „Призывъ“ (332 стр.); „Воробьевы горы“ (343 стр.).

Главными вкладчиками альманаха были молодые Майковы, сыновья Николая Аполлоновича. Многія изъ стихотвореній Аполлона Николаевича, помѣщенныхъ въ „Лунныхъ ночахъ“, были потомъ напечатаны въ первомъ сборникѣ его стихотвореній, вышедшихъ въ 1842 году, но большая ихъ часть уже не была повторена въ позднѣйшихъ изданіяхъ, такъ какъ съ теченіемъ времени поэтъ призналъ ихъ слишкомъ несовершенными. Нѣсколько стихотвореній принадлежать матери поэта; нѣкоторыя пьесы ея, въ стихахъ и прозѣ, появились въ 1840-хъ годахъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Изъ стихотвореній В. Г. Бенедиктова, помѣщенныхъ въ „Лунныхъ ночахъ“, большая часть также была впослѣдствіи напечатана. Saltbox есть псевдонимъ Владимира Андреевича Солоницына; Соликъ — псевдонимъ его племянника, Владимира Аполлоновича Солоницына, воспитывавшагося вмѣстѣ съ молодыми Майковыми; впослѣдствіи онъ также напечаталъ стихи въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и другихъ журналахъ, и, сверхъ того, занимался переводами. Яковъ Александровичъ Щеткинъ былъ университетскій товарищъ Аполлона Николаевича, въ то время также выступившій на литературномъ поприщѣ въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Повѣсть Ив. А. Гончарова — одинъ изъ первыхъ его литературныхъ опытовъ, уже обнаруживающій замѣчательный талантъ, — осталась ненапечатанною. Наконецъ, „Эпилогъ“, помѣченный ***, есть стихотвореніе Владимира Андреевича Солоницына, въ которомъ онъ выражаетъ свое чувство глубокой привязанности къ семейству Майковыхъ. Рисунки представляютъ рядъ прелестныхъ иллюстрацій, исполненныхъ рукой талантливаго художника.

Въ цѣломъ, „Лунные ночи“ составляютъ книгу вполнѣ изящную по своему внѣшнему виду и исполненію и вмѣстѣ съ тѣмъ богатую внутреннимъ содержаніемъ. Съ этимъ памятникомъ дорогихъ семейныхъ преданій мы имѣли случай познакомиться у Леонида Николаевича Майкова.

Семевскій.

Солика: „Аполлону Майкову“ (57 стр.); „Въ альбомъ“ Н. А. Ш. (200 стр.); Два сонета: 1) „Давидъ и Соломонъ“, и 2) „Весеннее чувство“ (328 стр.).

Щеткина: „Развалины“ (60 стр.); „Къ древнему мечу“ (110 стр.); „Душа“ (141 стр.); „Орелъ“ (194 стр.); „Гранитные братья“ (330 стр.).

*** Эпилогъ (347 стр.).

Майковъ въ университѣтѣ.

Солоницынъ руководилъ занятіями Аполлона Николаевича и въ бытность послѣдняго въ университетѣ. Профессора, лекціи которыхъ всего усерднѣе посѣщались Аполлономъ Николаевичемъ, были: В. В. Шнейдеръ и П. Д. Калмыковъ; первый читалъ римское право, а второй — энциклопедію законовѣдѣнія. Изученіе римскаго права заставило его заниматься латинскимъ языкомъ и читать латинскихъ классиковъ въ оригиналѣ (греческихъ поэтовъ онъ читалъ во французскомъ переводѣ), что, въ свою очередь, знакомило его съ древнимъ міромъ. Лекціи же Калмыкова увлекли его къ занятіямъ философіей. Начавшійся въ 1841 году „Москвитянинъ“ Погодина обратилъ вниманіе Аполлона Николаевича на славянскій міръ, которымъ онъ и занялся настолько, что могъ написать свою кандидатскую диссертацио на тему „О характерѣ первоначальныхъ законовъ по источникамъ славянского права“. Кроме того, Аполлонъ Николаевичъ слушалъ русскую исторію у Н. Г. Устрялова, всеобщую исторію у М. С. Куторги, русскую словесность у А. В. Никитенка. Никитенко и Плетневъ встрѣтили съ одобрениемъ первые его поэтические опыты.

Частью для поэзіи, частью для компонованія живописныхъ сюжетовъ, Аполлонъ Николаевичъ также изучилъ Біблію въ славянскомъ переводѣ. Всѣ эти занятія дали впослѣдствіи силу его языку. Живописью онъ продолжалъ заниматься съ тою страстью, на которую способны только истинные таланты. Къ сожалѣнію, близорукость являлась тутъ не малою помѣхой. Аполлонъ Николаевичъ не любилъ мелкой детальной работы. Его фантазіи открывались большіе горизонты, его сюжеты требовали большихъ размѣровъ, а близорукость ставила ему преграды на каждомъ шагу; это его раздражало, заставляло его скорбѣть и роптать на судьбу. Еще 15-тилѣтнимъ юношѣ онъ выразилъ эту скорбь въ первомъ своемъ стихотвореніи: „Разочарованіе“, не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій, такъ какъ оно слабо по формѣ, хотя и смѣло по замыслу, и сильно по духу. Читая его, чувствуешь, что это вопль наболѣвшей души, крикъ могучей силы, не находящей себѣ исхода, жалоба на несправедливость судьбы, даровавшей ему талантъ и, въ то же

время, не дозволявшей имъ пользоваться вполнѣ. Вотъ начало этого стихотворенія:

Когда въ святомъ небесномъ вдохновеньѣ,
Я возношуясь въ подоблачный эфиръ
И создаю въ своемъ воображеніе
Особенный, прекрасный, новый міръ,—
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье,
И прелестью небесной оживить.

Но сколько разъ ни разочаровывался нашъ юный художникъ и ни бросалъ своей кисти, страсть въ его сердцѣ снова возгоралась, онъ снова принимался за палитру, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ не почувствовалъ, что для его священнаго огня есть другой алтарь, гораздо болѣе способный возносить къ богамъ его ѿиміамъ, что для воплощенія его образовъ и его созданій есть у него въ рукахъ другое орудіе, которымъ онъ владѣеть не менѣе искусно, — и онъ бросилъ кисть навсегда и принялся за перо. Былъ однако же одинъ моментъ, уже по выходѣ изъ университета, когда Аполлонъ Николаевичъ опять возмечталъ было заняться живописью иѣхать въ Италію совершенствоваться; но этотъ моментъ былъ послѣднимъ „прости“ живописи, послѣ котораго онъ уже къ ней не возвращался и твердо взялъ въ свои руки перо. Произошло это по слѣдующему поводу:

Государь Николай Павловичъ, увидавъ въ мастерской Майкова-отца картину работы его сына, изображавшую Распятие, пожелалъ взять ее для католической капеллы, устраивавшейся по случаю бракосочетанія великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ; такъ какъ молодой Майковъ отказался отъ вознагражденія, то Государь пожаловалъ ему брильянтовый перстень. Такой успѣхъ чуть было не заставилъ его вновь возвратиться къ живописи; но другое обстоятельство направило Аполлона Николаевича окончательно на настоящій его путь. Стихи его стали уже обращать на себя всеобщее вниманіе. А когда въ 1842 году вышелъ первый сборникъ его стихотвореній, то графъ С. С. Уваровъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, счелъ своею пріятною обязанностью представить ее Госу-

дарю, „какъ плодъ студенческаго досуга“ . Государь приказалъ спросить: чего желаетъ Майковъ? „Бхать въ Италію“, лаконически отвѣчалъ молодой канцелярскій чиновникъ. И вотъ молодому Майкову, по Высочайшему повелѣнію, пожаловано было 1000 руб. на путешествіе за границу. На крыльяхъ молодости нашъ поэтъ-художникъ полетѣлъ учиться въ чужie края и пробылъ за границей почти два года, съ 29 іюня 1842 г. по 8 марта 1844 г.

Пятьдесятъ лѣтъ¹⁾ тому назадъ, весной 1838 г., почти одновременно въ двухъ университетахъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, два тогдашнихъ представителя русской словесности въ столичныхъ университетахъ, А. В. Никитенко и С. П. Шевыревъ, обратили вниманіе своихъ слушателей-студентовъ на появившіяся еще въ рукописныхъ спискахъ стихотворенія студента 2-го курса Петербургскаго университета Аполлона Майкова; то были прелестныя поэтическія произведенія юнаго поэта: „Венера Медицейская“, читанное А. В. Никитенкомъ въ Петербургѣ, и антологическое стихотвореніе „Сонъ“, читанное С. П. Шевыревымъ въ Москвѣ.

Съ этого времени, съ „объявленія“ въ стѣнахъ университетовъ поэтическаго дарованія вновь появившагося поэта, читатели и почитатели таланта Аполлона Николаевича Майкова въ правѣ считать начало его литературной дѣятельности, для которой нынѣ наступилъ полувѣковой юбилей.

Необходимо сказать, что въ то же время старшимъ профессоромъ русской словесности въ Петербургскомъ университѣтѣ былъ П. А. Плетневъ, столь же, какъ и его товарищъ по каѳедрѣ А. В. Никитенко, горячо и искренно оцѣнившій талантъ юнаго поэта. Многознаменательна эта встрѣча таланта Майкова, на мѣстѣ его высшаго образованія, Плетневымъ! Кто не знаетъ покойнаго профессора и ректора Петербургскаго университета, если не лично, то изъ свидѣтельствъ о немъ печати, кто не помнить П. А. Плетнева! Трудолюбивый, просвѣщенный дѣятель на нивѣ русской словесности, Плетневъ былъ, какъ известно, связанъ узами сердечной дружбы съ безсмертнымъ Пушкинымъ; ему — Плетневу — поэтъ посвятилъ своего „Евгенія Онѣгина“; Плетневъ отличался не только необыкновеннымъ благодушiemъ, но и

¹⁾ Статья написана въ 1888 году

высокопросвѣщеною любовью ко всему изящному и обширнымъ знаніемъ какъ отечественной, такъ и европейскихъ литературъ. Не напрасно Пушкинъ и другие современные ему писатели обращались за совѣтами и оцѣнкой ихъ произведеній къ Плетневу... И вотъ этотъ самый П. А. Плетневъ съ чуткостью и любовью замѣтилъ въ произведеніяхъ студента Майкова новое и сильное поэтическое дарованіе, восходящее на горизонтъ русской словесности. Плетневъ воспринялъ, такъ сказать, талантъ А. Н. Майкова въ лоно русской словесности...

Невольно приходить намъ въ память прелестное стихотвореніе А. Н. Майкова, которымъ онъ какъ бы выразилъ свою признательность П. А. Плетневу:

За стаю орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невиданныхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа;
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный между нась, задумчивый, ты бродишь;
И, прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчалися, не сводишь.

Предвѣдѣніе Плетневымъ сильнаго дарованія въ А. Н. Майковѣ не обмануло ни знаменитаго друга и совѣтника Пушкина, ни вслѣдъ за Плетневымъ его современниковъ.

Поэтическое дарованіе Майкова стало необыкновенно быстро расти и крѣпнуть и именно по мѣрѣ того, какъ умственный горизонтъ поэта расширялся, обогащаемый высокимъ научнымъ образованіемъ и внимательнымъ изученіемъ древнихъ и новыхъ литературъ, ключомъ къ которымъ поэтъ обладалъ съ юныхъ еще лѣтъ, прекрасно владѣя этими языками.

Семевскій.

Пребываніе Майкова за границей и жизнь его по возвращеніи.

Послѣ блестательнаго дебюта на литературномъ поприщѣ, въ счастливомъ настроеніи уѣхалъ молодой поэтъ-художникъ, сопутствуемый отцомъ, за границу. Поѣхали они моремъ, черезъ Гавръ, въ Парижъ, а оттуда — въ Италію. Въ Италіи

Аполлонъ Николаевичъ пробылъ цѣлый годъ. Въ апрѣль 1843 года туда же прѣхалъ Валеріанъ Майковъ съ Солоницкимъ, и всѣ вмѣстѣ отправились, осенью, въ Парижъ, гдѣ и провели всю зиму, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью поэта. Къ новому году родители и Валеріанъ Майковъ возвратились въ Россію, а Аполлонъ Николаевичъ еще остался въ Парижѣ и только весною 1844 года возвратился въ Петербургъ, посѣтивъ по дорогѣ Дрезденъ и Прагу, гдѣ познакомился съ знаменитымъ Вячеславомъ Ганкой и съ другими представителями чешскаго возрожденія.

Парижъ не произвелъ на молодого поэта особеннаго впечатлѣнія; зато Римъ и вообще Италія оставили по себѣ въ немъ неизгладимыя воспоминанія, воспроизведенныя въ прелестныхъ „Очеркахъ Рима“ и отзававшіяся во многихъ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Въ посланіи къ Я. П. Полонскому 1858 года онъ набросалъ картину своей жизни въ Римѣ:

Гдѣ ты? О, Боже мой! ты тамъ, гдѣ въ оны годы
Безпечно я бродилъ...
Прости невольный вздохъ!.. полуденной природы
И Римъ я не забылъ!..
Обломки красные средь рощи кипарисной,
Подъ небомъ голубымъ,—
Величіемъ своимъ и грязью живописный
Онъ по душѣ мнѣ, Римъ!
Какъ часто на коняхъ мы римскою долиной
Неслись во весь опоръ;
Коней остановивъ, снимали видъ руины
И очередь дальнихъ горъ,
И града вѣчнаго въ туманѣ куполъ гордый,
А тамъ водопроводъ
И черныхъ буйоловъ къ намъ поднятыхъ морды
Въ осокѣ, изъ болотъ...
И эти городки, куда въ весельѣ дикомъ,
Какъ будто ошалѣвъ,
Врывались мы потомъ, преслѣдуемы крикомъ
Старухъ, дѣтей и дѣвъ...
Тамъ съ громомъ подскакавъ къ радушной австрии,
Суровыхъ поселянъ
Напаивали мы, крича „ура!“ Россіи,
Ругая Ватиканъ,
И вѣковой союзъ монаховъ и германцевъ...
А пламенный народъ
На вѣтреную рѣчъ безвѣстныхъ чужестранцевъ,
Бывало слезы лить...

Средь этихъ шалостей высокій трудъ и дума,
 Вазари и Таций,
И сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума,
 И Данть и Теокритъ...
А ночи лунныя въ руинахъ Колизея!..
 Мнѣ кажется теперь,
Что игры звѣрскія я видѣлъ, и, нѣмѣя,
 Внималъ, какъ злится звѣрь,
Какъ шумно валить чернь, толкаясь на ступени,
 При кликахъ торжества,
А на аренѣ двѣ бѣлѣющія тѣни
 Ждутъ, обнимаясь, льва...
О, дни волшебные! о, годы золотые!
 О, какъ свѣтла тогда
Казалась нашихъ дней надъ милою Россіей
 Всходившая звѣзда!
Гдѣ-жъ сверстники мои? Гдѣ Штернбергъ? гдѣ Ивановъ?
 Ставассеръ милый мой?
Гдѣ наши замыслы? Гдѣ рядъ блестящихъ плановъ?
 Гдѣ геній ихъ живой?
Гдѣ пышныя мечты о русскомъ пантеонѣ,
 Гдѣ-бѣ нашихъ имена
Сіять должны въ вѣкахъ, какъ звѣзды въ небосклонѣ,
 Какъ вѣчная весна?..
О, милые мои!.. Слезой не провожая,
 Какъ чуждыихъ всѣмъ сиротъ,
Ихъ Римъ похоронилъ, кого, увы! не зная
 Землѣ онъ предаетъ!..
А братъ мой, милый братъ... ахъ, многіе почили!
 И имя ихъ звучить
Воспоминаніемъ какой-то чудной были
 И сердце мнѣ щемить...
Всѣ сгибли, полные надеждами святыми,
 И въ блескѣ силъ своихъ,
И я, осиротѣвъ, я плачу и надъ ними,
 И надъ мечтами ихъ!..
Ахъ! жизнь моя печалями богата,
 Уже за мнай въ пути
Есть нѣсколько могиль, есть горе и утрата...
 Прости мнѣ, другъ, прости...
Я больше наводить тоски тебѣ не буду
 Непрошеної слезой,
И въ воды быстрыя закидываю уду,
 На все махнувъ рукой.

Поѣзда въ Италію побудила Аполлона Николаевича написать два прозаическихъ разсказа: „Прогулка по Риму съ моими знакомыми“ и „Пикникъ во Флоренціи“ Златковскій.

Въ 1842 году молодой поэтъ, съ наступленіемъ весны, уѣхалъ за границу. Художественное чувство, воспоминанія о древнемъ классическомъ мірѣ, такъ много говорившемъ его поэтической фантазіи, влекли его подъ вѣчно-голубое небо Италіи. Около года провелъ онъ на родинѣ Данте и Петрарки. Своими „Очерками Рима“, напечатанными въ 1847 году, онъ отблагодарилъ Италію за это поэтическое наслажденіе, которымъ она подарила его молодую поэтическую душу. Въ Италіи онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Валеріаномъ Николаевичемъ и съ нимъ же вмѣстѣ поѣхалъ опять въ Парижъ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, которые посвятилъ посѣщеніямъ лекцій Сорбонны и „College de France“. Возвращась на родину, А. Н. провелъ нѣсколько времени въ чешской Прагѣ. Еще во время пребыванія въ Московскомъ университѣтѣ славяне и славянство заинтересовало чуткое и отзывчивое на все вниманіе поэта. Будучи самъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы принадлежать къ которомунибудь изъ существовавшихъ тогда въ Москвѣ литературныхъ кружковъ, Майковъ не могъ не слыхать о московскихъ славянофилахъ и ихъ ученіи, которое въ то время только что еще начинало принимать опредѣленную форму. Сопоставляя идею славянофильства съ отсутствіемъ всякаго упоминанія о славянахъ, ихъ исторіи и бытѣ съ высоты университетской каѳедры, поэтъ не могъ не задать себѣ вопроса, почему тогдашніе корифеи науки совершенно игнорировали славянство и его исторію. Между тѣмъ фактъ этого игнорированія былъ на лицо. Всѣ молодыя университетскія силы того времени были вскормлены на философіи Гегеля, и вслѣдъ за нѣмцами едва ли и подозрѣвали существованіе славянской исторіи. Этотъ пробѣль поразилъ молодого Майкова, и его пытливый умъ захотѣлъ взглянуть по-ближе въ прошлое и настоящее славянскихъ народовъ. Результатомъ его знакомства съ славянскимъ міромъ и его юридическими памятниками была его диссертација на степень кандидата юридическихъ наукъ, озаглавленная: „О первоначальномъ характерѣ законовъ по источникамъ славянского права“. Громадной заслугой этого труда было уже то, что онъ открылъ собою рядъ дальнѣйшихъ университетскихъ работъ по славянской исторіи и славянскому праву. Какъ первый по времени въ этомъ направленіи — юридический трудъ А. Н. Майкова обратилъ

на себя вниманіе въ университетѣ. Профессоръ Баршевъ замѣтилъ по поводу диссертациіи Майкова, что въ ней много любопытнаго и новаго. Мы остановились на этой юридической работѣ нашего поэта, потому что она объясняетъ тотъ интересъ, съ которымъ онъ относился къ славянской жизни и который задержалъ его въ Прагѣ.

Въ этомъ центрѣ тогдашней славянской жизни и науки нашъ поэтъ познакомился съ Ганкой и Шафарикомъ. Въ группировавшемся около нихъ тогда еще довольно тѣсномъ кружкѣ уже начинало пробуждаться славянское чувство, зараждалась идея славянской самостоятельности, и взоры славянъ начинали робко обращаться въ сторону Россіи, какъ единственного государства славянскаго, уже живущаго самостоятельной жизнью. Немудрено, что молодой Майковъ былъ съ распостертыми объятіями встрѣченъ этимъ кружкомъ славянскихъ патріотовъ и обласканъ имъ. Покойный Н. В. Гербель въ своей краткой біографіи Майкова приводить начало чешской пѣсни, написанной напимъ поэтомъ во время пребыванія его въ Прагѣ, переведенной Шафарикомъ и тутъ же положенной на музыку. Вотъ это начало, какъ оно напечатано въ сборникѣ Гербеля:

„Чехъ сидѣлъ надъ Лабой горной,
Къ чеху соколь прилетѣлъ:
Что сидишь ты съ думой черной
Ты бы пиль, да ты бы пѣль“.
— „Радъ бы пить я, да не пьется,
Радъ бы пѣть, да не поется“...

Это начало, къ сожалѣнію, неизвѣстной намъ вполнѣ пѣсни, замѣтимъ мимоходомъ, какъ нельзя лучше указываетъ на то настроеніе, которое еще въ началѣ 40-хъ годовъ царствовало среди наиболѣе развитыхъ представителей чешской интеллигенціи, которая одна только среди всего славянскаго міра имѣла возможность пользоваться благами науки.

По возвращеніи изъ-за границы, Аполлонъ Николаевичъ въ 1844 г. былъ переведенъ съ занимаемой имъ должности по департаменту казначейства на службу въ Румянцовскій музей помощникомъ библіотекаря; когда же музей былъ перенесенъ въ Москву, Майковъ перешелъ на службу въ комитетъ

иностранный цензуры, где и прослужилъ почти 45 лѣтъ своей жизни, занимая здѣсь разныя должности, до предсѣдателя комитета включительно. Таковы виѣшніе факты жизни поэта, почти цѣликомъ исчерпывающіе его біографію. Они немногочисленны, и, сознавая это, самъ Аполлонъ Николаевичъ писалъ своему біографу: „Вся моя біографія не во виѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣплѣніи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные, политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями въ жизни, въ осмысленіи пріобрѣтаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее — вздоръ, труха, формулляръ“...

*Изъ кн.: А. Н. Майковъ. По поводу пятидесятильтии юбилея, его лите-
р. дѣятельности и изъ „Истор. Вѣстника“ за 1897 г.*

Послѣдніе дни жизни поэта и его похороны.

26 февраля, 1897 г., на торжественномъ собраніи Общества ревнителей русского исторического просвѣщенія въ память Императора Александра III, довелось всѣмъ собравшимся для чествованія памяти почившаго Царя слышать и, какъ оказалось потомъ, въ послѣдній разъ, голосъ одного изъ даровитѣйшихъ и лучшихъ людей, какихъ когда-либо производила русская земля. На этомъ собраніи Аполлонъ Николаевичъ Майковъ прочиталъ свое извѣстное стихотвореніе „20 октября 1894 года“, и слушатели были поражены той бодрой силой, тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, съ какимъ убѣленный сѣдинами, 76 лѣтній старець - поэтъ произнесъ свое вѣщее слово; внимая этому слову, никто не могъ подумать, что не далѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, этотъ свѣтлый, проницательный взоръ погаснетъ навѣки, этотъ твердый, звучащий глубокимъ убѣженіемъ голосъ умолкнетъ навсегда; никто не предугадывалъ, что это вдохновенное чтеніе — прощальный русскимъ людямъ завѣтъ Майкова, его лебединая пѣсня!

Черезъ два дня Аполлонъ Николаевичъ зашелъ вечеромъ къ пишущему эти строки, чтобы вмѣстѣ отправиться въ засѣданіе совѣта того же общества.

— Похвалите меня за ревность въ исполненіи моихъ обязанностей по обществу ревнителей, — сказалъ онъ, входя въ дверь. — Я, кажется, простудился, мнѣ бы надо было сидѣть дома и принимать лѣкарство, а, вотъ, я ѓду въ совѣтъ.

Въ продолженіе засѣданія Аполлонъ Николаевичъ былъ бодръ и оживленъ, какъ обыкновенно, принималъ живое участіе въ обсужденіи вопросовъ о продстоящей обществу издательской дѣятельности, но перѣдъ уходомъ опять повторилъ, что чувствуетъ себя нехорошо, жаловался вообще на ознобъ и, плотно закутавшись въ шубу, поспѣшилъ домой, чтобы скорѣе лечь въ постель и согрѣться.

Ему уже не суждено было встать съ постели. На слѣдующій же день появились грозные признаки крупознаго воспаленія легкихъ, были призваны врачи, и вѣсть — сначала о тяжкомъ, а затѣмъ и о безнадежномъ положеніи Майкова быстро разнеслась по городу, въ средѣ его друзей и близкихъ знакомыхъ. Многимъ изъ нихъ въ теченіе семи дней болѣзни дорогого поэта пришлось на самихъ себѣ испытать душевное состояніе, такъ жизненно и ярко имъ изображенное въ словахъ героини поэмы „Два міра“ Лиды:

...Вдругъ, не стало дара
Ни слезъ ни словъ; душа нѣма.
Что въ ней горѣло, погасаетъ;
Вошла и все растетъ въ ней тьма!
Два слова: Децій умираетъ,
Одни звучать въ ней...

Самъ Аполлонъ Николаевичъ до конца, однако, не представлялъ выражать живое участіе къ покидаемой имъ жизни; события на востокѣ, особенно волновавшія его, и послѣднее время продолжали приковывать его вниманіе и на смертномъ одрѣ; онъ постоянно просилъ, чтобы ему читали газеты, а наканунѣ смерти потребовалъ принесенный изъ типографіи корректурный листъ помянутаго выше стихотворенія и, несмотря на крайнее истощеніе силъ, прочелъ его вслухъ съ начала до конца. Это было почти послѣднимъ проявленіемъ угасавшаго уже сознанія. Съ пятницы вечера Аполлонъ Николаевичъ впалъ въ безпамятство, а въ 7 часовъ утра въ субботу, 8-го марта, скончался.

Тиха и безмятежна была кончина Майкова — тихо и безмятежно протекла и его долгая, трудовая, плодотворная

жизнь, съ дѣтства и до глубокой старости сложившаяся необыкновенно счастливо для развитія, роста и расцвѣта даннаго ему отъ Бога таланта.

Гр. А. Голенищев-Кутузовъ.

11 марта, 1897 года въ Новодѣвичьемъ монастырѣ зарыть въ землю еще одинъ рѣдкій литературный талантъ... Могила приняла одного изъ могучихъ пѣвцовъ, которые украшали литературу сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ и вносили въ нее жизнь и увлеченіе, служа одинаково для воспитанія юношества и въ то же время доставляя незамѣнное удовольствіе взрослому человѣку. Да, это какъ нельзя болѣе сказалось сегодня. Красивое солнце весны, которое такъ любилъ и такъ чудно воспѣвалъ поэтъ, разбрасывало свои лучи на улицѣ Петербурга, и громадная толпы народа учащихъ и учащихся спѣшили къ дому, где жилъ покойный Аполлонъ Николаевичъ. Здѣсь были и студенты, и гимназисты, и народъ, и интеллигенты, и литераторы. Для всѣхъ Аполлонъ Николаевичъ являлся роднымъ, вѣдь онъ писалъ для всѣхъ. У Юсупова сада было трудно двигаться впередъ. У подъѣзда выступалъ роскошный серебряный катафалкъ, запряженный шестеркой лошадей цугомъ. Къ другой колеснице, не менѣе изящной, студенты печально несли изъ квартиры многочисленные вѣнки...

Изъ квартиры доносились церковное пѣніе... Здѣсь уже собрались знакомые, друзья и сослуживцы покойнаго, члены главнаго управлѣнія по дѣламъ печати.

Въ десять минутъ десятаго была совершена духовенствомъ церкви св. Вознесенія литія, послѣ которой серебряный гробъ съ тѣломъ покойнаго поэта подняли друзья и собратья по литературѣ и отнесли къ катафалку.

При выносѣ гроба всѣ разговоры смолки, головы поникли. Многіе осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Печальная колесница съ тѣломъ двинулась на кладбище, предшествуемая духовенствомъ и пѣвчими. За гробомъ шли многочисленные представители литературы. Солнце, казалось, осѣнило гробъ своимъ чуднымъ блескомъ.

Тоскливыя лица повсюду. За гробомъ шли осиротѣлая семья и многіе друзья покойнаго. По улицамъ стояли толпы

народа, желавшія также сказать послѣднее прости русскому поэту.

По прибытии въ Новодѣвичій монастырь, погребальнойную процессію ждала новая толпа. Гробъ съ тѣломъ друзьями и родственниками былъ поднятъ и внесенъ на рукахъ въ церковь Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ /собрались многочисленные почитатели таланта А. Н. Унылыхъ лица повсюду. Въ церкви началась божественная літургія.

Къ отпѣванію въ соборъ прибыль августьйшій президентъ Академіи Наукъ, великий князь Константинъ Константиновичъ. Отпѣваніе совершилъ настоятель Исаакіевскаго собора, протоіерей о. Смирновъ съ шестью священниками. Одинъ изъ нихъ, о. Тубасовъ, произнесъ слово. „Кто изъ русскихъ грамотныхъ и образованныхъ не знаетъ Майкова?— говорилъ проповѣдникъ,— онъ наполнялъ насы звуками чистой высокой поэзіи, онъ всю жизнь стремился къ возвышенному, чистому и былъ носителемъ идеи правды и добра, которымъ служилъ, который воспроизводилъ въ своихъ прекрасныхъ стихахъ. Но есть мѣстность, гдѣ чтуть покойного не только какъ поэта, но и какъ дѣятеля, облагодѣтельствовавшаго эту мѣстность. На станціи „Сиверская“ устроенъ храмъ по иниціативѣ покойного, и при его помощи потомъ устроена школа по его же иниціативѣ и при его участіі. И въ своихъ трудахъ и въ частной жизни покойный стремился всегда къ свѣту, къ добру. Да возрадуется же душа его о Господѣ“. Гробъ съ тѣломъ покойного, по отпѣваніи, на рукахъ друзія и родственники отнесли на кладбище. Здѣсь стояли кругомъ толпы народа и учащаяся молодежь. Говорилъ рѣчъ Скворцовъ (артистъ). Онъ говорилъ очень хорошо, начавъ съ того, что „Майковъ всегда любилъ воспѣвать весну, но вотъ весна теперь только что начинается, и голоса поэта уже не слышно, но онъ не смолкъ, красота природы — лѣса, поля, горы, которые поэтъ воспѣвалъ въ своихъ твореніяхъ, будутъ говорить вѣчно и потомкамъ нашимъ о великомъ поэту; пройдутъ годы, но память о немъ не исчезнетъ, напротивъ, его имя пройдетъ по всей Руси Великой, по всѣмъ школамъ и деревнямъ, гдѣ будутъ читать его, будутъ восхищаться его твореніями, возвышающими душу“. Рѣчъ свою Скворцовъ очень удачно иллюстрировалъ строфами изъ стихотвореній самого Майкова. Затѣмъ читали стихи, посвященные памяти

поэта, молодые поэты. Первымъ прочиталъ стихотвореніе П. А. Потѣхинъ:

Еще одна завѣтная могила
Прибавилась въ ряду могилъ!
Еще судьба жестокая сразила
Одну изъ русскихъ вдохновенныхъ силъ!...
Плачь, горько плачь, печальная Россія,
Надъ урною народнаго пѣвца.
Не повторятся трели золотыя
Любимца музъ, поэзіи жреца...
Въ дни предпочтенья пѣснопѣньямъ прозы
Онъ лирою полвѣка міръ плѣнялъ
И чистыя, восторженныя слезы
Въ насъ пѣсню задушевной вызывалъ;
И нѣжная, задумчивая лира,
Звучала со всѣхъ концовъ родной земли,
Дышала жаждою любви и мира
Для церкви, царства, ближнихъ и семьи.
И не искалъ онъ славы, но свободы,
Безъ принужденія пѣснь его лилась,
Будила чувства добрыя въ народѣ,
И вся Россія съ пѣснью той сжилась...
Но вотъ насталъ послѣдній часъ разлуки...
Главой увѣнчанной поникъ пѣвецъ,
Навѣки смолкли сладостные звуки
Среди миллионовъ плачущихъ сердецъ...
Усни, поэтъ народный, незабвенный,
Усни отъ всѣхъ тревогъ, отъ всѣхъ суетъ!
О, „Двухъ Мировъ“ создатель вдохновенный,
Воспѣвъ земной, познай небесный свѣтъ!
Да, умеръ ты... и тѣло передъ нами
Бездушное, безгласное лежить,
И гробъ твой мы украсили цвѣтами,
И церковь память вѣчную твердить.
Но живъ твой духъ! Живеть въ твоихъ твореньяхъ,
Живеть въ сердцахъ признательныхъ тебѣ!..
Поэтъ! Ты въ сладкозвучныхъ пѣснопѣньяхъ
Воздвигнулъ вѣчный памятникъ себѣ!

Другое стихотвореніе прочиталъ поэтъ Щедровъ:

Не стало нашего поэта,
Великій Майковъ нашъ угасъ.
Но духъ его, какъ отблескъ свѣта,
Разлитъ невидимо средь насъ.
Пускай его умолкла лира,
Пускай не пѣть ея струнамъ,
Но уходя на вѣкъ изъ міра,

„Два Мира“ онъ оставилъ намъ.
Въ его стихахъ живеть Эллада
И Римъ великихъ христіанъ,
И всѣ цвѣты родного сада,
Сказанья сѣверныхъ славянъ.
Онъ не гнался за бурнымъ вѣкомъ,
И въ преходящей суетѣ
Стоялъ свободнымъ, гордымъ грекомъ,
Всю жизнь отдавши красотѣ.
Онъ былъ огнемъ небесъ отмѣченъ
Бесмертныхъ образовъ творецъ,
Себѣ изъ звуковъ чистыхъ, вѣчныхъ,
Сковалъ онъ творческій вѣнецъ.
Прими-жъ послѣдній даръ разлуки,
Пѣвецъ, мой траурный цвѣтокъ,
Пусть бѣденъ онъ, пусть слабы звуки,
Живой расой — слезами муки
Обрызганъ каждый лепестокъ!

Поэтъ А. Н. Аeanасьевъ свое стихотвореніе началъ словами:

Скончался онъ ранней весенней порой,
Когда отворяется первая рама
И въ окна врывается гулкой волной
И говорь народа и благовѣсть храма.

Указавъ, что

Онъ вызвалъ античный, исчезнувшій міръ
Изъ мрака забвенья намъ силою слова,
И золото, мраморъ и пышный порфиръ
Открылъ изъ-подъ пепла развалинъ былого.

Онъ закончилъ:

И вотъ этихъ звуковъ угасъ властелинъ,
Изъ міра похищень онъ смертью лукавой,
Покрытый вѣнцомъ благородный Одинъ,
И въ храмѣ науки увѣнчанной славой.

Послѣднее стихотвореніе прочиталъ К. М. Фофановъ:

Колыбель твоей славы — могила твоя
Возсіяль надъ тобой новый свѣтъ бытія
И обрѣль въ тайнѣ смерти ты новый вѣнецъ,
Въ смыслѣ жизни — обрѣль величавый конецъ.
Теперь новой ступенью ты стала къ божеству
И не будетъ конца твоему торжеству.
Гдѣ горить незамѣтно звѣзда — и куда
Не заглянетъ людская борьба и вражда,

И въ нетлѣниомъ чертогѣ сіяющихъ силъ
Ты въ бессмертие нынѣ вступилъ,
И возсѣль на Олимпѣ въ созвѣзды богинь.
Миръ и слава тебѣ — миръ и небу. Аминь.

(Изъ „Свѣта“ и „Нов. Вр.“)

Особенности поэтическаго творчества А. М. Майкова, объясненные имъ самимъ.

Внутренній міръ Майкова выразился въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Для вѣрной оцѣнки ихъ имѣютъ большое значение объяснительные замѣчанія, составленныя самимъ поэтомъ, и письма его, писанныя въ разные періоды его жизни. Въ письмахъ онъ обращается къ близкимъ ему людямъ, говорить съ полною откровенностью, дѣлясь своими мыслями и впечатлѣніями, своими радостями и невзгодами.

Стихи, какъ художественная форма для выраженія мыслей, плѣняли Майкова съ первыхъ дней его поэтической дѣятельности. Онъ говоритъ:

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихѣ его облечь — блаженство для меня!
Меня гармонія тогда плѣняла тайны,
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я,
Я ими тѣшился, ихъ мѣрино повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстями пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаетъ голосамъ.

Даръ стиховъ считалъ онъ высшимъ жребиемъ человѣка, сходясь въ этомъ вѣрованіи съ двумя родственными ему по духу поэтами, составлявшими вмѣстѣ съ нимъ союзъ, который, онъ, для избѣжанія недоразумѣній, называетъ добрымъ тройственнымъ союзомъ. Привѣтствуя Я. П. Полонского, по поводу его пятидесятилѣтнаго юбилея, Майковъ говоритъ:

Тому ужъ больше чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ,
За высшій жребій человѣка
Считая чудный даръ стиховъ,
Имъ предались невозвратимо...
Тѣ трое были... милый мой,

Ты понялъ? Фетъ и мы съ тобой...
Въ полустолѣтъе жъ нашихъ музъ
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный
За поэтический, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

Стихотворная форма была необходимымъ условиемъ для творчества нашего поэта. Въ одномъ изъ писемъ его читаемъ слѣдующія строки: „Странное дѣло: не могу писать прозой; кажется, рифма по натурѣ и по трудности своей должна быть препятствиемъ выраженія мысли; для меня напротивъ — я въ стихахъ не упущу той мысли, которую хотѣлъ выразить, а въ прозѣ безпрестанно ее упускаю. Происходитъ ли это отъ недостаточнаго воззрѣнія на вещи? я чувствую это затрудненіе, говоря объ самыхъ обыкновенныхъ и мнѣ известныхъ предметахъ; отъ неумѣнья владѣть языкомъ? — языкъ у меня въ стихахъ болѣе правиленъ, чѣмъ неправиленъ, и слова выражаютъ понятія, которыхъ я хочу выразить. Это меня до того бѣситъ, что я даже писалъ прозой; для того, чтобы выучится писать, я на сей конецъ переводилъ изъ Тацита лучшія мѣста, какія встрѣчалъ, читая его еще въ Римѣ“.

Майковъ долго работалъ надъ своими произведеніями, стремясь облекать мысли въ достойную ихъ вѣшнюю форму. Онъ самъ называлъ себя въ этомъ отношеніи ювелиромъ. Онъ требовалъ отъ молодого поэта стиховъ и стиховъ,

Чтобъ, взволновавъ, мнѣ дали миръ,
Чтобъ я и плакалъ, и смѣялся,
И вмѣстѣ — старый ювелиръ —
Ихъ обработкой любовался...

Самая тщательная обработка необходима для истинно-художественной формы:

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони:
Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобъ божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сияль — огнемъ души твоей!..

Придавая такое значеніе художественной формѣ, Майковъ оставался вѣренъ основнымъ началамъ эстетики, выраженнымъ съ особенною яркостію Шиллеромъ и подвергшимся

впослѣдствіи незначительнымъ въ сущности измѣненіямъ. По взгляду Шиллера, форма есть тотъ духъ, который художникъ вдыхаетъ въ свое произведеніе. Матерія его, содержаніе можетъ потерять значеніе, но великая форма не подлежитъ прихотямъ судьбы и людей. Храмы производили еще благоговѣйное наслажденіе, когда боги уже были осмыслены; римляне работѣенно склоняли колѣни передъ цезарями, когда ихъ статуи стояли еще гордо и прямо. Человѣчество потеряло свое достоинство; искусство спасло и сохранило его. Позднѣйшіе представители эстетики утверждали, что она занимается формами, подобно естественнымъ наукамъ: геологія, ботаника, зоологія изучаютъ формы, потому что формы остаются вѣчно, а содержаніе, заключенное въ нихъ, проходитъ, замѣняясь другимъ, образуемымъ природою по той же формѣ. Замѣчательнѣйшій изъ эстетиковъ XIX столѣтія говоритъ: Das Schöne ist reine Form. Form ist Ausfluss, daher Ausdruck eines Innern. Современные Майкову русскіе ученые и писатели дорожили художественною формою. Графъ С. С. Уваровъ находилъ, что „идея безъ формы то же, что свѣтъ въ тускломъ стеклѣ; свѣтъ прекрасенъ въ брильянтѣ“. По мнѣнію Грановскаго, изящная форма составляетъ большое достоинство и для научныхъ изслѣдованій. „Форма всегда соответствуетъ идеѣ“ — говорилъ Бѣлинскій — и размѣръ отнюдь не есть случайное дѣло“.

Майковъ былъ убѣжденъ, что въ поэтическомъ произведеніи вѣщнее неразрывно связано съ внутреннимъ — форма съ облеченою въ нее мыслію. Мысль требуетъ отъ художника большой внутренней работы. Возникнувъ въ душѣ, мысль долго зрееть, поэтъ переживаетъ много тяжелыхъ минутъ, испытываетъ много волненій прежде, нежели она получить свое настоящее выраженіе:

Мысль поэтическая — нѣть!
Въ душѣ мелькнувъ, не угасаетъ!
Ждетъ вдохновенья много лѣть,
И, вспыхнувъ вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ
Призыву свыше — воскресаетъ...
Дать надо времени протечь,
Нужна, быть можетъ, въ сердцѣ рана —
И не одна — чтобы облечь
Мысль эту въ образъ и извлечь
Изъ первобытнаго тумана.

Въ другомъ стихотвореніи:

Вчера — и въ самый мигъ разлуки
Я вдругъ обмолвился стихомъ —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечнымъ лучомъ
И близъ и даль озолотило.

До какой степени поэтъ искрененъ въ этихъ произведенияхъ, видно изъ слѣдующаго мѣста въ его замѣчательномъ письмѣ. Сообщивши о большихъ непріятностяхъ, грозившихъ весьма печальными послѣдствіями, Майковъ утверждаетъ, что, несмотря на все имъ испытанное, онъ спокоенъ и веселъ потому, что тревоги эти подали поводъ къ обильному писанію стиховъ: „Когда душа моя разрядилась стихами, въ ней все утихаетъ. Пьеса хороша, и кажется, что породившія ее страданія были необходимы и законны: безъ нихъ не было бы мнѣ минуты великаго блаженства — творчества“.

Майковъ высоко, идеально высокоставилъ призваніе поэта. Каково бы ни было настроеніе вѣка, чѣмъ бы ни угрожала злоба дня, поэтъ не поступится своимъ призваніемъ и сохранить свою духовную свободу:

„Не отставай отъ вѣка“ — лозунгъ лживый,
Коранъ толпы. Нѣть: выше вѣка будь!..
Куда бѣ ни шель шумящій міръ,
Что бѣ разумъ будничній ни строилъ,
На что бѣ онъ хоръ послушныхъ лиръ,
На всѣхъ базарахъ ни настроилъ, —
Поэтъ не слушай ихъ. Пускай
Растеть ихъ гамъ, кипитъ работа, —
Они все въ Книгѣ Жизни — знай —
Пойдутъ не дальше переплета!
Святыя тайны Книги сей
Раскрыты вѣщему лишь оку:
Богъ открывался самъ пророку...
И пусть для всѣхъ погаснетъ небо,
И въ тымъ приволье всѣ найдутъ,
И ради похоти и хлѣба
На все святое посягнутъ, —
Одинъ онъ — съ поднятымъ забраломъ —
На площади предъ всей толпой —
Швырнеть Астартамъ и Вааламъ
Перчатку съ вызовомъ на бой.

Но, дорожа своею самостоятельностью и стремясь къ идеа-

ламъ, поэтъ не оставался равнодушнымъ и къ явленіямъ, происходившимъ въ окружающей дѣйствительности и оскорблявшимъ нравственное достоинство человѣка.

Въ Римѣ и Аѳинахъ Фрины были, Лиды,
Вѣтреные жрицы пламенной Киприды;
Но съ Кипридой Музы въ двери къ нимъ влетали,
И у нихъ Сократа розами вѣнчали...
Нынѣ чужды Музамъ корифейки оргій;
Чужды Мессалинамъ страстные восторги;
Черезъ нихъ карьеру созидають франты,
И связей и денегъ ищутъ спекулянты...

Бюрократія, попирающая человѣческія чувства подъ видомъ исполненія долга и во имя своеобразно понимаемой законности, нашла въ поэта своего обличителя:

И воть — идеть онъ въ блескѣ власти,
Весь въ холодѣ правды облечень;
Въ груди молчатъ людскія страсти,
Въ груди живеть одинъ законъ.
Его ничто не возмущаетъ:
Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ,
Во имя буквы онъ караетъ
Тамъ, гдѣ помиловалъ бы Богъ...

Майковъ былъ однимъ изъ образованѣйшихъ нашихъ писателей. Онъ цѣнилъ и уважалъ науку и неустанно работалъ надъ расширениемъ круга своихъ знаній. Изученіе памятниковъ отечественной литературы, начиная съ древняго ея періода, а также произведеній устной словесности, соединилось у него съ изученіемъ литературъ иностранныхъ въ твореніяхъ ихъ главнѣйшихъ представителей. Убѣдительнейшими доказательствомъ разнообразной образованности автора служатъ: лирическая драма „Три смерти“ и трагедія „Два міра“. Давая ключъ къ понятію своего произведенія, авторъ поясняетъ, что желалъ изобразить христіанъ такими, какими они были въ дѣйствительности — не отвлеченными идеями, а живыми людьми: „біографія ихъ до принятія христіанства сквозитъ и по принятіи въ каждомъ различно“. И поэтъ мастерски справился съ поставленою имъ задачею: какъ уже замѣчено критикой, въ „Двухъ мірахъ“ изображены различные типы, созданные имъ подъ вліяніемъ внимательнаго чтенія св. писанія и произведеній Ефрема Сирина, блаженного Августина, Іоанна Дамаскина и другихъ писа-

телей первыхъ вѣковъ христіанства. Съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался авторъ своими источниками, и выраженный въ нихъ мысли и чувства передалъ въ живыхъ, поэтическихъ образахъ. Онъ возсоздалъ минувшую эпоху съ ея нравственною борьбою, съ ея горемъ и съ ея отдаленными надеждами. Сколько жизненной правды и какъ много поэзіи въ предсмертномъ монологѣ Сенеки въ драмѣ „Три смерти“:

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда жъ толпа, съ тобою разно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдить съ какой-то злой грозной
Движенія сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко,—
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Другья, повѣрьте, нелегко:
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопить нась среди зыбей,
Какъ обезмысленные щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...

Въ обширной запискѣ, составленной по поводу „Двухъ міровъ“ и имѣющей видъ задушевной авторской исповѣди, Майковъ говоритъ: „События минувшихъ вѣковъ я старался вообразить себѣ по ихъ аналогіи съ тѣмъ, что прожилъ и наблюдалъ самъ на свое мѣсто вѣку, а переживаемая нами историческая полоса такъ богата подъемами и паденіями человѣческаго духа, что внимательному взору представляеть богатый матеріалъ для сравненія даже съ далекими минувшими эпохами. Открывается удивительная аналогія явленій — не роковая послѣдовательность неприложныхъ вѣщнихъ законовъ, а нѣчто живое, вѣчно-дѣйствующее въ самой сущности духа человѣческаго. Кто изъ мыслящихъ людей не пережилъ періодовъ сомнѣнія въ крѣпость и вѣчность

того, что любишь, безъ чего жизнь кажется немыслимой, съ другой стороны, кто изъ тѣхъ же мыслящихъ людей, при первомъ пробужденіи ума, не протестовалъ противъ исторического склада, противъ „старинъ“ и проче? Кто, наконецъ, на старости „не покладывалъ руку“, съ безнадежностью смотря вдалъ и вздыхая, что „все гибнетъ!“ Это я говорю о лучшихъ людяхъ, о Дециахъ; они были у всѣхъ народовъ, во всѣхъ вѣка. Но они окружены волнующеюся толпой безконечнаго разнообразія. Вглядитесь въ эту толпу всѣхъ эпохъ исторіи — вы убѣдитесь, что она вездѣ одна и та же въ духѣ; разница почти только въ костюмахъ, т. е. чисто виѣшняя. Такимъ образомъ настоящее поясняетъ мнѣ минувшее и наоборотъ. Разъ это понявъ, уже облегчишь себѣ возможность рисовать историческую картину: люди явятся всѣхъ величинъ, видовъ и знаній. И нынѣшняго старого развратнаго сановника, балетнаго завсегдата и весьма неразборчиваго въ способахъ пріобрѣтенія, узнаешь въ Публіи, беззубомъ проконсулѣ, котораго дурачить Лезбія; надменнаго, сухого аристократа, у которого отъ предковъ остались только фамильные пороки и имя, который бранить новое только потому, что не ему достается сбирать дань съ текущей жизни, признаешь — въ старомъ Фабіи, скрягѣ, скопидомѣ, вздыхающемъ о древнемъ правѣ, по силѣ коего онъ могъ бы въ рабство себѣ взять всѣхъ своихъ должниковъ. Въ этихъ нашихъ герояхъ demi-monde'a, добрыхъ и веселыхъ по природѣ, остроумныхъ, даже и знакомыхъ съ послѣдними словами „науки“, при всемъ томъ скучающихъ и обремененныхъ долгами, истощенныхъ оргіями и наслажденіями и часто готовыхъ на все (какъ Катилина) для стяженія чести и денегъ — развѣ не узнаете вы въ этой блѣдной толпѣ юныхъ патриціевъ, изъ которыхъ у меня на Дециевъ пиръ выхвачены Лелій, Клавдій, мечтающіе объ отцеубійствѣ, апплодирующіе скептикамъ адвокатамъ въ ихъ глумленіи надъ великимъ жрецомъ, а втайне, въ минуты страха и отчаянія, тихонько, впрочемъ, другъ отъ друга, приносящіе козлять въ жертву богамъ... А этотъ великий жрецъ, изблевывающій клевету на христіанъ, что они пьютъ кровь человѣческую?.. А эти адвокаты, Галлусъ и Гиппархъ, знаете откуда они взялись? Раскрываю разъ Тацита и читаю въ жизни Агриколы мѣсто, гдѣ, при описаніи южной

Британії, онъ говоритъ, что она покрыта уже городами, гдѣ есть и театръ, и циркъ, и бани, и прочее, т.-е., что она романизировалась, и прибавляется: это несмысленными людьми считается *humanitas* (по нашему въ переводѣ: „цивилизацией“), но это въ сущности есть печать рабства. Значитъ, что же? Этотъ строгій Тацитъ, которымъ навѣрное зачитывались Фабіи, презираетъ, стало быть, этихъ вновь цивилизованныхъ-то, и какъ они ни восхваляй Римъ за его просвѣщающее и умиротворяющее вліяніе на народы міра, онъ (Тацитъ и ему подобные) все-таки въ нихъ видѣтъ подлыхъ варваровъ, презрѣнныхъ *parvenus!* Провѣряю себя и нахожу, что всѣ почти гуманисты Рима, все это — инородцы, испанцы, галлы, греки. А въ Европѣ кто гуманисты? Кому противны національныя идеи въ Германіи, Франціи, у насъ? Кто бойцы новыхъ гуманныхъ идей? Гейне, Берне, Лассаль, Либкнѣхтъ... ихъ легіонъ! И такъ двѣ строчки Тацита озаряютъ мнѣ внутренность сердецъ цѣлыхъ двухъ половинъ римской интеллигенціи, проводятъ глубокую между ними черту и сразу создаютъ цѣлую сцену, создаютъ Галлуса, Гиппарха, Фабія, Эннія, Кавдія, Лелія и всѣхъ ихъ рѣчи... Когда творились у меня эти сцены и образы, я не разсуждалъ обѣихъ, а писалъ почти безсознательно, даже до того безсознательно, что мнѣ часто казалось, что кто-то Невидимый мнѣ диктуетъ, и я, какъ пишущій подъ диктанть, впередъ гадаю и радуюсь, догадываюсь, что дальше будетъ, куда къ чему этотъ Невидимый ведеть. Иногда мнѣ становится даже страшно. Прошлаго года (1882) Рейерь рѣзалъ руку моему сыну у себя въ клиникѣ, а намъ, отцу и матери, не вѣрѣть присутствовать при операциі; мы съ утра, какъ говорится, мѣста не находили. Я напрягалъ всѣ силы, чтобы быть приличнымъ и спокойнымъ, но покоя этого не было, сердце ныло. Побѣжалъ въ церковь — церковь пустѣла, дослуживался какой то молебенъ; я стою, сжавъ руки, устремивъ глаза въ куполъ — вдругъ является этотъ Невидимый и диктуетъ мнѣ стихи Камиллы о больномъ ребенкѣ тогда, когда я менѣе всего могъ думать о стихахъ:

.....Съ дѣтьми въ очью
Увидишъ Бога!... Разболится,
Ты что тогда?... Горитъ, томится,
Всю душу надорветъ твою,

И нѣтъ тебѣ ни дня ни ночи!
Ты чувства всѣ окаменишь,
Дыхнетъ ли, двинется-ль — слѣдишь
Вся въ немъ! и, наконецъ, нѣтъ мочи!
Силь, что осталось, соберешь
И выльешь все въ одно ихъ слово:
„Спаси, спаси!“ и унадешь
Предъ Тѣмъ, Кто можетъ все.

При всемъ уваженіи къ обширности знаній Майкова, литераторы-современники находили, что произведенія его не всегда производятъ впечатлѣніе, котораго можно бы ожидать отъ просвѣщенаго поэта, мастерски владѣющаго формою. Исполняя просьбу высказать откровенное мнѣніе о поэзіи Майкова, Фетъ писалъ сочлену своему по „тройственному союзу“ Я. П. Полонскому: „Ты говоришь, что помни наизусть мои стихи, не помнишь ни одного Майковскаго; я говорю то же самое по отношенію къ тебѣ. Что же касается до Майкова, то онъ несомнѣнно трудолюбивый, широко образованный и искусный русскій писатель, онъ не то, что иной нашъ братъ самоучка, вродѣ Кольцова: раздобылся карандашемъ да клокомъ бумаги, и ну рисовать. Нѣтъ, студія Майкова снабжена всевозможными материалами и приспособленіями. Это скорѣе оптовый магазинъ, чѣмъ переносная лавочка; но въ этомъ магазинѣ не найдешь той бархатной наливки, какою подчастъ угостить русская хозяйка непретендующихъ ни на какія отличія. Если музъ слѣдуетъ титуловать, то къ нашимъ слѣдуетъ писать: ваше благородіе, а Майковскую надо титуловать: ваше высокостепенство. Что касается до меня, то я скорѣе забѣгу къ скромному шкафчику еще разъ выпить ароматной влаги, чѣмъ въ великолѣбный оптовый магазинъ, въ которомъ ничѣмъ не дадутъ и рта подсластить. Ты просишь откровенности, вотъ тебѣ и откровенность“.

Поэтъ нашъ задумывался надъ тайнами бытія и призваниемъ человѣка и, чуждый стремленія „рубить все въ корень и со взмаху“, являлся въ думахъ своихъ такимъ же объективнымъ художникомъ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ. Видѣ допотопной кости вызвалъ такую думу:

И нась такой же ждетъ удѣль:
Пройдеть и племя человѣка,
Умолкнетъ славы нашей шумъ;

Умруть о людяхъ и преданья;
Все, чѣмъ могучъ и гордъ нашъ умъ —
Въ иныя не войдеть созданья.
Оледенѣло звѣздой
Или потухнувшимъ вулканомъ
Помчится какъ корабль пустой,
Земля небеснымъ океаномъ.
Такъ разумъ въ тайнахъ бытія
Читаетъ намъ... но сердце бьется,
Надежду робкою тая —
Авось онъ, гордый, ошибется!...

Предчувствіе этой, желаемой поэту, „насъ возвышающей“⁴ ошибки сквозить и въ другихъ стихотвореніяхъ.

Ты правъ, мудрецъ: все въ мірѣ тлѣнье,
Все въ людяхъ ложь... Но что нибудь
Да есть же въ насъ, что жаждетъ свѣта,
Чему вся ложь противна эта,
Что рвется въ Вѣчность проглянуть...
Но говорить мнѣ тайный голосъ
Что не вотще душа моя
Здѣсь и любила и боролась:
Въ ней есть свое жилое я!
И жизнь — не сонъ, не сновидѣніе...

Какъ человѣкъ просвѣщенный, и серіозно думавшій о „вопросахъ жизни“, Майковъ рѣшалъ ихъ не съ чужого голоса, а сообразно съ тѣмъ, что говорили ему его собственный умъ и его собственное чувство. Будучи по собственному признанію, рѣшительнымъ врагомъ литературныхъ партій, Майковъ находилъ, что если поэтъ принадлежитъ партіи, то онъ уже „не поэтъ, а наемникъ; только личный внутренній міръ — источникъ поэзіи“. А въ тогдашней литературѣ упорно держался обычай дѣлить всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей на двѣ партіи, на два враждебные лагеря: западниковъ и славянофиловъ, подобно тому, какъ Стефанъ Яворскій дѣлилъ всѣхъ людей на три рода: на праведныхъ, грѣшныхъ и военныхъ. Къ Майкову, какъ и къ Буслаеву, обращались съ вопросомъ, какого они лагеря? И Буслаевъ и Майковъ дали весьма определенный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Буслаевъ не считалъ себя славянофиломъ, но въ той же мѣрѣ не признавалъ себя и западникомъ, потому что не могъ, говоря его словами, „вмѣстѣ съ Чаадаевымъ поклоняться римскому папѣ и не глумился вмѣстѣ съ Бѣ-

линскимъ надъ нашими былинами и пѣснями⁴. Майковъ въ одномъ откровенномъ дружескомъ письмѣ разсказываетъ слѣдующее: „Мы воспитывались, чтобы быть образованными людьми; въ университѣтѣ искали истины, для жизни искали идеала и переходили отъ стоиковъ къ эпикурейцамъ“.

Въ теченіе всей своей жизни Майковъ питалъ искреннюю, живую любовь къ Россіи. Всего ярче и поэтичнѣе проявлялась она въ его изображеніяхъ русской природы. Онъ часто сравнивалъ ее съ природою чужихъ странъ и, несмотря на скучность и однообразіе первой и великолѣпіе послѣдней, первая была ему милѣе и болѣе говорила его душѣ. Довольно указать на стихотвореніе: „Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ“, или:

Здѣсь весна, какъ художникъ ужъ славный, работаетъ тихо,
Отъ цвѣтовъ до другихъ по недѣлямъ проходить и болѣ.
То ли дѣло нашъ Сѣверъ! весна, какъ волшебникъ нежданный,
Пронесется въ лукахъ, и растопить снѣга и угонить,
Словно взмахомъ однимъ съ яркой озими сдернетъ покровъ...

Путешествуя за границею, Майковъ писалъ изъ Флоренціи: „Чувство природы, возбуждаемое въ нась ея созерцаніемъ, вездѣ одно — и въ болотистыхъ окрестностяхъ Петербургскихъ, и гдѣ угодно. У нась въ русской природѣ это чувство живѣе и непосредственнѣе, оттого что тамъ вокругъ васъ лѣсъ, луга и нивы, и все это жужжитъ, шумитъ, шелеститъ, интересничаетъ съ вами, а здѣсь — камень, декораціи, апельсины, лимоны и оливы, очень (первые) блестящія, деревья съ плодами, но все это кустарникъ, и все это маленькие сады, которые вы видите съ горѣ. Но этого живого трепета жизни не чувствуете, какъ въ еловомъ или березовомъ лѣсу, или въ лугахъ съ кузнечиками, бабочками и пр.... Я и не воображаю, что можетъ быть такая мука на свѣтѣ — не жить въ Россіи. Ума не приложу, какъ это дѣлаютъ другіе“. Почти такими же чертами изображаетъ Герценъ впечатлѣнія, испытанныя имъ при видѣ красотъ чужеземной природы и при мысли о родинѣ съ ея необозримыми полями и убогими, невзрачными жилищами крестьянъ. То же что Майковъ и Герценъ, говоритъ и Некрасовъ:

Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
Какъ ни тепло чужое море,

Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Для знакомства съ внутреннимъ міромъ Майкова весьма любопытны высказанныя имъ мысли о значеніи университетовъ и о нравственныхъ обязанностяхъ, налагаемыхъ званіемъ писателя. Что касается университетовъ, то въ обществѣ нерѣдко, особенно въ былыхъ времена, считали ихъ учрежденіями совершенно тождественными со всѣми другими, такъ называемыми, высшими учебными заведеніями. Иначе смотрѣлъ Майковъ на университетское образованіе. Онъ писалъ: „Рѣшительно, Россія дѣлится на двѣ части: университетскую и неуниверситетскую, да третья еще мужики. Въ первыхъ — мысль, въ послѣднихъ — сила, конечно, и нравственная, а вторая только — обезображенное человѣчество въ сравненіи съ мужикомъ, но испорченное человѣчество, и въ сравненіи съ университетскими — недоразвитое, дикое... (1859 г., фер. 14-го стар. ст.).

Невольно вспоминаются при этомъ слова академика Я. К. Грота: „Убѣжденіе мое въ справедливости мысли о превосходствѣ университетского образованія побуждаетъ меня выразить желаніе, чтобы университетское образованіе получило въ русской общественной жизни, подобающее ему значеніе. Никакой путь ученія не можетъ замѣнить той постепенности въ развитіи умственныхъ способностей и въ приобрѣтеніи знаній, какая доставляется послѣдовательно гимназіею и университетомъ. Только на этомъ пути широкое общее образованіе подготавляетъ надлежащую почву для специального, которое каждый, по окончаніи первого, можетъ избрать съ достаточнымъ сознаніемъ своихъ способностей и наклонностей. Если бъ я смолоду получилъ университетское образованіе, то не потерялъ бы времени на позднее подготовленія къ своему настоящему призванію и сдѣлалъ бы гораздо болѣе“.

Уваженіе Майкова къ званію писателя видно изъ эпизода, имъ самимъ разсказанного. Поэту въ самомъ расцвѣтѣ его силъ и дарованія пришлось испытать нравственное огорченіе до того сильное, что предстояло два выхода: или перенести оскорблѣніе и воспользоваться долею предлагаемыхъ ему благъ, или же отказаться отъ предложенія и навлечь

на себя гнѣвъ людей, въ рукахъ которыхъ была, если не судьба его, то значительныя житейскія выгоды. Майковъ писалъ по этому поводу: „Я самъ все снесу, но за званіе литератора, которое, съ гордой увѣренностью, на страшномъ судѣ, скажу, что никогда не ронялъ, постою, ибо знаю, что въ художникѣ мысль и слово — мысль и слово цѣлаго народа, и сосудъ, гдѣ она живетъ, т.-е. душа моя, долженъ быть чистъ и святъ, и другіе его обижать не смѣютъ“.

Въ письмѣ Майкова выражается взглядъ его на художественные произведенія и на тѣ требования, которыя должна предъявить къ нимъ безпредвзятая критика. Майковъ признавалъ необходимость объективнаго творчества: содержаніе и самый тонъ рѣчи изображаемаго лица должны строго соответствовать его духовнымъ особенностямъ и той эпохѣ, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. Къ письмамъ своимъ Майковъ прилагалъ тогда стихотворенія, только что имъ написанныя и подвергавшіяся впослѣдствіи измѣненіямъ. Такимъ образомъ, благодаря письмамъ, сохранилось нѣсколько редакцій, проливающихъ свѣтъ на творчество нашего поэта.

Въ одномъ изъ своихъ посланій, непоявившихся въ печати, Майковъ говоритъ, обращаясь къ молодому поэту:

Вижу: тревожать Васъ творчества бури. Увы! эти бури
Съ градомъ и снѣгомъ и съ кучами пыли на насъ налетаютъ.
Надобно то лишь схватить, что намъ молнией пламя освѣтить,
Все же напесенное вихремъ отбросить, какъ соръ непригодный;
Образъ схватить и держать на него, какъ на огнь путеводный,
Все отстраняя, что можетъ затмить его, всякое пѣнье
Хитрыхъ Сиренъ, насъ влекущее въ сторону, къ камнямъ и рифамъ.
Тщетно потомъ выбиваешь къ цѣли и жалко отбросить
То, что на кружномъ пути ухватишь вдохновеній случайныхъ.
Юность легко поддается коварному пѣнию, и только
Опытъ научить держать на маякѣ неуклонно кормило.
Трудное дѣло — поэма! для каждого надо сюжета —
Главное — тонъ свой, языкъ свой найти, ни на мигъ не забывши
Кто говоритъ... Кто о немъ повѣствуетъ!
Старецъ ли, читатель Житій и въ чудесное вѣрящій слѣпо,
Нашего ль общества авторъ, къ своимъ обращающій слово?
Можно и такъ взять: обѣ немъ говорить пусть его современникъ,
Даже язычникъ его непонявшій величья — но будетъ
Это величье сквозить христіанамъ въ его недомолвкахъ,
Этотъ разскажчикъ и дасть уже тонъ языку и поэмъ,
Сдѣлавшись самъ интереснымъ лицомъ, своимъ складомъ понятій.
Выдумать надо его — и все дастся самимъ ужъ собою...

....Много подъ старость, увы! у меня накопилось замѣтокъ:
Страхъ передать бы хотѣлось ихъ юнымъ собратьямъ по Музѣ!
Мелочь все это, все больше касается формы, — но форма —
Это — одежда бессмертнаго духа! Мы духа не видимъ,
Но обѣ его совершенствахъ гласить совершенная форма —
То же, что въ мірѣ, гдѣ каждый цвѣтокъ незабудки, а также
Полныя звѣздъ небеса проповѣдуютъ славу Господню.

12-го августа 1890 года Майковъ писалъ: „Обветшала
одежда чего-то нестарѣющаго, составляющаго мое настоящее-то
я! Къ чему готовится это я, не знаю; но очевидно, оно
находится въ какомъ-то новомъ для него періодѣ — подво-
дить итоги, глубже всматривается внутрь вещей, проникается
все больше воззрѣньями Аполлодора Гностика. Вѣроятно
подъ его вліяніемъ написалось стихотвореніе. Хоть поводъ
его написанія — тоже одинъ изъ итоговъ; но я думаю, подъ
образъ, въ немъ очеркнувшійся, подойдутъ многіе образы,
знакомые и близкіе тѣмъ, кому Провидѣніе благоволило
дать ихъ встрѣтить на пути жизни“.

Себя лишь Промыслу ввѣряя,
Она несетъ свой крестъ земной,
Въ тревогахъ жизни почерпая
Лишь въ сердцѣ силу и покой.
Міръ, ею созданный, ревниво
Отъ чуждыхъ взоровъ сторожить,
И чтѣ въ душѣ у ней — стыдливо
И отъ себя самой таить...
Лишь въ мигъ удара громового,

Или когда подъемъ волны
На берегъ вынесеть и снова
Наступить радость тишины, —
Такое вымолвить вдругъ слово,
Такія вскроетъ глубины,
Что въ новость ей и въ изумленье
Вдругъ просіявший подъ грозой,
Отъ узъ земного принужденья
Освобожденный образъ свой!

„Вы знаете, что это за Аполлодоръ Гностикъ? Это моя
выдумка; не люблю обнаруживать моихъ интимнѣйшихъ
мыслей и представлений, вотъ и прибѣгъ къ такой уловкѣ.
Но секретъ обнаружила не многимъ, а многихъ оставляю
въ заблужденіи (даже филологовъ), что будто есть такой
поэтъ II вѣка; некоторые отвѣчали мнѣ: „Знаю, знаю!“
(письмо 28 сентября 1889 года).

Въ числѣ произведеній, принадлежащихъ будто бы Апол-
лодору Гностику, есть одно, вызвавшее любопытную переписку.
Приводимъ его по двумъ первымъ рукописнымъ редакціямъ.

Аскетъ, спасавшійся въ пустынѣ,
Одинъ предъ лицомъ Божества,
Изрекъ — для черни и чонынѣ

Соблазна полныя — слова:
„Жизнь эта — сонъ и сновидѣніе,
Миражъ среди нагихъ песковъ;

Лишь смерть — конечное забвенье
Всей этой лжи, успокоенье,
Сонъ въ лонѣ Бога и — безъ
сновъ!“

Предъ дивнымъ Разумомъ и Силой,
Міры создавшай, жизнь и свѣтъ,
Я — смертный, немощный и хи-
лый —
Я знаю, я — ничто!... Но нѣть,
Нѣть, говорить мнѣ тайный го-
лость,
Нѣть, не вотще душа моя

Здѣсь и любила и боролась:
Въ ней есть свое живое я,
И жизнь — не сонъ, не снови-
дѣніе,
Нѣть, это — пламенникъ святой,
Мнѣ озарившай на мгновеніе
Міръ и небесный и земной;
И смерть — не мигъ уничтоженія
Во мнѣ того живого я,
А новый путь и восхожденіе
Все къ высшимъ сферамъ бытія.

На замѣчанія, сдѣланныя автору по поводу этого стихо-
творенія, онъ отвѣталъ слѣдующимъ письмомъ: „Изъ вашихъ
замѣчаній два, и самая капитальная, я самъ зналъ и чув-
ствовалъ, да думалъ: такъ сойдетъ, не замѣтить! Аනъ, вотъ
и не сошло! Я и самъ чувствовалъ, что аскета надобно
затушевать; онъ и взятъ-то былъ для рамки, послѣ напи-
санія, главной мысли — образнаго выраженія этой Нирваны,
о которой философы пишутъ и все-таки не могутъ дать намъ
хоть мало-мальски вообразительное представлѣніе, затѣмъ
противопоставить ей жизнь, какъ „пламенникъ“. Чувство-
валъ также и указанный вами провалъ. И вотъ, подстегнутый
вами, какъ передъ преградой лѣнивый конь бичомъ, я сдѣ-
лалъ отчаянныій прыжокъ изо всѣхъ силъ и льщу себя
надеждой, что удачный. Несомнѣнно удачный, что ни го-
ворите! Насчетъ вашего замѣчанія о нашихъ пескахъ я не
согласенъ. У насъ, особенно поэты, часто смѣшиваютъ *степь*
и пустыня. Сахара — пустыня, у насъ — степь; тамъ — песокъ,
здѣсь — высокая трава (степной травы пучокъ сухой). Я со-
знателю здѣсь выбралъ эпитетъ „нагихъ“, чтобы обозначить
мѣртвую пустоту, населяемую лишь нашимъ воображеніемъ.
Что касается сферъ и вообще иностранныхъ словъ въ сти-
хахъ въ принципѣ вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе; но и
тутъ не слѣдуетъ быть крайнимъ пуристомъ, а то дойдешь
до мокроступовъ. Есть такія слова, которыя вмѣстѣ съ по-
нятіемъ (или предметомъ) вторгаются въ жизнь и укореняются
употребленіемъ и мало-по-малу усыновляются языкомъ. Таковы:
театръ, поэзія, статуя, логика, сцена и пр. Теперь ужъ
просята усыновленія и *идеалъ* и *сфера*. Дѣло въ томъ, чтобы
употребить ихъ удачно, попробуемъ“.

Въ новой редакціи стихотвореніе получило такой видъ:

Аскетъ, питавшій духъ въ пустынѣ
Лишь созерцаньемъ Божества,
Изрекъ когда-то и донынѣ
Еще не смолкшія слова:
„Жизнь эта — сонъ и сновидѣніе
Миражъ среди нагихъ песковъ;
Лишь смерть — конечное забвенье
Всей этой лжи — успокоеніе,
Сонъ въ лонѣ Бога — и безъ сновъ!“
Аскетъ! прости мое сомнѣніе!
Я знаю — время мимо насъ
Несетъ событія, поколѣнія,
Подыметь нась въ своеі стремленьї,
И въ бездну бросить тотъ же часъ;
Я — жертва вѣкъ свой, до могилы,
Всей этой бѣшеной игры, —
Ничто предъ разумомъ и силой,
Въ пространство бросившей міры, —
Но говорить мнѣ тайный голосъ,
Что не вотще душа моя
Здѣсь и любила и боролась;
Въ ней есть свое живое я!
И жизнь не сонъ, не сновидѣніе,
Нѣть, это пламенникъ святой,
Мнѣ озарившій на мгновенье,
Миръ — и небесный и земной;
И смерть — не мигъ уничтоженья
Во мнѣ того живого я,
А новый путь и восхожденіе
Все къ высшимъ сферамъ бытія.

Поэтъ не былъ вполнѣ доволенъ и этою редакціей, и, сообщая ее, приписалъ: „Все-таки, кажется, это еще не окончательный видъ пьесы. Надо дать ей полежать въ тѣни“.

Сократились также двѣ рукописныя редакціи стихотворенія: „Старый дожъ“. Посылая первую изъ нихъ, Майковъ писалъ: „Не могу утерпѣть, чтобы не сообщить вамъ объ одной моей дерзости. Есть у Пушкина 4 стиха — прелестнѣйшіе! Они подали мнѣ мысль, ввели во искушеніе докончить имъ начатое“:

„Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходить Весперь золотой;
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ дагарессой молодой“...

Занимаеть догарессу
Умной рѣчью дожь сѣдой...
Слово каждое по вѣсу —
Чтѣ червонецъ дорогой...

Говорить о равновѣсии
Государственныхъ властей;
Что какъ звѣзды въ поднебеси,
Чередой идя своей,

Путь другъ друга направляютъ,—
Такъ въ Венеции у нихъ
Всѣ и каждый долгъ свой знаютъ
И слѣдятъ одни другихъ.

„Оттого весь ходъ событій,
Всѣ интриги при дворахъ,
Всѣ ихъ движущія нити—
Въ нашихъ сходятся рукахъ.

Далъ лишь знакъ — e vog' la barca!
Миръ въ огнѣ и тамъ и тутъ,—
А ко льву святого Марка
Груды золота плывутъ!...“

Плавно рѣчъ его лилася;
Но, окончивъ, онъ глядить —
На плечо его склоняся,
Догаресса мирно спить...

Улыбнулся самъ онъ, старый!
Только слышитъ... Это что жъ?
Подлѣжъ — пѣнье, звонъ гитары...
Сталь прислушиваться дожь...

„Славный голосъ... Si грудине!
И мелодія нова...
Только это — что жъ такое?
Что за глупыя слова?...“

— Съ старымъ дожемъ плыть въ гондолѣ...
Быть его — и не любить...
И къ другому, въ злой неволѣ,
Тайный помыселъ стремить...“

Смотритъ дожь оторопѣлый...
Мысль за мыслью, цѣлый адъ,
Словно молний злыя стрѣлы
Душу мрачную браздятъ...

А она — такъ ровно дышитъ...
На плечѣ его лежитъ...
„Что же? Слышитъ иль не слышитъ?
Спить она — или не спить?...“

Стихотвореніе это послано при письмѣ 14 января 1888 года, а 27-го января того же года Майковъ писалъ: „Мнѣ обидно, досадно, больно и совѣстно, что я послалъ къ вамъ почти

въ черновомъ видѣ моего „Сараго дожа“. Онъ только что теперь убрался, какъ слѣдуетъ:

„Ночь свѣтла; въ лазурномъ полѣ
Ходить Весперь золотой;
Старый дожъ плыветь въ гондолѣ
Съ догарессой молодой“...

Занимаетъ дагарессу
Умной рѣчью дожъ сѣдой —
Слово каждое по вѣсу,
Чтѣ червонецъ дорогой...

Занимаетъ онъ картиной
Ихъ Венеціи; тайкомъ
Міръ, какъ тонкой паутиной,
Обвила она кругомъ...

„Кто бъ сказалъ — во дни Атиллы,
Чтобъ изъ хижинъ рыбарей
Всталъ на отмели унылой
Этотъ чудный перль морей!

Чтобъ, укрывшійся въ лагунѣ,
Левъ святого Марка сталъ
Выше всѣхъ владыкъ и втуне
Хоть бы разъ на нихъ рычаль?
Чтобъ его тяжелой лапы
Вѣсь почувствовать могли
Императоры и папы,
И султанъ, и короли?...

Дасть лишь знакъ — гремяты перуны,
Всюду смута настаетъ,—
А къ нему, — въ его лагуны, —
Только золото плыветь!“

Кончилъ онъ — полусмѣялся —
Ждалъ улыбки — но глядѣть —
На плечо его склоняся
Дагаресса... мирно спить!

„Все — дитя!“ съ полу-укоромъ,
Съ полу-лаской молвиль онъ,
Только слышитъ — вскинуль взоромъ —
Словно пѣнье... цитры звонъ...

И все ближе это пѣнье
Къ нимъ несется надъ водой,
Разсыпаясь въ отдаленѣ
Голубой просторъ морской...

Было время золотое,
Море зыбилось едва...
Тотъ же Весперь... „Что такое?
Что за глупыя слова!!!...“

Вздрогнуль дожь, какъ отъ укола
Прямо въ сердце... Глядь—плыветь,
Обгоняя ихъ гондола,
Кто-то въ маскѣ тамъ поетъ:
„Съ старымъ дожемъ плыть въ гондолѣ
Быть его—и не любить...
И къ другому, въ злой неволѣ,
Тайный помыселъ стремить...
Тотъ — другой... О догаресса!...
Самый адъ не сладить съ нимъ!
Онъ безумецъ, онъ повѣса,—
Но — онъ любить и — любимъ!...“
Дожь рванулы усы сѣды...
Мысль за мыслью — цѣлый адъ —
Словно молний стрѣлы злыхъ
Душу мрачную бродятъ...
А она — такъ ровно дышить,
На плечѣ его лежитъ...
„Что же?... Слышить иль не слышить?
Спить она или не спить?...“

Въ изданномъ текстѣ пьесы есть нѣсколько измѣненій
сравнительно съ рукописными редакціями.

Сухомлиновъ.

Литературное направленіе Майкова и его художественное настроеніе въ связи съ историческими занятіями.

Весьма многіе наши поэты — Пушкинъ, Лермонтовъ, графъ Ал. Толстой, Майковъ и др. — интересовались исторіей, и не только читали, но и писали сами историческія произведенія. А. Н. Майковъ не оставилъ послѣ себя крупныхъ историческихъ трудовъ, а между тѣмъ, знакомясь съ его жизнью, мы замѣчаемъ, что мысль его постоянно работала надъ исторіей, что главное его поэтическое произведеніе, интересовавшее его болѣе двадцати лѣтъ, появившееся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, имѣть самое близкое отношеніе къ исторіи. Его убѣжденія, его міросозерцаніе, его художественное настроеніе, его литературное направленіе объясняются не столько его выборомъ знакомыхъ и друзей или окружающей средой, сколько выборомъ историческихъ книгъ для чтенія. Въ исторіи, какъ наукѣ, онъ находилъ для себя окончательное оправданіе въ вы-

борѣ своего направлениѧ. Разумѣется, А. Н. Майковъ, прежде всего поэтъ, а не историкъ, но самыя задачи, которыя интересовали его въ мірѣ поэзии и образовъ, сближали его съ исторіей. Исторический элементъ занимаетъ видное мѣсто въ его поэтическомъ творчествѣ. Изъ исторіи онъ бралъ для своихъ поэтическихъ произведеній характеристическая черты о людяхъ и жизни отдаленаго прошлаго, исторія же давала ему колоритъ, краски, воздухъ въ исполненіи образовъ. Въ жизни А. Н. Майкова всего замѣтнѣе два направленія: сначала въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ онъ является грекомъ и римляниномъ, потомъ становится русскимъ и притомъ до нѣкоторой степени славянофиломъ, потому что, оставаясь такимъ, онъ въ то же время относился къ ученію славянофиловъ критически, и нѣкоторыя убѣжденія ихъ, напримѣръ о Петре Великомъ, вовсе отвергалъ. Онъ воспитался самъ на исторіи Карамзина и былъ современникомъ двухъ поколѣній русскихъ историковъ-славянофиловъ. Въ молодыхъ годахъ А. Н. Майковъ думалъ заниматься живописью и, чтобы усовершенствоваться, уѣхалъ въ Италію, но здѣсь занимался болѣе изученiemъ жизни древнихъ народовъ, чѣмъ живописью и чаще задумывался надъ смысломъ ея, надъ тѣмъ, выше ли была эта жизнь нашей христіанской, или нѣтъ. Поэзія была безсильна разрѣшить ему такой вопросъ, и онъ обратился за разрѣшеніемъ къ исторіи. Результатомъ занятій его исторіей было то, что онъ сдѣлался изъ поклонника древнихъ грековъ и римлянъ христіаниномъ, а затѣмъ и русскимъ, въ смыслѣ православнаго славянофила. Такимъ образомъ, исторіи принадлежитъ довольно видное мѣсто въ ходѣ развитія внутренней жизни А. Н. Майкова. Вліяніе друзей его было тоже, болѣею частью, въ славянофильскомъ направленіи. Одни отыскивали въ жизни А. Н. Майкова слѣды различныхъ направленій, но самъ поэтъ призналъ для себя важными только указанные нами выше направленія и отказался перепечатывать въ полномъ собраніи своихъ сочиненій пьесы, не отвѣчавшія имъ. О Майковѣ, какъ историкѣ, мало кто знаетъ, знаютъ его, какъ поэта. Ему, какъ историку, пришлось высказаться, что въ ученіи славянофиловъ онъ нашелъ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ, что въ народѣ и въ допетровской Руси онъ видитъ тѣ начала, на которыхъ можетъ опереться жизнь и современного общества,

и въ этихъ словахъ заключается разгадка многаго и въ поэтической дѣятельности А. Н. Майкова.

Въ первый періодъ развитія своего творчества Майковъ былъ далеко не славянофиль. Было даже время, когда онъ былъ западникомъ, былъ близокъ къ кружку Бѣлинскаго и участвовалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* и *Современникъ*. Правда, обращеніе его въ западника было далеко не полное, и Майковъ въ то же время былъ близокъ и къ молодой редакціи *Москвитянина*, читалъ его и плѣнялся славянскимъ міромъ и гордился тѣмъ, что родомъ самъ москвичъ. Раннія его стихотворенія (1838—1841) были въ антологическомъ родѣ. Это былъ первый пробный камень артистического элемента въ поэтѣ. Они имѣли успѣхъ, тогда какъ другія не антологическая стихотворенія успѣха не имѣли. Бѣлинскій уже тогда замѣтилъ, что исключительная преданность поэта древнему миру (и притомъ далеко не вполнѣ понятому), безъ всяаго живого, кровнаго сочувствія къ современному миру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Характеристика антологическихъ стихотвореній Майкова давно уже сдѣлана и намъ прибавить къ ней придется немногого. Въ нихъ онъ воспѣвалъ жизнь безъ тревогъ, подобную свѣтлому дню, сладкозвучный шумъ ручья, ропотъ моря, красоту южной природы, картины вечера, виноградники богатаго Фалерна и розы Пестума,— „и Рима древняго священныя громады и утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень“. Онъ воспѣвалъ любовь, дріадъ,увѣнчанныхъ дубовыми листами, купающихся нимфъ и Феба свѣтлаго, Сильвана съ фавнами и Пана кроткаго. Онъ говорилъ и о призваніи поэта и о значеніи искусства: поэтъ сводить небо на землю, и небесное, при помощи искусства, воскресаетъ на землѣ. Какъ это дѣлается,— навсегда останется то для насть тайной: откуда берется стихъ поэта и для кого, почему онъ слагается такъ, а не иначе,— все будетъ тайной. А между тѣмъ одна поэзія дѣлаетъ жизнь поэта и прекрасною и милою, одно искусство помогаетъ ему въ томъ, какъ помогаетъ и музыканту изъ тростника, растущаго на прибрежье моря, сдѣлавши отверстія, вызывать волшебные звуки. Въ слѣдующіе года (1841—1842) Майковъ увлекается поэзіей Горация, Овидія, Проперція, переводить ихъ, и, наконецъ, самъ ёдетъ въ Римъ (1842). Здѣсь еще болѣе отдается онъ

обаянію античной древности и становится по душѣ грекомъ и римляниномъ. Но здѣсь же расширяются рамки его творчества и среди впечатлѣній, навѣваемыхъ на душу чужою природой и чужой исторіей, поэтъ вспоминаетъ съ грустью и о своемъ родномъ убогомъ сѣверѣ, о бѣдной русской природѣ и ея лѣсахъ, не говорящихъ пока ничего его античной лирѣ. Въ Италіи на этотъ разъ А. Н. Майковъ прожилъ цѣлый годъ (1842—1843). Онъ былъ въ другой разъ въ Италіи позже, въ 1858 году, но это второе путешествіе менѣе важно для нась, чѣмъ первое. Майковъ тогда уже болѣе занимался новогреческими пѣснями и Неаполемъ; вмѣсто Рима, посѣтилъ тогда Грецію и Архипелагъ. Слава прежнихъ дней Рима въ ея стаинныхъ громадахъ, какъ привидѣніе, встаетъ теперь передъ нимъ изъ своихъ руинъ и для поэта все другое или теряется, или, меркнетъ передъ ней. Памятники древняго Рима заставляютъ трепетать его и, увлеченный окружающими, онъ видитъ въ нихъ созданія боговъ, а не людей. Онъ понялъ лучше прежняго теперь поэзію прошедшаго, этотъ поэтическій элементъ въ исторіи. Увидѣвъ въ ватиканскомъ музѣѣ Лаокоона, Майковъ слышалъ вопль и ревъ его, и въ его ушахъ звенѣла вновь стрѣла изъ лука Аполлона. Въ лунномъ сумракѣ съ гирляндою аркадѣ, предсталъ впервые его взорамъ Колизей. Майковъ видѣлъ и другія развалины водопроводовъ и цирковъ, опустѣлыя, заросшія полынью и терномъ, а прежде оживленныя народомъ; любовался и красотою сложенныхыхъ изъ тростника и глины домишекъ, прильчившихся гдѣ-нибудь къ стаинной аркѣ. Для Майкова теперь и мраморъ, отысканный среди пепла и камней въ могилахъ, казался уже не простымъ мраморомъ, а хранилищемъ мыслей отжившихъ поколѣній. Для него и римляне, великие въ бѣдахъ и въ битвѣ и въ сенатѣ, были великіе въ добрѣ, великие въ развратѣ. Въ старомъ Римѣ, думалъ онъ, умѣли жить, умѣли умирать: созвавъ друзей, открывши себѣ жили, вселенную учили, какъ должно умирать. Затѣмъ большая часть *Очерковъ Рима* Майкова, откуда беремъ эти подробности, посвящена описанію красавицъ и любви, такъ какъ мы имѣемъ въ виду опредѣлить одно историческое воздействиѣ Италіи на душу поэта.

Величие древняго Рима, всецѣло основанное на гордомъ сознаніи своей силы, на безпощадной суровости къ другимъ

народамъ, даже на жестокости, глубоко поражаетъ воображеніе Майкова. Какъ случилось, что паль этотъ вѣчный Римъ? Майковъ много думалъ надъ этимъ вопросомъ и обратился за его разрѣшеніемъ къ исторіи. Здѣсь онъ нашелъ то, чего искалъ; нашелъ объясненіе и другое лично для себя — какъ односторонне было его увлечение древнимъ міромъ. Затѣмъ, крымская кампанія и паденіе Севастополя еще болѣе доказали ему, что его прежнее античное настроеніе не выдерживаетъ болѣе критики. Послѣ пораженія подъ Севастополемъ, когда была уязвленна наша патріотическая гордость, когда характеръ борьбы раскрылъ всю силу русского духа, онъ понялъ лучше прежняго „кто онъ“, и сталъ измѣнять свое прежнее направленіе. Это собственное признаніе поэта очень важно, когда мы прослѣдимъ, какая внутренняя связь существуетъ между настроеніемъ молодого поэта 40-хъ годовъ и представлявшимися умственному взору его, какъ писателя позднѣйшихъ десятилѣтій. Какъ случилось, что пѣвецъ красоты становится писателемъ въ славянофильскомъ духѣ? Нельзя не вѣрить тому, что говорить объ этой перемѣнѣ самъ Майковъ, свидѣтельствуя, что она наступаетъ послѣ Севастопольской кампаніи, но позволяемъ себѣ представить относительно времени появленія ея другія свои соображенія. Мы думаемъ, что подъ вліяніемъ Жуковскаго и Плетнева, указаніе на необходимость перемѣны было дано Майкову ранѣе, чѣмъ совершился Севастопольскій погромъ. Плетневъ, знатій Майкова студентомъ въ Петербургскомъ университѣтѣ (1337—1841), покровительствовалъ ему, устроилъ ему потомъ служебную карьеру и вообще по своему общественному положенію былъ для него авторитетомъ. Онъ былъ одинъ изъ стаи славной лебедей, спустившейся съ небесъ за стаю орловъ двѣнадцатаго года (П. А. Плетневу. 1855 г. А. Н. Майковъ). Черезъ Плетнева въ 1851 году Жуковскій познакомился съ поэмой Майкова *Выборъ смерти*, известною въ новой редакціи въ настоящее время подъ именемъ *Три смерти*, призналъ за Майковымъ истинный поэтическій талантъ и написалъ въ письмѣ къ Плетневу, что совѣтуетъ молодому поэту напитаться исторіей и знаніемъ природы и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея исторія, — Руси самодержавной, Руси христіанской. Это письмо было прочитано Плетневымъ Майкову. Мы не будемъ выводить изъ

этого факта дальнѣйшихъ заключеній въ такомъ родѣ, что отвѣты Жуковскаго не прошли безслѣдно для Майкова и были приняты для руководства въ его поэтической дѣятельности, хотя это могло случиться, потому что и самъ Майковъ говорить о Жуковскомъ, что слова его падали какъ зерно въ сердца, уготовляя ихъ къ великому; мы говоримъ только, что переворотъ, совершившійся въ міросозерцаніи Майкова, совершился не вдругъ, я постепенно, и подробная біографія поэта не забудеть всѣхъ промежуточныхъ его ступеней. И письмо Жуковскаго, и Севастопольскій погромъ, и вліяніе О. И. Тютчева, для котораго, по словамъ Майкова, былъ ясенъ настоящій мигъ и тайные грядущаго обѣты (О. И. Тютчеву 1874 г.), и другія вліянія, знакомство, напримѣръ, съ исторіей Карамзина, — все это могло, скопившись вмѣстѣ, выработать перемѣну въ міросозерцаніи Майкова, вслѣдствіе которой онъ болѣе не прежній художникъ-эпікуреецъ, склоняющійся предъ геніемъ античныхъ народовъ, удовлетворяющійся вполнѣ тѣмъ, что даетъ ему ихъ жизнь, а прежде всего русскій и съ русскими убѣжденіями. Рамки творчества Майкова сравнительно съ первыми годами его литературной дѣятельности впослѣдствіи значительно расширились, въ душѣ его съ образами древняго міра, чередуются отраженія Запада и Востока, средневѣковой Европы, славянства и скандинавскаго сѣвера, онъ откликается и на поэтическія мотивы иностраннѣхъ великихъ мастеровъ: Лонг-фелло, Мицкевича, Гёте и особенно Гейне, но при всемъ разнообразіи темъ и мотивовъ, складъ и убѣжденія поэта въ произведеніяхъ послѣдней эпохи его дѣятельности уступаютъ главное мѣсто тяготѣнію къ православному византійско-славянскому востоку. Земная матеріальная красота, вдохновлявшая поэта въ молодости, мало-по-малу смѣнилась поклоненіемъ другой высшей духовной красотѣ; страстныя мелодіи, навѣянныя на него южнымъ небомъ, уступили мѣсто стройнымъ гимнамъ и строгимъ размышленіямъ; вмѣсто прежняго эпікурейскаго взгляда на жизнь появлялись по временамъ черты суроваго аскетизма. Осуществленіе христіанскаго идеала Майковъ находитъ не въ Римѣ, а въ городѣ Константина, истинной столицѣ Христовой вѣры. Отъ второго Рима Майковъ переходитъ къ третьему, который долженъ стоять во вѣки, и послѣ котораго „четвертаго не будетъ“, по горде-

ливому заявлению русскихъ книжниковъ XV—XVI вѣковъ. Здѣсь мы видимъ уже не поэта Майкова, а Майкова историка. Определенное русское міросозерцаніе Майкова прежде всего свидѣтельствуетъ намъ о близкомъ знакомствѣ его съ русскою исторіей. Никакого паденія таланта Майкова въ послѣднія двадцать пять лѣтъ его поэтической дѣятельности мы не замѣчаемъ: перемѣна только въ смѣнѣ убѣждений. Мы можемъ не соглашаться съ возвеличеніемъ Майковымъ Москвы и златоглаваго Кремля, или памяти Иоанна Грознаго, если это не наше убѣженіе, но должны признать его стихи прекрасными. И Майковъ далеко не односторонній поэтъ: москвофильство не помѣщало ему увлечься *Словомъ о Полку Игореву* и изложить взглядъ на древнюю Киевскую Русь вполнѣ благопріятный.

Во всемірной исторіи, по разнообразію послѣдствій, по трагическому содержанію, нѣть другого равнаго по важности событія, за исключеніемъ, быть можетъ, французской революціи, какъ враждебное столкновеніе древняго греко-русскаго міра съ христіанскимъ міромъ, и недаромъ Майковъ занимался изученіемъ его почти полжизни своеї. То же случилось ранѣе съ знаменитымъ Гиббономъ, который изъ-за своего увлеченія первоначальнымъ христіанствомъ перешелъ въ католицизмъ. Майковъ сначала отнесся къ этому событію какъ поэтъ, но потомъ понялъ недостаточность такого взгляда и обратился за разъясненіемъ его къ исторіи. Безъ помощи исторіи, безъ близкаго знакомства съ нею, одна поэзія была бы беспомощна разсказать ему, какъ случилось, что древняя греко-римская цивилизаци, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и началъ, должна была уступить мѣсто христіанской, съ ея новыми началами, совершенно противоположными и враждебными старымъ. Надобно было выбрать Майкову прежде всего самый моментъ, который всего лучше представилъ бы все разнообразіе этой борьбы, затѣмъ, тѣ дѣйствующія лица, которыхъ всего лучше характеризовали бы собою свое время. Въ первомъ опытѣ своего поэтическаго изображенія столкновенія двухъ міровъ, — умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго, — въ драматической поэмѣ Олинѣй и Эсөиръ (1840), — еще мало знакомый съ исторіей, Майковъ сдѣлалъ большую ошибку въ выборѣ момента и лицъ. Онъ выбралъ въ свой поэмѣ римскія сцены изъ временъ пятаго

вѣка, и это была ошибка. Бѣлинскій находилъ, что поэтъ неудачно выбралъ героя для своего произведенія: его Олионъ „только эпикуреецъ и больше ничего; собственно — онъ образъ безъ лица“, — тогда какъ въ противоположность христіанству слѣдовало бы избрать „послѣдняго римлянина“, который независимо отъ всего окружающаго его въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы, сколько stoicескою жизнью и трагическою смертью, столько же и тоскою по цвѣтующимъ временамъ своего отечества все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Бѣлинскій сурово отнесся къ *Олиону* и *Эсопи*, находилъ, что въ этой поэмѣ все не глубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто. Майковъ никогда потомъ не рѣшался перепечатывать это раннее произведеніе своей музы въ цѣломъ видѣ. Въ лирической драмѣ *Два Mira*, несомнѣнно ведущей свое происхожденіе отъ раннаго опыта поэта, вмѣсто безличнаго эпикурейца Олиона, представителемъ умирающаго языческаго Рима является достойный потомокъ древнихъ квириотовъ, „послѣдній римлянинъ“ Деций, благотворящій идею вѣчнаго города и безтрепетно осушающій чашу съ ядомъ, оставаясь до послѣдней минуты „на своемъ посту“. Такъ воспользовался Майковъ замѣчаніемъ критика. Еще болѣе полезныхъ для себя указаній Майковъ нашелъ въ изученіи исторіи избранной имъ эпохи. Безъ знакомства съ исторіей трудно было бы выбрать моментъ для поэтическаго изображенія борьбы двухъ міровъ не послѣдняя времена римской имперіи, гдѣ тоже были своего рода „послѣдніе римляне“, а время расцвѣта римской цивилизациі. Только исторія могла указать Майкову, что послѣднія времена расчлененія римской имперіи, — четвертый и пятый вѣка, — не представляютъ уже болѣе ни одного крѣпкаго по убѣжденьямъ древняго римлянина, а представляютъ одно полное вырожденіе гражданскихъ доблестей и нравственной энергіи. Развратъ подкосилъ тогда силы верхнихъ и нижнихъ слоевъ населенія Рима и сдѣлалъ ихъ неспособными къ смѣлому акту самоотверженія. Въ послѣдующихъ редакціяхъ своей темы, въ поэмахъ *Три Смерти*, *Смерть Люсія*, *Два Mira*, Майковъ, воспользовавшись всѣми указаніями и критики и исторіи, выбираетъ уже другой моментъ, и другихъ дѣйствующихъ лицъ, и каждый разъ лучше и лучше. Въ трагедіи *Два Mira* поэтъ изображаетъ столкновеніе

языческаго міра съ христіанскимъ въ первый вѣкъ нашей эры, во время первого гонения на христіанъ, въ тотъ моментъ, когда изъ настоящихъ римлянъ никто еще не сомнѣвался, что Римъ вѣченъ, я не пустая иллюзія. Тогда было еще много „послѣднихъ римлянъ“. Языческій міръ, все разнообразіе элементовъ современаго римскаго общества, легче давался пониманію Майкова, какъ самъ онъ говорить, чѣмъ изображеніе христіанскаго. „Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мнѣ успокоиться — говорить Майковъ,— и я не пропускалъ ничего, что могло познакомить меня съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное, почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища ихъ прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоитъ св. Евангеліе“. Такимъ образомъ, справиться съ задачей и на этотъ разъ помогла Майкову исторія.

Полной исторической картины паденія древняго Рима въ борьбѣ міра римскаго и варварскаго у Майкова и теперь нѣтъ, но онъ брался за свою задачу прежде всего какъ поэтъ, а не историкъ. Какія же чисто историческія черты въ его поэтическихъ образахъ, въ трагедіи *Два Мира*, въ изображеніи борьбы двухъ міровоззрѣній, языческаго и христіанскаго? Майковъ представилъ намъ здѣсь истаго римлянина, носившаго въ себѣ идею Рима, гордаго патріота, могучаго духомъ, воплотившаго въ себѣ прелесть и все изящество греческой образованности, тѣмъ не менѣе смотрѣвшаго на рабовъ не какъ на людей, а какъ на вещи; Майковъ отѣнилъ эту черту, чтобы болѣе обратить вниманія на то, какъ христіанство возвысило раба до равенства съ господиномъ. Майковъ представилъ намъ затѣмъ и римскую религію съ обоготвореніемъ человѣка на землѣ въ параллели съ христіанствомъ, съ идеаломъ небеснаго царствія, передъ которымъ старый идеаль блѣднѣеть, что понимали и сами римляне, готовые на гибель; все разнообразіе элементовъ современаго римскаго общества, „Римъ гетеръ, шута и мима“, съ величими памятниками искусства, и Римъ подземный, въ катакомбахъ, съ очевидцами, рассказывавшими о явленіяхъ Христа по воскресеніи и объ апостолѣ Павлѣ, съ молитвой христіанъ въ ожиданіи разстерзанія въ циркѣ звѣрьми, съ чувствомъ взаимной любви, связывающей всѣхъ въ единое цѣлое, въ церкви. Въ то время, какъ гордый римлянинъ, обвиняемый

въ заговорѣ, окруженнѣй друзьями, на послѣднемъ жизненномъ пиру, собирается, по приказанію Нерона, умирать,— выпить чашу съ ядомъ — и говоритъ, что все, чѣмъ могучъ и свѣтель его разумъ, то даль ему Римъ, и онъувѣренъ, что нѣтъ и не можетъ быть ничего другого вышаго и лучшаго, чѣмъ этотъ разумъ, онъ видитъ при наступившемъ днѣ, при полномъ блескѣ солнца — изъ катакомбъ Христова рать, передъ которою рано или поздно должна была склониться гордыня Рима и его разумъ, идетъ смѣло изъ заточеня, какъ изъ тьмы на свѣтъ, на смерть, въ добычу львовъ и дикихъ звѣрей, съ полною вѣрою, что слезы и людское горе принимаются въ сердце самимъ Христомъ, „Богомъ всѣхъ скорбящихъ“, тѣмъ Самымъ, Котораго видѣли здѣшніе очевидцы по воскресеніи, а одинъ стариkъ, когда былъ зрячимъ, видѣлъ самъ, какъ выводилъ Его Пилатъ къ народу. Знакомство съ исторіей всего болѣе могло помочь Майкову выбрать для своихъ поэтическихъ образовъ смерть представителей „послѣднихъ“ римлянъ, невинно осужденныхъ Нерономъ, какъ разсказываетъ Тацитъ, по поводу Пизонова заговора, и указать на то, какъ человѣкъ умираетъ,— въ этомъ всего лучше высказывается его міросозерцаніе. Какъ же они умирали? Они ли вселенную учили, какъ должно умирать? Не долженъ ли былъ измѣнить здѣсь свое прежнее мнѣніе о томъ поэтъ? Въ минуту смерти „послѣдніе римляне“ его вполнѣ несчастны: теперь и Римъ для нихъ одно воспоминанье, или одна мертвая идея, не имѣющая болѣе никакого соотвѣтствія, никакихъ нравственныхъ связей съ голою дѣйствительностью, самые друзья, собравшіеся къ немъ на послѣдній ужинъ, заслуживаются съ ихъ стороны своимъ поведеніемъ одно презрѣніе. Одиночка на свѣтѣ, случайная песчинка въ стихійномъ волненіи житейскаго моря, воздвигаемаго бурею, эти римляне — совершенная противоположность идущимъ смѣло на смерть на ихъ глазахъ, соединеннымъ чувствомъ любви, вѣры и надежды христіанъ. Имъ недостаетъ того, что выросло уже въ катакомбахъ, — той силы любви, которая одна даетъ возможность человѣку побѣдить свое духовное одиночество, побѣдить и самую смерть. Въ минуту смерти они думаютъ еще о самихъ себѣ, даже хуже — о своемъ аппетитѣ, который смерть разить всего скорѣе. Проклиная весь міръ, они проклинаютъ прежде всего ту ненасыт-

ную ватагу, которая собрана на пиръ, своихъ друзей, съ которыми дышать еще однимъ воздухомъ. Жалкие эгоисты, смотрящіе на міръ, ихъ окружающій, съ отвращеніемъ, безъ утѣшенія, они, какъ актеры, только рисуются въ красивой позѣ съ чашей яду въ рукахъ, какъ бы въ театрѣ, передъ публикой; вотъ таковъ Децій, главный герой въ послѣдней пьесѣ Майкова, вотъ таковы и „послѣдніе римляне“.

На чьей же сторонѣ симпатіи Майкова, какой изъ двухъ борющихся между собою міровъ болѣе близокъ его сердцу, какой итогъ подведенъ имъ въ трагедіи и представляется ему, какъ культурно-исторической фактъ, увидимъ сейчасъ, когда обратимся къ нарисованной поэтомъ картинѣ, какъ умираютъ первые христіане.

Они говорятъ: Зоветь нась нынѣ Богъ на прославленіе Его любви, Его щедротъ, и на свидѣтельство предъ міромъ, что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ земли и неба властелинъ, что честь Ему, а не кумирамъ, кумиръ же, чей бы ни былъ онъ, рукою смертной сотворенъ... Повелѣваетъ намъ кесарь: Бога въ немъ признать, его же кумиру, честь воздать какъ божеству лишь подобаетъ; послушнымъ смерть.

Вотъ ихъ рѣшеніе: итти, итти къ Отцу небесному! Въ сelenья Его святыхъ! Его узрѣть во славѣ, сложить съ души всѣ тяготы у ногъ Его!

И вотъ послѣдняя ихъ молитва:

О Ты, сѣдай въ зоирѣ,
Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
Прославленій и вознесенный —
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятымъ крестомъ!
Ты пастырь, нась въ едину паству
Овцу сбиравшій за овцой!
Ты ихъ вспоилъ живой водой
И тучную имъ подаль яству,—
Когда бы, гдѣ бъ ни прозвучалъ
Твой рогъ призывный — гдѣ преграды,
Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
Который ихъ бы удержаль
На зовъ Твой ринутъся мгновенно,—
Свѣтъ бо свѣтай намъ съ небеси,
Свѣтъ истинный, свѣтъ неистлѣнныи,
Жизнь и Спасеніе Ты еси!

Въ воображеніи поэта рисуются они, эти первые христіане и мученики, стоящими на колѣняхъ съ зажженными свѣчами, и словами слѣпого старца онъ произносить свое послѣднее заключительное слово: „Слава Тебѣ, побѣдившему міръ!“

Четыре года занимался Майковъ *Словомъ о полку Игоревомъ* перевель его на современный языкъ стихами и написаль, къ нему введеніе. Переводъ Майковымъ *Слова* сдѣланъ хорошо и нѣкоторыми считается всего ближе передавшимъ поэзію подлинника. Насъ интересуетъ здѣсь тотъ фактъ, что Майковъ изучилъ все то, что относится къ пониманію *Слова* и къ исторіи его. Съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, выросъ пышный розанъ, то-есть, какъ могло появиться *Слово* среди памятниковъ письменности XII вѣка, рядомъ съ поученіями и житіями святыхъ, рядомъ съ лѣтописью, въ той средѣ, въ которой мы не находимъ ничего другого похожаго? — спрашиваетъ Майковъ въ своемъ введеніи. Случайное появление *Слова* въ памятникахъ письменности XII вѣка не служитъ ли скорѣе доказательствомъ его поддѣлки? Нѣтъ, Майковъ не считаетъ *Слово* поддѣлкой. Онъ относитъ его къ устнымъ памятникамъ творчества нашей старины, къ тѣмъ народнымъ былинамъ, съ которыми *Слово* всего болѣе въ гармоніи. Былины, по мнѣнію Майкова, были сначала пѣснями о богахъ и сложились въ то отдаленное время, когда арии находились на Иранской возвышенности, потому въ былинахъ упоминается о божествѣ Солнца и великой Матери Земли, о божествахъ общихъ всѣмъ народамъ европейскаго семейства. Только позже, утративъ свой прежній миѳический характеръ, былины стали воспѣвать и народныхъ богатырей и примѣнились къ новому, библейскому міросозерцанію, — такъ сказать, переродились. Это случилось послѣ принятия русскими христіанства. Такая перемѣна произошла не вдругъ, такъ какъ принятие христіанства долгое еще время оставалось у насъ съ примѣсью язычества двоевѣрнымъ, но старая вѣрованія въ Сварога и Стрибога вызываютъ теперь обличеніе со стороны духовенства. Только послѣ нашествія на Русь татаръ христіанство пустило у насъ болѣе глубокіе корни. Но и тогда нельзя еще сказать, чтобы не встрѣчалось въ былинахъ никакихъ остатковъ отъ прежняго языческаго воззрѣнія, особенно когда старые пѣсни

запоютъ какіе-нибудь люди вѣщіе или странники, или калики перехожіе. Въ то время когда лѣтописецъ-христіанинъ выводитъ свой родъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, отъ потомства Ноева, современники его, храбрые русичи въ *Словѣ*, смотрять еще на себя, какъ на сыновъ Солнца, а князей своихъ считаютъ внуками Даждьбога. Міросозерцаніе былинъ въ ихъ первобытномъ видѣ, или одна изъ пѣсень о Даждьбожихъ внукахъ, — и есть наше *Слово о полку Игореву*. Но *Слово* возникло не въ простонародной сфере, а въ другой, высшей, — въ той, где была уже грамотность, где пѣвцы съ незапамятныхъ временъ являлись необходимыми членами при дворѣ княжескомъ. Какъ скальды окружили сѣверныхъ конунговъ, а сербскіе гусары своихъ князей, такъ и пѣвцы-бояны окружали нашихъ князей. Бояны знали политическую Русь, знали всѣхъ, ея князей, современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и исторію, притомъ не по лѣтописямъ, а по пѣснямъ стараго времени, по разсказамъ дружиинниковъ, по памяти народной. Въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ *Словѣ о полку Игореву*. Пѣвецъ его настолько силенъ въ книжномъ учениіи, что выражается о словахъ стараго времени, о Боянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, относится къ этой знаменитости съ уваженіемъ, не считаетъ ея устарѣлой, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка, — къ Державину. Новая поэма — *Слово*, — очевидно, уже писана, притомъ писана мѣриною прозой, приспособлявшуюся, вѣроятно, къ пѣнію, по образцу, можетъ-быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы. Почти вся литература, изъ которой *Слово о полку Игореву* только отрывокъ, для насъ погибла, и, конечно, полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главною причиной ея гибели; но погибла не вся, потому что, разсматривая составъ лѣтописей, мы видимъ, что въ числѣ источниковъ ихъ во многихъ мѣстахъ слѣдуетъ признать свѣтскія сказанія, сквозящія и до сихъ поръ сквозь общій монастырскій лакъ, который наводилъ на нихъ инокъ въ своеемъ пересказѣ. Кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы ощущимы далѣе въ народныхъ пѣсняхъ.

Мы не будемъ передавать о томъ, какъ понялъ Майковъ поэтическую сторону *Слова*, въ которой онъ видитъ, какъ хорошій знатокъ изящнаго, вѣрность и реальность красокъ; наскъ интересуетъ болѣе онъ самъ, какъ историкъ! Изъ приведенныхъ выше примѣровъ ясно будетъ, съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ исторіи, какъ могла она, при такомъ близкомъ съ нею знакомствѣ, повліять на сформированіе его убѣжденій, и почему мы думаемъ, что занятія наукой въ этомъ отношеніи не проходятъ безслѣдно для наскъ. Во взглядѣ Майкова на происхожденіе *Слово о полку Игоревѣ* выразилось вполнѣ современное положеніе науки исторіи — русской литературы — семидесятыхъ годовъ. ¹⁹⁰⁸ То же самое говорили по этому поводу ранѣе Буслаевъ, Асанасьевъ и другіе ученые: миѳическое восточное происхожденіе многихъ нашихъ былинъ тогда всѣми принималось. Гораздо позже доисторическое и индо-европейское наслѣдіе въ нихъ замѣнили догадками и гипотезами объ историческихъ пластиахъ и слѣдахъ въ былинахъ, собираемъ сказочныхъ бродячихъ сюжетовъ, такъ называемыхъ „параллелей“, фольклоръ европейскимъ и азіатскимъ и т. п. Новый методъ изслѣдованія былинъ не сдѣлалъ еще своего дѣла, новаго ученія о былинахъ, удовлетворяющаго всѣмъ научнымъ требованіямъ, пока нѣтъ, и мы можемъ ждать только въ будущемъ выданія тѣхъ политическихъ особенностей, которыя народность налагаетъ на общераспространенные сюжеты. Во всякомъ случаѣ, Майкова слѣдуетъ назвать историкомъ, вполнѣ освоившимся съ современнымъ положеніемъ науки и никакъ не отсталымъ.

Занимаясь русскою исторіей, Майковъ ближе знакомился съ особенностями нашего прошлаго, съ его устоями, какъ называлъ ихъ самъ; русскіе взгляды и русскія чувства становились болѣе близкими его душѣ, въ сдѣланыхъ имъ очеркахъ прошлаго онъ передаетъ свое сочувствіе былому, и исторія не замѣтно, но наравнѣ съ другими вліяніями на развитіе его міросозерцанія, дѣлается наставницей въ его жизни. Высказывая свой нравственный приговоръ надъ историческими событиями, Майковъ даетъ намъ возможность понять, какъ они отражались въ его душѣ. Съ этой точки зрѣнія особенно цѣнны тѣ художественные его обращенія къ прошлому, въ которыхъ онъ болѣе поэтъ, чѣмъ историкъ,

Онъ заставляетъ, напримѣръ, Грознаго (въ пьесѣ *У гроба Грознаго*) говорить цѣлую рѣчъ въ свою защиту. Чтобы такая рѣчъ имѣла значеніе, необходимо было близко ознакомиться съ исторіей Грознаго, и Майковъ подвелъ въ ней итогъ всего, что было сказано о Грозномъ. „До сихъ поръ“, говоритъ онъ о Грозномъ, „сведенъ итогъ его винамъ и преступленіямъ, былъ спросъ свидѣтелей, поставленъ приговоръ, но нѣчто высшее все медлитъ утвержденьемъ, недоумѣнія толпа еще полна, и тайной облаченъ досель сей гробъ безмолвный“. — „Мой день еще прийдетъ,— говоритъ Грозный! — Услышится, какъ взвылъ испуганный народъ, когда возвѣщена царя была кончина, и сей народный вой надъ гробомъ властелина — я вѣрю — въ вѣкахъ вотще не пропадетъ и будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ типъ подземной боярской клеветы и злобы иноземной“. Много вѣрнаго въ историческихъ своихъ взглядахъ высказалъ также Майковъ въ поэмѣ „Судъ предковъ“, заключающей въ себѣ поэтическій очеркъ прошлаго вѣка; въ посланіи „Князю Друцкому-Любецкому“, и по поводу польскаго возстанія 1863 года. Его чувства здѣсь навѣянны членіемъ исторіи или знакомствомъ съ современною дѣйствительностью, имѣющею тѣсную связь съ исторіей. Майковъ рисуетъ, напримѣръ, намъ великолѣпные костелы, гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь, и раззолоченный, тяжелый, огнями залитый алтарь, и сравниваетъ такие храмы пановъ съ храмами хлоповъ, съ этими жалкими лачугами съ погнутымъ крестомъ, гдѣ хамы съ подлымъ русскимъ языкомъ причащаются изъ оловяннаго потира, гдѣ въ крашенинной ризѣ попъ. Майковъ высказывается за эти убогія лачуги. Онъ чувствуетъ, что въ нихъ-то и дышитъ все духомъ церкви первобытной; тамъ молятся о томъ, чтобы вспомнилъ хамовъ русскій царь и русскій людъ, который въ убогомъ нищемъ чтитъ Христа.

Въ своемъ художественномъ обращеніи къ прошлому, въ своихъ поэтическихъ вѣяніяхъ надъ нимъ Майковъ остановливается на кончинѣ Александра Невскаго, въ 1263 году, въ Городцѣ, когда князь скончался здѣсь на возвратномъ своемъ пути изъ орды. Передъ умирающимъ княземъ, въ кельѣ игуменской, тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ, тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ, тихо бояре стоять по угламъ. При такой обстановкѣ проносится передъ княземъ цѣлая

цѣпь дорогихъ ему воспоминаній: смерть отца, мученическая кончина Михаила Черниговскаго, шумное вѣче въ Новгородѣ, и рисуется далекое будущее — берегъ Невы, на которомъ разиль онъ врага; корабль, на которомъ кормчимъ самъ Петръ, и гробъ самого Александра; ему, при звонѣ колоколовъ, поютъ священные гимны, кладутъ земные поклоны; къ его мощамъ прикладывается народъ. Исторія же своими примѣрами любви къ родинѣ даетъ Майкову материалъ показать намъ, что такое это почти неуловимое для другихъ чувство, и какъ оно высоко и благородно. У него есть пьеса, озаглавленная *Емшанъ*, написанная въ 1874 году, въ основу которой положенъ слѣдующій текстъ, заимствованный изъ Волынской лѣтописи. Во время Мономаха, два половецкихъ хана Отрѣкъ и Сырчанъ, два брата, богатыри лихіе, должны были бросить свои степи и скрыться на чужбинѣ. Одинъ изъ нихъ, Отрѣкъ, скрылся далеко, въ кавказскихъ горахъ. Пора была такая, Мономахъ совершилъ много походовъ на половцевъ, заставилъ не одного хана смириться и перестать, попрежнему, набѣгами тревожить русскую землю. Но вотъ Мономахъ умираетъ, на Руси наступаютъ другія, худшія времена: туча и горе, по выражению современниковъ. Тогда одинъ изъ братьевъ, Сырчанъ, скрывавшійся въ донскихъ меляхъ, шлетъ къ другому на Кавказъ приглашеніе возобновить набѣгъ на Русь: „умеръ врагъ, и спали теперь съ половцевъ цѣпи“. Посланному съ нимъ дается наказъ: „спой сначала брату нашу пѣсню, а не отзовется на нее онъ и не пойдетъ на Русь — свяжи въ пучокъ емшанъ степной (емшанъ — это трава степная, вѣроятно, полынокъ) и дай ему — тогда вернется“. Пѣсня, оказывается, не подѣйствовала, зато подѣйствовалъ пучокъ степной травы, который посланный вручилъ Отрѣку. „И смотрить ханъ и — самъ не свой, почуя въ сердцѣ рану, схватился за грудь, пучокъ травы цѣляя, плачетъ“. Средство оказалось дѣйствительнымъ: Отрѣкъ идетъ въ походъ и только ждетъ, когда начнется степь родная, все въ даль глядить, травы пучокъ изъ рукъ не выпуская.

Мы не будемъ говорить о всѣхъ историческихъ трудахъ Майкова въ формѣ художественного воспроизведенія прошлаго, въ формѣ посильной только талантливому поэту по ея высотѣ и изяществу, и остановимъ вниманіе читателя на слѣдую-

щихъ рассказахъ Майкова изъ русской исторіи, написанныхъ для дѣтей и народа прозой, а именно, на разсказѣ: 1) „О святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ“, 2) „Москва — третій Римъ“, 3) „Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, покоритель Казани и Астрахани“, 4) „О завоеваніи Сибири“ и 5) „Взятіе турками Константинополя“. Эти разсказы всего полнѣе ознакомятъ читателя съ историческими возврѣніями Майкова.

Расширяя кругозоръ русскаго простолюдина, Майковъ выясняетъ новыми фактами значеніе православія не въ одной уже русской исторіи. Какъ въ этихъ историческихъ рассказахъ, такъ и въ своей поэзіи, Майковъ видѣтъ въ русской исторіи выраженіе исконныхъ началъ русской жизни, и, прежде всего, православія и самодержавія. Это же самое мы находимъ и въ Исторіи Карамзина. Майковъ былъ поклонникомъ послѣдняго и раздѣлялъ вполнѣ его мнѣніе объ этихъ началахъ. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ не человѣка съ отсталыми идеями, какъ другіе, а историка, глубоко понявшаго и талантливо передавшаго намъ о тѣхъ завѣтахъ, какіе древняя Русь оставила новой. Въ своемъ стихотвореніи *Карамзинъ* Майковъ такъ опредѣлилъ значеніе исторіографа. Называя его своимъ наставникомъ, къ числу которыхъ онъ причисляетъ еще Шекспира, Ломоносова, Крылова, Жуковскаго, Пушкина и Тютчева, Майковъ благодаритъ его за то, что Карамзинъ далъ ему почувствовать благоговѣніе къ московскому Кремлю, къ Москвѣ, къ его завѣтамъ. Это чувство у насъ было не новымъ, но было время, и именно до появленія Исторіи Карамзина, когда чужие пришлецы и русскіе вельможи ломали безстыдно кремлевскія святыни, когда во время Екатерины задумали было и самый Кремль съ его соборами, съ дворцами, съ рѣзными башнями — все, все отдать на сломъ. Было забыто тогда, когда при Александрѣ I у насъ господствовалъ французскій вкусъ, французскія идеи конца XVIII вѣка, когда мечтали, что Россію можно передѣлать на всякий образецъ, насадить въ ней кому и что угодно — парламентъ съ лордами или республикъ рядъ, аркадскихъ пастуховъ или пахотныхъ солдатъ. Карамзинъ былъ одинъ изъ немногихъ, тогда думавшихъ иначе, вышедшихъ изъ пережитого водоворота съ здравымъ смысломъ. Сопедши въ мракъ архивовъ, какъ исторіографъ, онъ увидѣлъ прежнихъ князей, лихихъ

бойцовъ или ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ, святыхъ подвижниковъ, строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитій, и образъ земскаго царя, предъ коимъ всѣ равны, съ вельможи до псаря. Карамзинъ въ своей душѣ вмѣстилъ всѣхъ ихъ и, какъ изъ мѣди, отлилъ намъ въ своей исторіи. Онъ воздвигъ, какъ Моисей, на поученіе народовъ и царей, свою скрижаль и пробудилъ тѣмъ въ насъ русскій духъ. Стихотвореніе *Карамзинг* написано Майковымъ въ 1865 г. То же самое говоритъ Бестужевъ-Рюминъ въ своей рѣчи о Карамзинѣ, прочитанной въ собраніи С.-Петербургскаго университета, 2 декабря 1866 г.

Какъ поэтъ, и какъ историкъ, Майковъ въ слѣдующемъ стихотвореніи (*Къ портрету Государя Императора Александра Александровича*) выскажалъ свой взглядъ на прошлое царствованіе, т.-е., свое понимаміе окружющей дѣйствительности за послѣдній періодъ своей жизни:

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что Царь — Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская Земля;
Ихъ громко высказалъ — и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударить, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье,
О Свѣтломъ празднику по Руси возвѣстять.—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Отклинулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь — сомнѣній мракъ исчезъ —
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено сознаньемъ.

Въ заключеніе мы скажемъ, въ чёмъ мы видимъ преемственную связь между историческимъ воззрѣніемъ Карамзина и его послѣдователей, въ числѣ которыхъ считаемъ Майкова. Ничего другого столь великаго не создалъ нашъ народъ въ теченіе прошедшихъ вѣковъ своей жизни, какъ русское государство. Эта мысль Карамзина развивается теперь далѣе.

Государственное единство, говорить, есть единство только виѣшнее. Но уяснили ли мы себѣ и теперь сущность внутренняго единства русскаго народа, какъ оно сказывается на нашихъ глазахъ въ галичанахъ, или какъ оно сказывалось въ стремлениіи къ единовѣрной Москвѣ Малороссіи, сна-

чала одного берега, а потомъ другого, а передъ тѣмъ еще въ новгородцахъ, шедшихъ на судъ въ Москву и ни за что не хотѣвшихъ покориться литовскому королю? Факты эти мы знаемъ, какъ зналъ ихъ и Карамзинъ, но существенное пониманіе *тайны народной жизни*, выраженное въ нихъ, и теперь еще далеко не понимаемъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ еще исторіи русского народа и потому, что еще недостаточно собрано и разработано матеріала для нея. Но уже знаемъ, что въ *созданіи* русского государства и его единства, т.-е., самодержавія участвовали не одни московскіе князья, не одно духовенство и бояре, но весь русскій народъ, и только потому единство вышло прочнымъ, пережило всѣ бури и опасности, и только потому въ 1612 г., когда вновь возможно было устроить въ Россіи, что угодно, хоть республику, выборные отъ русской земли недаромъ предпочли всему прежнюю монархію. Самъ народъ не только понималъ, но и доказалъ тогда фактами, въ чемъ онъ видѣлъ свое спасеніе. Затѣмъ на глазахъ Майковашли не разъ попытки виѣшнее единство, приданное русской исторіи Карамзинамъ, замѣнить другимъ — внутреннимъ — смѣною другихъ началь. И что же? Соловьевъ въ своей *Исторіи Россіи* видѣлъ главное опять въ установленіи государственного порядка, въ борьбѣ государства со старыми родовыми отношениями. Приложивши къ русской исторіи научный философскій взглядъ Гегеля обѣ органическомъ развитіи народа и государства, онъ провелъ только далѣе Карамзина установленіе и водвореніе наряда въ русской землѣ, до того времени, когда, создавши государство, возможно стало начать заботы о просвѣщеніи народа, т.-е., когда сама исторія обращается въ народное самосознаніе. Для Соловьева осталось также вѣрнымъ сказанное Карамзинамъ, что исторія государства есть главное дѣло русского народа, что государственное единство — ключъ ко всей русской исторіи, что собираніе русской земли — жизненный нервъ всего прошлаго, а православіе и самодержавіе составляютъ краеугольные камни въ сохраненіи этого наслѣдія. Это же самое повторилъ и Майковъ, и этимъ самымъ онъ всего болѣе характеризуется, какъ историкъ.

Славянофилы, къ мнѣніямъ которыхъ особенно сочувственно относился Майковъ, прошли также на его глазахъ. Что же, они говорили по разбираемому вопросу? Они говорили одно,

что каждый народъ имѣть право по своему развивать и свои учрежденія, и свою жизнь и только тѣмъ можетъ выразить свое самосознаніе. Усвоивши лучшее у другихъ, самъ народъ пойдетъ по своей, а не по чужой дорогѣ, если онъ исторической и великой народъ. И въ настоящее время, когда наука русской исторіи разработана еще далѣе, правы ли тѣ, кто говоритъ, что въ одномъ западномъ строѣ жизни скрывается для насъ вся благодать, а самодержавіе — это выдумка какихъ-то московскихъ книжниковъ и дипломатовъ, притомъ никакъ не ранѣе XV вѣка, въ связи съ легендой о третемъ Римѣ, о шапкѣ Мономаха, о царскихъ регаліяхъ? Правы ли тѣ, кто видитъ въ православіи одно безжизненное направлѣніе, старающееся собою прикрывать одну тупую приверженность къ застою и рутинѣ, и полагаетъ сущность его въ одномъ точнѣйшемъ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ безъ вниманія къ внутреннимъ началамъ духовной жизни? И решены ли вопросы, въ чёмъ сущность христіанства? Можемъ ли мы не сочувствовать тому, кто не можетъ оставаться христіаниномъ безъ Христа, кто пріемлетъ со страхомъ и вѣрою всѣ тайны царствія Божія? И прежде, чѣмъ не будутъ разрѣшены подобные вопросы, намъ кажется, преждевременно будетъ высказывать свое окончательное сужденіе о Майковѣ, какъ о человѣкѣ, какъ обѣ историкѣ и о поэту.

На сторону славянофиловъ влекло Майкова не одно знакомство его съ настоящимъ положеніемъ славянскихъ народовъ. Для насъ важенъ фактъ въ жизни Майкова, что въ 1843 году Майковъ пробылъ въ чешской Прагѣ два мѣсяца, выучился по-чешски, присмотрѣлся къ славянскому быту и въ тѣсномъ кругу патріотовъ (Ганки, Шафарика и др.) не разъ выслушивалъ одну и ту же рѣчь, что „спасеніе славянства отъ ига чужой власти и чужой народности заключается всего болѣе въ Россіи“.

Важно для насъ также, что Майковъ переводилъ потомъ сербскія пѣсни, былины и преданія на русскій языкъ и выразилъ тѣмъ фактически свою любовь и свой интересъ къ изученію славянского мира.

Майковъ не можетъ быть названъ въ строгомъ смыслѣ слова историкомъ. Но въ ходѣ развитія внутренней его жизни, несомнѣнно, исторіи принадлежитъ довольно видное место.

Н. Овсянниковъ.

Блестящая и прекрасная сторона античной жизни въ освѣщеніи Майкова.

Жизнь Майкова — свѣтлая и тихая жизнь артиста, какъ будто не нашихъ временъ. Большинство поэтовъ въ юности должно преодолѣвать сопротивленіе семьи, родныхъ и близкихъ, считающихъ поэзію пустымъ, непрактичнымъ занятіемъ, аристократическою забавой. Судьба сдѣлала жизненный путь Майкова ровнымъ и свѣтлымъ. Ни борьбы, ни страстей, ни бури, ни враговъ, ни гоненій. Чутешествія, книги, памятники древности, рыбная ловля, стихи, мирная семейная радость, и надъ всей этой жизнью, какъ ясный закатъ, мерцаніе не бурной, но долговѣчной славы — такая счастливая доля достается немногимъ баловнямъ судьбы, особенно въ наше время и въ нашемъ отечествѣ.

Но люди устроены такъ, что не могутъ переносить безнаказанно ни слишкомъ большого счастія, ни слишкомъ большого страданія. Счастіе сдѣлало Майкова одностороннимъ. Онъ уединился въ немъ — въ своемъ вѣчно-свѣтломъ художественномъ Элизіумѣ, и былъ навѣки отторгнутъ отъ современной жизни. Впрочемъ, это — недостатокъ, а въ извѣстномъ отношеніи и достоинство, всѣхъ его сверстниковъ — жрецовъ чистаго искусства, идеалистовъ 40-хъ годовъ, пронесшихъ знамя своего художественного исповѣданія сквозь гоненія 60-хъ годовъ, и теперь, на склонѣ дней, увѣнчанныхъ лаврами. Таковы они всѣ трое — Майковъ, Фетъ, Полонскій. Это совершенно особое поэтическое поколѣніе, связанное единствомъ творческаго принципа, общею силою и общей ограниченностью.

Какъ лирики, какъ пѣвцы природы, идеальной любви, тихихъ радостей, наслажденія искусствомъ и красотою — они неподражаемы. Они довели форму до послѣдней степени вѣнчанаго совершенства, хотя при этомъ, отчасти, нарушили пушкинскую простоту и реализмъ, и въ менѣе удачныхъ произведеніяхъ впали въ виртуозность, изысканность, преобладаніе красоты формы надъ значительностью содержанія. Майковъ самъ чудесно обрисовалъ все это поэтическое поколѣніе въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Тому ужъ больше чѣмъ полѣка, Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
На разныхъ русскихъ широтахъ, За высшій жребій человѣка

Считая чудный даръ стиховъ,
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано *старыхъ мастеровъ,*
Поэтовъ Греции и Рима,
Далось почуять красоты;
Бывало, нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтить горы,
Румяня ветхіе листы,—
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ растеть, растеть,

По мѣрѣ той, какъ трудъ идетъ,
И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаетъ...
И старики съ своихъ высотъ
На нихъ, казался, взирали
И улыбались межъ собой,
И ихъ улыбкой ободряли...
Тѣ трое были... милый мой,
Ты понялъ? — Феть и мы съ тобой.

Въ молодости Майковъ занимался живописью и бросилъ ее только вслѣдствіе природнаго недостатка — крайней близорукости. И въ поэзіи онъ остался живописцемъ, неподражаемымъ пластикомъ. У него нѣтъ образа, который не могъ бы быть изображенъ на полотнѣ или даже высѣченъ въ мраморѣ. Не по духу и объему творчества, а по своеобразнымъ приемамъ онъ отличается отъ своихъ ближайшихъ сверстниковъ — Фета и Полонского. Для тѣхъ міръ является призракомъ, таинственнымъ, мерцающимъ, символомъ безконечнаго. Майкову природа представляется, какъ древнимъ, какъ его собрату въ области прозы — Гончарову, прекраснымъ, но ограниченнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ предметомъ искусства. Феть и Полонскій — *поэты-мистики*; Майковъ — только *поэтъ-пластикъ*. Для него природа — не тайна, а наставница художника: „прислушиваясь душой къ шептанью тростниковъ, говору дубравы“, онъ учится проникать въ божественные тайны не самой природы, а только „гармоніи стиха“. Въ музыкѣ лѣсовъ ему слышатся не голоса непостижимыхъ стихийныхъ силъ, а — „размѣрныя октавы“.

Этимъ отличиемъ взгляда на природу опредѣляется и отличие Майкова отъ Фета и Полонского въ самой формѣ. У послѣднихъ двухъ въ стихѣ есть что-то близкое къ музыкѣ, неуловимое и неопределенное. Стихъ Майкова — точный снимокъ съ впечатлѣнія; онъ даетъ ни больше ни меньше, а ровно столько же, какъ природа. Когда Майковъ передаетъ звукъ, Феть и Полонскій передаютъ трепетное эхо звука; когда Майковъ изображаетъ ясный свѣтъ, Феть и Полонскій изображаютъ отраженіе свѣта на поверхности волны. Если Майковъ даетъ намъ одинъ изъ своихъ глубокихъ эпитетовъ, какъ, напр., „золотые берега Неаполя“, „орель широкобѣжный“, „рѣдкій тростникъ“, — онъ не возбуждаетъ никакихъ

думъ, сразу исчерпываетъ все впечатлѣніе, и мы радуемся тому, что больше уже некуда итти, что мысль наша скованы и ограничена красотою эпитета, что больше нечего сказать о предметѣ. Эпитеты Фета и Полонского заставляютъ насъ думать, искать, тревожатъ, долго-долго выбираютъ въ нашемъ слухѣ, какъ задѣтыя напряженныя струны, пробуждаютъ въ душѣ рядъ отголосковъ, настроеній, музыкальныхъ вѣяній, переливаются тысячами оттѣниковъ, пока совсѣмъ не замрутъ, — и вспомнить ихъ уже невозможно.

Для Фета и Полонского свѣтитъ влажное, туманное солнце, и подъ его лучами всѣ рѣзкія очертанія предметовъ расплываются; звуки становятся глухими и таинственными, краски — тусклыми и нѣжными.

Солнце Майкова — это вѣчное солнце Эллады и Рима; оно сияетъ въ сухомъ и прозрачномъ воздухѣ каменистой южной страны: рѣзкія тѣни и осляпительныя пятна свѣта, контуры всѣхъ предметовъ опредѣлены и точны до послѣднихъ мелочей, краски безъ оттѣниковъ и полутоновъ достигаютъ крайняго напряженія, звуки раздаются звонко и отрывисто, ни гиперболъ, ни музыкальной неопредѣленности, ни эха, ни колебаній свѣта, ни сумерекъ. Стихъ Майкова изумительной точностью, чувствомъ мѣры и неподражаемой пластикой напоминаетъ античныхъ поэтовъ.

Впрочемъ, Майковъ — истинный классикъ, не только по формѣ, но и по содержанию.

Если понимать классицизмъ, какъ известную историческую эпоху, то, конечно, его поэтические образы и формы для насъ — невозвратное прошлое, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія стремиться къ нимъ. Зачѣмъ употреблять образы мифологическихъ боговъ, въ которыхъ никто не вѣритъ? Въ этомъ смыслѣ подражанія древнимъ всегда должны казаться фальшивыми и холодными. Подражаніе, напр., китайскому или японскому стилю можетъ быть предметомъ изящнаго ремесла, но отнюдь не высшаго художественнаго творчества. Въ поддѣлкѣ подъ что-нибудь, что было когда-то живымъ, а теперь превратилось въ прахъ, всегда заключается ложь.

Но почему же каждый чувствуетъ, что подражанія древнимъ — такія, какія встрѣчаются у Гёте, Шиллера, Пушкина, Мая, Майкова, непохожи на искусственныя поддѣлки, что

они столь же искрени и правдивы, какъ произведенія на темы изъ живой дѣятельности?

Это объясняется тѣмъ, что классицизмъ умеръ, какъ извѣстный историческій моментъ, но какъ моментъ психологическій — онъ до сихъ поръ имѣеть большое значеніе.

Античный міръ въ самыхъ совершенныхъ художественныхъ образахъ воплотилъ ту нравственную систему, въ которой земное счастіе является крайнимъ предѣломъ желаній. Христианство протестовало противъ античной нравственности: оно противопоставило земному счастію — счастіе неземное и бесконечное, устремило волю человѣка за предѣлы видимаго міра, за границу явленій. Споръ христіанской и античной нравственности до сихъ поръ еще нельзя считать законченнымъ. Классический взглядъ на земное счастье, какъ на крайній предѣль человѣческихъ стремленій, возобновляется въ позитивизмѣ, въ утилитаріанской нравственности. Тотъ же самый протестъ, съ которымъ первые христіане выступили противъ античнаго міра, повторяется въ требованіяхъ противниковъ позитивной нравственности, въ ихъ желаніи найти основу для долга не въ одномъ стремлениі къ временному счастію.

Пока въ душѣ людей будуть бороться эти два нравственныхъ идеала, пока люди будуть съ тоской и недоумѣніемъ спрашивать себя, на чёмъ же имъ, наконецъ, успокоиться — на земномъ счастіи, или же на томъ, чего не можетъ дать земля, — до тѣхъ поръ красота классической древности, какъ совершенное воплощеніе одной изъ этихъ точекъ зрѣнія, будетъ сохранять свое обаяніе. Древніе были тоже своего рода позитивисты, только озаренные отблескомъ поэзіи, которые гораздо лучше современныхъ позитивистовъ умѣли жить исключительно для земного счастія и умирать такъ, какъ будто, кромѣ земной жизни, ничего нѣтъ, и быть не можетъ:

И на колѣняхъ дѣвы милой
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ упьюсь душой,
Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Пирры ясной красотой!...
Когда жъ пресыщусь до избытка,

Она смертнаго напитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,
Сама не зная, дасть въ винѣ,
И я умру шутя, чутъ слышно,
Какъ истый мудрый сибарить,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій аппетитъ,
Средь ароматовъ мирно спить.

Такъ говорить епикуреецъ Люцій въ Трехъ смертяхъ Майкова. Ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ не выражалъ изящнаго материализма древнихъ такъ смѣло и вдохновенно. Майковъ проникаетъ въ глубину не только античной любви и жизни, но и того, что для современныхъ людей еще менѣе доступно — въ глубину античнаго отношенія къ смерти:

Съ зеленѣющихъ полей
Въ область блѣдную тѣней
Залетѣла разъ Психея,
На отжившихъ вдругъ повѣя
Жизнью, счастьемъ и тепломъ.
Тѣни вкругъ нея толпятся —

Одного онѣ боятся,
Чтобы солнце къ нимъ лучомъ
Въ вѣчный сумракъ не запало;
Чтобъ она не увидала
И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
Въ свѣтлый лучъ не унеслась.

(Два міра.)

Что можетъ быть граціознѣе свѣтлаго образа Психеи на фонѣ древняго Аида? Вся эта трогательная пѣсенка проникнута не современной, но близкой намъ грустью. Съ такимъ уныніемъ и тихой покорностью долженъ относиться къ смерти человѣкъ, видящій въ ней только уничтоженіе, но не возстающій противъ этого уничтоженія и лишь опечаленный краткостью земного счастія. Тѣни Аида и послѣ смерти не видѣли ничего отраднѣе нашего солнца и тоскуютъ о прекрасной землѣ.

Что бы Майковъ ни говорилъ о христіанствѣ, какъ бы ни старался признать разсудкомъ его истины, здѣсь и только здѣсь мы имѣемъ искренній взглядъ нашего поэта на загробный міръ. Это тонкій поэтическій материализмъ художника, влюбленнаго въ красоту *плоти* и равнодушнаго ко всему остальному. Замѣчательно, что поэтъ, пользуясь даже образами христіанской міѳологіи, сохраняетъ все то-же античное настроеніе: Больное, тихое дитя Сидитъ на берегѣ, слѣдя Большими умными глазами За золотыми облаками... Вкругъ берегъ пусть — скала, песок...

Тростникъ, накиданный волною, Въ поморѣ тянется каймо... И такъ покой кругомъ глубокъ, Такъ тихъ ребенокъ, что садится Вблизи его на тростникъ, Играя, птичка; на пескѣ По мели рыбка серебрится... Къ нимъ взоръ порою обратя, Такъ улыбается дитя,

Глядить на нихъ съ такимъ участыемъ. И такъ сіяеть кроткимъ счастьемъ, Что, если блѣдный промелькнетъ Онь на земль, какъ гость за- летный, И скоро въ небѣ въ сонмѣ без- плотный Господнихъ ангеловъ войдетъ, — То тамъ, межъ нихъ, воспоминая Свой берегъ дикій и пустой, — Прекрасна — скажеть — жизнь земная! Богатъ и веселъ край земной!

Не страдавшей и не плакавшей музъ поэта, какъ этому наивному ребенку, жизнь тоже представляется прекрасной, край земной — богатымъ и веселымъ. Онъ былъ счастливъ на землѣ, онъ привязался къ ней, и среди ангеловъ онъ, можетъ - быть, пожалѣть о прошломъ, совсѣмъ какъ жалѣютъ о сладостномъ свѣтѣ земного дня языческія тѣни Аида. Разныя миѳологіи, но настроеніе поэта одно и то же. Онъ и въ христіанствѣ остается безсознательнымъ язычникомъ.

Въ одномъ антологическомъ стихотвореніи Майковъ разсказываетъ, какъ печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, склонилъ своего утонувшаго сына „на мысъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой“. „Оплакавши сына, отецъ подъ развѣистой ивой могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ, плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсила — угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!“ Удивляясь, когда поэтъ-волшебникъ оживляетъ прекрасную, блестящую сторону античной жизни, но еще гораздо болѣе удивительно, когда проникаетъ онъ въ сумракъ народной души. Вся эта пьеса похожа на трогательную пѣсню какого-нибудь крестьянина. Античный міръ раскрывается съ новой, никому неизвѣстной, стороны. Въ приведенномъ стихотвореніи нѣть и слѣда того, чтѣ мы привыкли видѣть въ классической поэзіи. Маленький разсказъ о рыбакѣ Менискѣ дышитъ строгой простотой и реализмомъ; краски бѣдныя, сѣрыя, которыя напоминаютъ, что и на югѣ, и въ древней Греціи, бывали свои унылые, будничные дни. Есть тайна въ этихъ десяти строкахъ: ихъ нельзя прочесть, не почувствовавъ себя растроганнымъ до глубины души. Эта любовь бѣднаго темнаго человѣка, его безропотное горе переданы Майковымъ съ великимъ, спокойнымъ чувствомъ, до котораго возвышались только рѣдкіе народные поэты.

Некрасовъ и Майковъ — можно ли найти два болѣе противоположныхъ темперамента? Но на одно мгновеніе всѣхъ объединяющая поэзія сблизила ихъ въ участіи къ простому горю людей. Съ извѣстной высоты не все ли равно — описывать горе русскаго мужика, котораго вчера еще я видѣлъ, или не менѣе трогательное горе бѣднаго престарѣлаго рыбака Мениска, умершаго за нѣсколько тысячелѣтій? Какъ долго и ожесточенно спорили критики о чистомъ и тенденціозномъ искусствѣ — какимъ ничтожнымъ кажется скола-

стический споръ при первомъ вѣяніи живой любви, живой прелести! Критики — всегда враги, поэты — всегда друзья, и стремятся разными путями къ одной цѣли.

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отворенного сада
Мы на праздникъ Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона

На рукахъ съ собой несли.
Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой,
Каждый бойкій на языкъ;
Но — вино сверкнуло въ чашахъ —
Мы глядимъ — красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлекъ къ себѣ старикъ!...
Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый —
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онѣ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ!

(Анакреонъ.)

Въ стихотвореніяхъ „Юпошамъ“, „Алкивіадъ“, „Преторъ“ — тотъ же удивительный даръ прозрѣнія, который, открывъ Майкову простое горе въ классической древности, даетъ ему возможность проникнуть въ еще болѣе недоступную, интимную сторону отжившой цивилизациі — въ ея смѣхъ и юморъ. Нѣть ничего мимолетнѣе, неуловимѣе смѣха. Когда отъ мраморныхъ мавзолеевъ, отъ великихъ подвиговъ остались одни обломки и полустертыя надписи, что же могло остаться отъ звуковъ смѣха, умолкшихъ двадцать вѣковъ тому назадъ? Но такова чудотворная сила поэта. По одному его слову древность возстаетъ изъ гроба, изъ могильной пыли, и художникъ заставляетъ ее плакать и смѣяться.

Какъ ты миль въ вѣнкѣ лавро-
вомъ,
Толстопузый преторъ мой,
Съ этой лысой головой
И съ лицомъ своимъ багровымъ...
Съ своего ты смотришь ложа,
Какъ подъ гусли пляшешь скиоъ,
Выбивая дробь ногами,
Внизъ потуя мутный взглѣдъ
И подергивая въ ладъ

И руками и плечами.
Вижу я: ты выбивать
Самъ готовъ бы дробь подъ стать,
Такъ и рвется духъ твой пылкій!
Покрывало теребя,
Ходятъ ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечахъ рабовъ твоихъ,
Какъ корабль средь волнъ мор-
скихъ.

(Преторъ.)

Это — шутка, но такая шутка, которою поэтъ сразу уничтожилъ тысячелѣтія между вами и солнечной пыльной улицей древняго Рима; это — бездѣлка, но она высѣчена изъ мрамора, и каждая крупинка бѣлоснѣжнаго паросскаго камня насквозь пропитана солнцемъ Рима, искрится, живетъ и дышитъ.

Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ: міру
Законы даль и все скрѣпилъ.
Находятъ временные тучи,
Но разумъ бодрствуетъ могучий,
Не никнетъ духъ...
· · · · ·
Единство въ мірѣ водворилось.

Центръ — кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошли — тамъ появились —
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчнаго бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги.

(Два міра.)

Майковъ понимаетъ не только повседневную сторону жизни древнихъ, не только ихъ будничное горе и будничный смѣхъ, но и величавую поэзію римской гражданственности. Онъ проникъ (какъ это видно изъ великолѣпныхъ монологовъ римлянина Деция въ *Двухъ мірахъ*) въ самую сущность объединяющей идеи, послужившей цементомъ для колоссального государства. Стихъ Майкова, въ другихъ мѣстахъ такой нѣжный, гибкий и женственный, пріобрѣтаетъ въ рѣчахъ старыхъ римлянъ (напр. Сенеки въ *Трехъ смертяхъ*, Деция) грандіозный паѳосъ и металлическую звонкость латинскихъ поэтовъ. Если бы нѣкоторыя хвалы Майкова величию Rei Publicae были прочтены двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ на латинскомъ языке передъ народомъ или сенатомъ, римляне поняли бы нашего поэта, и квириты въ восхищении присудили бы ему лавровый вѣнокъ.

Несомнѣнно лучшее произведеніе Майкова — лирическая драма *Три смерти*. Она стоить особнякомъ не только среди его произведеній, но и вообще въ русской поэзіи. Ни раньше ни послѣ поэтъ не достигалъ такой высоты творчества. Эта драма — самая классическая изъ его вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ самая современная. Поэтъ извлекъ изъ античнаго міра все, что въ немъ есть общечеловѣческаго, понятнаго всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ. Послѣ Пушкина никто еще не писалъ на русскомъ языке такими неподражаемо-прекрасными стихами. Поэтъ подымаетъ настъ на неизмѣримую высоту философскаго созерцанія, а между тѣмъ въ его драмѣ нѣть

и слѣда того разсудочнаго элемента, который часто портить слишкомъ умныя произведенія. Драма проникнута огнемъ лиризма. Съ нами говорять не философскіе манекены, а живыя люди.

Великая тема произведенія — борьба человѣческаго духа съ ужасомъ смерти, и борьба самая страшная и героическая — вѣвъ всѣхъ твердынь религіозныхъ догматовъ и преданій. Какъ воины, которые вышли изъ стѣнъ крѣпости и вступили съ врагомъ въ рукопашный бой, эти три человѣка — епікуреецъ Люцій, философъ Сенека и поэтъ Луканъ — борются лицомъ къ лицу со смертью, опираясь только на силу собственного духа, не прибѣгая къ защищѣ религіозныхъ вѣрованій. Послѣ мучительной агоніи, всѣ трое выходятъ побѣдителями: епікуреецъ побѣждаетъ смерть насмѣшкой, философъ — мудростью, поэтъ — вдохновеніемъ.

Вотъ жизнь моя! и что жь? ужель О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
Вдругъ умереть? и это — цѣль Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
Трудовъ, великихъ начинаній!... Хоть чудомъ — о, я вѣрою чуду!
Побѣдный лавръ, вѣнецъ же- Но долженъ я и — буду жить!
ланий!...

И вдругъ отъ безумнаго страха смерти и безумной жажды жизни Луканъ сразу переходитъ къ величайшему презрѣнію, когда онъ слышитъ о подвигѣ рабыни Эпихариды, презрѣвшей жизнь:

Простите жь, пышныя мечтанья! О, умираю я, какъ богъ,
Осуществить я вѣсъ не могъ! Средь начатого мірозданья!...

Вотъ великое трагическое движеніе, на которое способны только очень сильные поэты! Какъ ни различны по своимъ міросозерцаніямъ епікуреецъ, философъ и поэтъ, какъ ни противоположны ихъ отношенія къ смерти, — одна характерная черта, одно чувство соединяетъ ихъ. Всѣ трое умираютъ, утѣшенніе торжествомъ своего „я“, своей личности. Они такъ и не поняли, и не должны были понять смерти въ христіанскомъ смыслѣ, какъ сліянія съ Богомъ, какъ самоотреченія, какъ послѣдняго подвига любви. Майковъ раздѣляетъ вполнѣ силу и ограниченность этихъ трехъ великихъ язычниковъ. Такіе люди понимаютъ смерть, какъ апоѳеозъ своего „я“; они до послѣдняго мгновенія противопоставляютъ смерти силу и неразрушимость своей личности,

чуждой любви и полной гордости, — умираютъ, отрицая смерть, въ упоеніи величіемъ собственного духа.

Теперь мы достигли геркулесовыхъ столповъ творчества нашего поэта, коснулись пограничной черты его поэзіи. Муза напрягала всѣ силы, чтобы переступить за черту, но ей не удалось — у нея не было тѣхъ орлиныхъ крыльевъ, которыя необходимы, чтобы перелетѣть бездну, отдѣляющую античный міръ отъ христіанского. Майковъ до конца нашихъ дней въ глубинѣ души остался язычникомъ, несмотря на всѣ усиленія перейти въ вѣру великаго Назареянина.

Онъ понялъ умомъ, но не сердцемъ, противоположность двухъ міровъ — христіанского и античнаго. Угадывая въ теоріи, какъ историкъ, онъ не сумѣлъ показать эту противоположность на дѣлѣ, какъ художникъ, несмотря на то, что всю жизнь стремился къ трудной, для размѣровъ его таланта слишкомъ великой задачѣ.

Въ драмѣ „Два міра“ нѣтъ, въ сущности, ровно никакой драмы, а есть лирическіе монологи римлянина Деція. Передъ нами оживаетъ одинъ только міръ — языческій; христіанскаго не видно: онъ кажется холоднымъ, безкровнымъ и, чтò хуже всего, тенденціознымъ призракомъ. Замѣчательно, что авторы вообще любятъ дѣлать свои мертвые, неудачные фигуры — идеальными, какъ будто недостатокъ жизни надѣются восполнить избыткомъ добродѣтели. Вместо того чтобы просто и глубоко чувствовать, первые христіане Майкова холодно и простиенно разсуждаютъ. Это весьма начитанные и богословски-образованные резонеры. То и дѣло сыплютъ они цитатами изъ священнаго писанія, на Христа и на Бога смотрять не съ наивной смѣлостью людей, творящихъ новую религию, а сквозь запыленную византійскую призму государственного исповѣданія.

Молитесь!... Будь благословенъ
Тебѣ, Господь нашъ въ небесахъ,
Что вспомнилъ о Своихъ рабахъ
И всѣхъ зовешь насъ къ жизни
вѣчной
Изъ жизни временной, конечной!

Дай чаши намъ Твоей испить
И понести Твой крестъ съ Тобою!
Дай пострадать намъ смертью
злою,
Чтобъ славу въ нась Твою явить!

Какъ только начинаютъ говорить майковскіе христіане, самый стихъ становится напряженнымъ и безсильнымъ, вычурнымъ и вялымъ. Отъ этихъ строкъ вѣтъ не ароматомъ

свѣжаго, древняго міросозерцанія, а чѣмъ-то слишкомъ современнымъ — запахомъ церковной пыли, дешеваго ладана и деревяннаго масла... Въ одной молитвѣ Лермонтова („ Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“...) больше христіанскаго чувства, чѣмъ во всѣхъ клерикальныхъ и напыщенныхъ проповѣдяхъ первыхъ христіанъ Майкова. Они говорятъ о Богѣ и любви такъ же холодно и ортодоксально, какъ современные ханжи, у которыхъ Богъ и любовь на языкѣ, а не въ сердцѣ. Нѣть, такъ не могли говорить первые христіане. Майковъ клевещеть на нихъ. Перечтите у Ренана его чудесный томъ „Les apôtres“ или „Saint Paul“: вы увидите живые образы блѣднолицыхъ и истерическихъ женщинъ и дѣвушекъ, странныхъ, мечтательныхъ, преисполненныхъ жгучей, почти болѣзnenной любовью, безграничной фантазіей, мистическимъ восторгомъ, въ которомъ плоть ихъ сгорала, какъ сухое дерево сгораетъ въ огнѣ; вы увидите темные одежды дьяконисъ, загадочныя собранія, проявленія среди крайняго аскетизма пылкой и цѣломудренной чувственности, лица простыя, добрыя, съ отпечаткомъ народной груности и презрѣнія къ виѣшней красотѣ.

Майкову ни на одно мгновеніе не удалось проникнуть въ сущность христіанской идеи. Идея эта заключается въ призрачности всего материальнаго міра, въ непосредственномъ сношеніи человѣческой души съ Богомъ, въ отреченіи отъ нашего „я“ для полнаго сліянія съ началомъ міровой любви, т.-е. со Христомъ. Майковъ, какъ языческій художникъ, влюбленный въ красоту материальнаго міра, не могъ чувствовать его призрачности; Майковъ съ его стремленіями къ яснымъ скульптурнымъ образамъ не могъ понять несказанного и необъятнаго волненія мистиковъ; Майковъ, видящій, какъ Сенека и Луканъ, въ смерти только апоѳеозъ личнаго начала, не могъ почувствовать искренняго желанія отречься отъ себя и умереть, слившись съ міровой любовью. Онъ побоялся взять древній паросскій мраморъ, чтобы изваять своихъ первыхъ христіанъ, ангеловъ, св. Павла, небеснаго Отца; думая, что одухотворенные фигуры выйдутъ слишкомъ тяжелыми и чувственными изъ античнаго материала, онъ замѣнилъ его чѣмъ-то вовсе неблагороднымъ, чѣмъ-то похожимъ на гипсъ дешевыхъ современныхъ статуэтокъ. Воздушные образы христіанскихъ преданій надо создавать

изъ пламени и свѣта, чтобы они сами собою стремились къ небу и парили надъ землей, а у Майкова въ его скульптурныхъ группахъ христіанскія фигуры прикрѣплены — какъ это дѣлаютъ посредственные ваятели — на желѣзныхъ прутьяхъ, для того чтобы онѣ могли парить на своихъ тяжелыхъ гипсовыхъ крыльяхъ, и — кажется — вотъ-вотъ онѣ упадутъ и разобьются вдребезги.

Впрочемъ, не проникая въ мистической духъ христіанства, Майковъ владѣеть иногда внѣшней, материальной формой христіанской миѳологии. Такъ, напримѣръ, онъ превосходно передалъ раскольничыи легенды въ драматическихъ сценахъ „Странникъ“, написанныхъ удивительно красивымъ архаическимъ стихомъ. Очень поэтично преданіе о происхожденіи испанской инквизиціи, о королевѣ Изабеллѣ. Гдѣ не приходится касаться сущности христіанской идеи, гдѣ онъ изображаетъ только прекрасныя формы религіознаго материализма, Майковъ остается истиннымъ художникомъ. Вообще, онъ очень легко и грациозно владѣеть *внѣшней формой* всѣхъ народностей и всѣхъ вѣковъ — формой, но не внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ. Какъ поэтъ-историкъ, онъ съ научной точностью и большимъ вкусомъ передаетъ древне германскія сказанія о Бальдурѣ, „Слово о полку Игоревѣ“, сербскія и новогреческія пѣсни, средневѣковыя легенды, но все-таки чувствуется, что это — искусное, иногда художественное *переодѣваніе* его классической музы, а не *перевоплощеніе*, какъ, напримѣръ, у Пушкина. У послѣдняго въ подражаніяхъ Магомету не только — весь ароматъ восточной поэзіи съ ея дикою и странною прелестью, но и вся глубина восточнаго мистицизма. У Майкова слишкомъ много спокойной точности и простоты, слишкомъ много чувства классической мѣры и гармоніи, чтобы онъ могъ проникнуть въ необузданную меланхолическую фантазію кровожадныхъ скандинавскихъ пиратовъ и викинговъ, грубыхъ, мрачныхъ, вѣчно пьяныхъ отъ крови или отъ пива, цирющіихъ и распѣвающихъ пѣсни подъ открытымъ небомъ за кострами. Чудовищные образы сѣверныхъ скальдовъ пріобрѣтаютъ у Майкова изящество, блескъ и простоту гомеровскаго эпоса. Сербскія и новогреческія пѣсни ближе къ античному міросозерцанію, и онѣ удаются поэту гораздо лучше. Но глубокій мистицизмъ первыхъ христіанъ, такъ же какъ новыхъ сѣверныхъ народовъ, остался ему чуждымъ.

Еще болѣе недоступна Майкову современная жизнь. Въ эпоху, когда поэтъ уже создалъ свои чудныя антологіческія стихотворенія, онъ является робкимъ ученикомъ, почти безъ искры самостоятельнаго дарованія, въ пьесахъ, посвященныхъ русской дѣйствительности, какъ, напримѣръ, въ „Житейскихъ думахъ“, въ „Грезахъ“, „Барышнѣ“, „Утопистѣ“, „Послѣ бала“ и др. Все это крайне слабо, подражательно и недостойно автора „Трехъ смертей“. Немногимъ лучше неаполитанскій альбомъ „Миссъ Мери“. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, есть нѣсколько изящныхъ итальянскихъ акварелей. Впрочемъ, оригинального въ „Миссъ Мери“ мало: это подражаніе Гейне. Но классической величавой музѣ совсѣмъ не присталь современный костюмъ европейской дамы или барышни. Строгая богиня, привыкшая къ простымъ широкимъ складкамъ древняго одѣянія, чувствуетъ себя неловко въ узкомъ модномъ платьѣ. Она хороша была на родномъ Геликонѣ, но жалко смотрѣть, какъ поэтъ насилино вводить ее въ свѣтскій кругъ современныхъ барышень, заставлять участвовать въ кадрили, болтать съ кавалерами, — и каждая пустенькая молодая красавица можетъ по праву осмѣять гордую богиню и замѣтить, что платье на ней нехорошо сидитъ, что ея благородныя античныя формы кажутся почти смѣшными и неуклюжими въ костюмѣ миссъ Мери.

Гораздо лучше удается Майкову обратный поэтическій приемъ, а именно облеченіе новаго содержанія въ античныя формы — приемъ, который такъ любилъ Гёте. Современная газета даетъ Майкову поводъ написать очень тонкую изящную идиллію во вкусѣ юеокрита. Таковы вообще лучшія пьесы изъ „Очерковъ Рима“.

Нерѣдко, описывая современную дѣйствительность, поэтъ, по привычкѣ, вдругъ переходитъ къ древнимъ миѳологическими образамъ и забываетъ первоначальную тему. Онъ начинаетъ стихотвореніе „Утопистѣ“ шутливыми строками: „Свои помѣстя умныя нѣмцамъ на пощеченіе отдавъ“... а кончаетъ его совершенно неожиданно: „И весь Олимпъ молчитъ, гадая, чѣмъ озабоченъ властелинъ... И лишь для рѣзваго Эрота у жизнедавца и отца міродержавная забота спадаетъ съ грознаго лица“. Онъ хочетъ разсказать что-то о современной барышнѣ, но опять, не удержанвши, сравниваетъ ее съ Гебой: „и, какъ обманутая Геба, ты отъ Зе-

весова стола, скорбя, ему, какъ сыну неба, Зевесовъ нектарь подала“. Описываетъ ли Майковъ современный балъ — античный профиль какой-нибудь красавицы тотчасъ же напоминаетъ ему Сорренто, пестумскій храмъ, пиръ гораціанскихъ временъ, золотую галеру — и вотъ уже онъ далекъ отъ современной жизни, и, съ удивленіемъ и грустью просыпаясь въ XIX вѣкѣ, поэтъ восклицаетъ: „ахъ, вы всему виною, о розы Пестума, классическія розы!...“ Таковъ складъ его воображенія: оно по инстинкту, по непреодолимой привычкѣ, какъ струя воды по наклонной плоскости, стремится къ античному міру.

Несомнѣнно, лучшая изъ современныхъ поэмъ Майкова — „Рыбная ловля“, и это потому, что въ ней поэтъ избралъ темой не жизнь людей, а жизнь природы и патріархальное, илиллическое занятіе, описанное простодушно въ духѣ неподражаемыхъ „Георгикъ“.

Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокій
Подъ теплый паръ земли глаза миѣ не сомкнеть...
О, чудный сонъ! душа, Богъ знаетъ, гдѣ, далеко,
А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живетъ...

.
Стрекозы синія колеблютъ поплавки,
И тощіе кругомъ шныряютъ пауки,
И кружится, сребрясь, снитковъ веселыхъ стая,
Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчезая...

Дальше описывается, какъ рыбакъ осторожно на удочки выводить изъ воды „упорного леща“, какъ „чернозолотой красавецъ повернулся“ и опять исчезъ въ водѣ. Интимныя, даже прозаическая подробности домашней жизни поэтъ вывышаетъ, придавая имъ печать важной красоты: такъ, онъ изображаетъ, какъ на цыпочкахъ, подобно вору, чтобы не потревожить домашнихъ, онъ крадется изъ дома и лѣзть черезъ заборъ, „взять хлѣба про запасъ съ кристаллической крупной солью“. Самая прозаическая повареная соль, благодаря классическому эпитету, превращается въ подробность, достойную Гомера или Ѹеокрита. Мало-по-малу тонъ идилліи повышается, и — какъ всегда въ порывѣ искренняго вдохновенія — Майковъ забываетъ современность и переносится въ античный міръ. Что, кажется, можно найти общаго между рыбной ловлей и древнегреческимъ божествомъ? Но таковъ

пластическій геній поэта. Его фантазія превращаетъ все, къ чему ни прикоснется, въ мраморъ и высѣкаетъ изъ него дивныя изваянія. Такъ и рыбная ловля представляется его неисправимо-языческому воображенію новою богиней, „чистою музой, витающей между озеръ“. И мало-по-малу онъ начинаетъ такъ ее любить, что воплощаетъ въ этой богинѣ рыболовнаго искусства свою собственную музу. Онъ обращается къ ней:

Пускай бѣгутъ твои балованныя сестры...
За лавромъ, и хвалой, и памятью вѣковъ:
Ты ночью звѣздною на мельничной плотинѣ,
Въ семь царствъ свай, колесь, и плѣсени, и мховъ,
Таинственностью духъ питай въ святой пустынѣ!...
И въ мигъ, когда спадеть съ природы тьмы завѣса,
И солнце вспыхнетъ вдругъ на пурпурѣ зари,
Со всѣми криками и шорохами лѣса
Сама въ моей душѣ ты съ Богомъ говори!
Да просвѣтленъ тобой, дыша, какъ часть природы,
Исполнюсь мошью я и счастьемъ той свободы,
Въ которой праотецъ народовъ, дни катя
Къ сребристой старости, былъ весель, какъ дитя!

Такова муга Майкова. Если она и осталась навѣки чуждой современности, то нельзя въ ней отрицать того великаго, понятнаго всѣмъ вѣкамъ, чтѣ даетъ ея лучшимъ пѣснямъ право на безсмертіе.

Однажды старцы Иліона — разсказываетъ Майковъ — сидѣли въ кругу у городскихъ воротъ. Осада Трои длится уже десять лѣтъ. Вспоминая павшихъ, они проклипали ту, „которая была виною бѣдъ ихъ...“ „Елена! ты съ собой ввела смерть въ наши domы! ты намъ плѣна готовишь цѣпи!...“

Въ этотъ мигъ Подходитъ медленно Елена, Потупя очи, къ сонму ихъ; Въ ней дѣтская сіяла благость И думы легкой чистоты; Самой была какъ будто въ тягость	Ей роковая красота... Ахъ, и сквозь облако печали Струится свѣтъ ея лучей!... Невольно, смолкнувъ, старцы встали, И разступились передъ ней.
--	---

Можно судить Майкова, можно жалѣть объ его односторонности, но, какъ только предстанетъ, подобно Еленѣ, величавая античная муга поэта, — самые строгіе обвинители, если только чувствуютъ они власть красоты, должны, невольно смолкнувъ, встать и разступиться передъ ней, какъ старцы Иліона.

Мережковскій.

Майковъ — защитникъ красоты и чистыхъ радостей, навѣваемыхъ созерцаніемъ античной жизни.

Греція и красота — съ раннихъ поръ напръ поэтъ пріучилъ себя считать родственными оба эти понятія:

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглѣдъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ залѣ царственному, межъ пышными столбами,
Увитыми кругомъ сребристыми листами,
Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
Со строгой красотой дружа мой юный умъ.
Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ будто бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались.

Умѣніе и страсть оживлять антики и античность остались вѣрны ему и въ дальнѣйшей жизни; для этого у него были два могущественные, не всякому даныя средства: онъ былъ и живописцемъ и поэтомъ.

Что Майковъ былъ живописцемъ, видно изъ многихъ его стихотвореній по той охотѣ и умѣлости, съ которою онъ дополняетъ заимствованныя у древности картины и создаетъ въ подражаніе ей свои.

Онъ привыкъ зрѣніемъ воспринимать поэтическія представленія; ему важна картина, важенъ фонъ, на которомъ разыгрывается дѣйствіе, важна и живописная часть самого дѣйствія. Такова сцена „у храма“: рѣзвыя дѣвушки —

летять въ перегонки,
Прямо съ горы и несутся, шалуны!..
Розъ, молоко и вина молодого,
Меду несуть и козленка молочнаго тащатъ.

Слава у нихъ, видно, не изъ лучшихъ; скромные юноши отъ нихъ прячутся, но напрасно; ихъ —

увидали!
Смотрѣть сюда изподлобья,
Шепчутъ, другъ друга толкая.
Щеки ихъ сдержаннѣмъ хохотовъ такъ и трепещутъ.

Появляется жрецъ, съ которымъ онѣ „вступаютъ въ разговоръ“:

Старый смѣется и щурить глаза на открытые плечи.
Правду сказать, у нихъ плечи какъ будто изъ воска,
Чудныя, полныя руки, и — что всего лучше —
Блескъ и движенье, здравье и нѣга,
Грація съ силой во всѣхъ сочеталися формахъ.

Такъ понималъ Майковъ греческую красоту, и за это спасибо ему. Благодаря этому пониманію онъ избѣгъ одной роковой ошибки, въ которую такъ легко попасть поэту-подражателю античности, избѣгъ шаблонности. У него античность, насколько онъ ее уразумѣлъ и избралъ, живеть и дышить; она у него все, что угодно, но только не скучна.

Поэть — такъ я представляю себѣ дѣло — задался вопросомъ: какой бы получился эффектъ, если бы внезапно въ величественную античную обстановку перенести русскій танецъ — казачекъ. И вотъ онъ изображаетъ римскаго претора, смотрящаго со своихъ носилокъ —

Какъ подъ гусли пляшеть скиѳъ,
Выбивая дробь ногами.

Лихая пляска дѣйствуетъ заразительно на римскаго вельможу; „вижу я“ говорить ему поэть —

ты выбивать
Самъ готовъ бы дробь подъ стать,
Такъ и рвется духъ твой пылкій!
Покрывало теребя,
Ходять ноги у тебя,
И качаются носилки
На плечахъ рабовъ твоихъ,
Какъ корабль средь волнъ морскихъ.

Оставимъ, однако, эту шутливую попытку сочетанія античнаго генія со славянскимъ, которая къ тому же отвлекла насъ отъ нашей главной темы — греческой красоты и отношенія къ ней нашего поэта. Мы установили живописный, такъ-сказать зрительный, характеръ отраженія этой красоты въ умѣ Майкова. Такъ именно, а не иначе, понималъ онъ ее; но всю ли ее онъ понималъ? И если нѣтъ, то велика ли была та ея часть, которую онъ понималъ?

Въ тѣ годы, когда Майковъ дружился съ древностью — во время ли своихъ прогулокъ среди антиковъ „потемкинскихъ палатъ“ или позже, странствуя по музеямъ и руинамъ „святой Италии“ — излюбленная имъ „наука Винкельмана“, сама еще не возвысилась до пониманія того идеала красоты, который былъ созданъ аттическими ваятелями V и VI вѣковъ. Восхищались работами или римской или поздней греческой и наиболѣе близкой къ Риму эпохи, работами тоже прекрасными, но прекрасными въ другомъ, нѣсколько болѣе

современномъ духѣ. Теченіе это охватило и Майкова. „Еще я слышу“, писалъ онъ послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея —

вопль и ревъ Лаокоона.

Въ ушахъ звенить стрѣла изъ лука Аполлона,
И лучезарный самъ, съ дрожащей тетивой,
Восторгомъ дышащій сіяеть предо мной.

Цѣломудренная аттическая скульптура Фидія и Праксителя такъ и осталась неизвѣстною Майкову; она въ то время или находилась еще подъ землей, или ютилась въ недоступныхъ ему музеяхъ. Согласно этому и красота греческой поэзіи была ему тѣмъ доступнѣе, чѣмъ ближе она была къ Риму. Онъ охотно изображаетъ вакхическія сцены:

Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая...

Тамъ — таинственный „мракъ деревъ“, гдѣ —

Раскинувшись на мягкой бархатѣ мховъ,
У грота темнаго, вакханка молодая
Покоится, къ рукѣ склоняясь, полунаагая...

Но это — вакхизмъ Александрийскихъ барельефовъ, красивыхъ и сладострастныхъ, такъ и располагающей душу мечтательности и нѣгъ, почти тотъ самый, который мы находимъ и у Багюшкова, и у Пушкина; это не тотъ демонической вакхизмъ, которымъ дышать „Вакханки“ Еврипида, не тотъ стихійный восгорженный экстазъ, въ которомъ человѣкъ впервые почувствовалъ свое единство и съ природой и съ божествомъ и бессмертіе своей божественной души. А между тѣмъ — это, пожалуй, и есть та почва, на которой произойдетъ слияніе между греческимъ и славянскимъ духомъ; не даромъ полуславянинъ Фр. Ницше первый ее открылъ и возвѣстилъ о ней въ своей дивной, по-истинѣ вакхической, книгѣ о „рожденіи трагедіи“.

Изъ древней греческой лирики особенно плѣнили Майкова тѣ двѣ звѣзды, которыя и римлянамъ были наиболѣе понятны — Сафо и Анакреонъ. Онъ любилъ воспроизводить въ вольномъ подражаніи тѣ жалкіе остатки, которые время оставило намъ изъ поэзіи Сафо; таковы стихотворенія: „Я въ гротѣ ждалъ тебя въ урочный часъ“, „Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра“, „Звѣзда божественной Киприды“, „Онъ юный полу-богъ, и онъ — у ногъ твоихъ!“ и „Передъ жрицей Апол-

лона“, изъ коихъ послѣднее вставлено поэтомъ въ его трагедію „Два міра“.

Что сказать объ этихъ подражаніяхъ? Сопоставимъ ихъ прежде всего съ оригиналами; послѣдній изъ только-что перечисленныхъ отрывковъ сохраненъ имъ въ слѣдующемъ видѣ (слова Сафы богатой соперницѣ): „Придетъ нѣкогда смерть и ты будешь лежать, и не будетъ памяти о тебѣ ни тогда ни послѣ: не даны тѣбѣ розы изъ піерийской страны. Нѣтъ! неизвѣстно будешь ты блуждать и по обители Аида, носясь среди безсознательныхъ душъ“. Изъ этихъ словъ лезбійской стихотворицы, потерявшихъ, правда, въ прозаическомъ переводе болѣшую долю своей прелести, напѣлъ поэтъ сложилъ слѣдующую пѣсенку:

Передъ жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шокомъ косъ и блескомъ ризъ.
Ты умрешь и все въ мгновенье
Съ красотой твоей умреть;
На землѣ твой слѣдъ забвенье

Словно вихорь замететь.
Въ адскихъ пропастяхъ бездон-
ныхъ
Пропадешь средь темноты,
Въ сонмѣ душъ непросвѣтлен-
ныхъ
Вдохновеньемъ какъ и ты!

Можно пожалѣть о томъ, что поэту неудалось удержать въ переводѣ картины блужданія по мрачной обители Аида, столь характерного для тоскливо-бездѣльного существованія души въ загробномъ мірѣ отъ Гомера до Данте; къ „шелку“ и „косамъ“ пусть придираются буквоѣды — мы признаемъ за поэтомъ полное право дѣлать такія уступки современности и благодарны ему за его починъ. Но главное не это, а глубокая вдумчивость, живительная любовь, съ которой поэтъ отнесся къ своему дѣлу, благодаря которой ему удалось дополнить обломокъ и возстановить мысль Сафы въ ея если не подлинной, то возможной цѣлости. Такова работа скульптора, реставратора:

Художникъ сложилъ воедино разбитые члены,
Трудяся съ любовью, какъ будто бы складывалъ вмѣстѣ
Куски драгоценные писемъ отъ милой, безумно
Разорванныхъ въ гнѣвѣ...

Поэтъ уважалъ и любилъ ее, эту реставраторскую работу надъ остатками древности, и самъ въ ней участвовалъ, поскольку могъ.

Къ Анакреону это, впрочемъ, не относится; правда,

Майковъ возсоздалъ и одно анакреонтическое стихотвореніе („Пусть гордится старый дѣдъ“), точнѣе говоря — анакреонтическую мысль, встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ того сборника, который и онъ, подобно многимъ, считалъ принадлежащимъ теосскому пѣвцу; но такъ какъ это мнѣніе опровергнуто, то заниматься имъ нѣтъ надобности. Зато онъ его самого изобразилъ въ прелестной „Камеѣ“, вдохновляясь, полагаю я, скорѣе его знаменитою статуей въ Villa Borghese, чѣмъ его стихотвореніями: старый пѣвецъ окружаетъ себя роемъ красавицъ, покинувшихъ ради него своихъ молодыхъ поклонниковъ. „Чѣмъ [имъ] головы вскружилъ?“ недоумѣваютъ они.

А онъ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ.

Если къ этимъ двумъ свѣтиламъ греческой лирики прибавить еще двухъ миѳическихъ героинь — Кассандру, тоже „жрицу Аполлона“, посвященная которой сцены онъ красиво и умѣло перевелъ изъ „Агамемнона“ Эсхила, и жрицу Венеры — Елену, появление которой въ Иліадѣ онъ воспроизвелъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи: „Сидѣли старцы Иліона“, то заимствованные имъ взъ древней греческой поэзіи мотивы будутъ исчерпаны. И въ выборѣ ихъ и въ ихъ пониманіи онъ руководился, бѣльшою частію, примѣромъ и симпатіей римскихъ подражателей греческой поэзіи,— Горацией, Проперція, но особенно — Овидіемъ.

Этотъ послѣдній былъ ему, помимо всего прочаго, вдвойнѣ интересенъ и несчастіемъ своего изгнанія, и тѣмъ, что, очутившись среди сарматовъ, онъ научился ихъ языку, написалъ на этомъ языкѣ поэму въ честь Августа и сдѣлался такимъ образомъ (если правильно видѣть въ сарматахъ предковъ славянъ) первымъ славянскимъ поэтомъ. Несчастію Овидія напѣ поэтъ — подражая извѣстнымъ стихамъ Пушкина въ „Цыганахъ“ — посвятилъ стихотвореніе:

Одинъ я погребенъ пустыней снѣговою;
Здѣсь всѣмъ моимъ стихамъ гормонія чужда,
И нѣкому надѣй ней задуматься порою,
Ей нѣтъ ни въ чьей душѣ отзыва и слѣда.
Зачѣмъ же я пою?..

приписывая римскому элегику, безъ сомнінія, тѣ самыя думы, которыхъ его волновали какъ „поэта для немногихъ“.

Что же касается сближенія Овидія со славянскимъ міромъ, то Майковъ въ вольномъ подражаніи передалъ по-русски относящіеся сюда стихи изъ одного его, „Посланія съ Понта“:

Межъ скиоовъ, въ ихъ пустынѣ

Я самъ сталъ полу-скиоъ. Повѣришъ ли, я нынѣ

Ихъ дикимъ языкомъ владѣю какъ своимъ!

Я пріучилъ его къ себѣ, какъ звѣрь. Имъ

Я властую: въ ярмо онъ выло приклоняется,

Я правлю, и на Пиндъ, какъ вихорь, онъ взлетаетъ.

Пойми меня, мой другъ! пойми, мой грубый стихъ

Не втунѣ ужъ звучить среди пустынь нагихъ,

А принять, повторень и понять человѣкомъ!

И Скиоы дикіе подобно древнимъ Грекамъ (?)

Съ улыбкою зовутъ меня своимъ пѣвцомъ!

Поэму я сложилъ ихъ варварскимъ стихомъ:

Для нихъ впервые я воспѣлъ величье Рима

И все, съ чѣмъ мысль моя во вѣкъ неразлучима.

Это у нашего поэта уже второе и на этотъ разъ серіозное сопоставленіе античнаго духа со славянскимъ; въ третій разъ онъ осуществилъ эту идею въ стихотвореніи „Никогда“. Къ сожалѣнію, встрѣча изображена не мирная, и вотъ почему:

...у всѣхъ единый кликъ

Вырвался изъ груди:

„Никогда!“

заглушая произнесенные въ началѣ братскія слова:

Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-солъ!

И принять ихъ просимъ

Такъ же честно, какъ тебѣ,

Царь, мы ихъ подносимъ.

А между тѣмъ эти слова остались бы въ силѣ, если бы славяне увидѣли у Рима въ рукахъ не символъ власти, а символъ красоты, той красоты, которую ему суждено было передать новому міру. Какъ хорошо нашъ поэтъ понималъ именно эту красоту — это мы видѣли; за нее онъ стоялъ, отъ нея не отрекался даже передъ тою силой, которая основала этотъ новый міръ. Когда мрачный аскетъ Савонарола приказываетъ предать пламени, въ качествѣ „льстивыхъ чаръ ада“, — Все что тѣшить рѣзвый свѣтъ Приманкой нѣги и суеты... И сладострастныя картины,

И бюсты фавновъ и серенъ,

Литавры, арфы, мандолины

И ноты страстныхъ кантиленъ —

поэтъ отказывается признать, что, поступая такъ, онъ поняль Того, Чьимъ именемъ онъ прикрывался.

„О, нѣть“, восклицаетъ онъ:

Скорбящихъ утѣшая, Доминиканца жъ ликъ суровый
Ты чистыхъ радостей не гналь... Быль чуждъ любви — и самъ онъ
И Магдалину возрождая паль
Дѣтей на жизнь благословляль. Безплодной жертвою...

Защита красоты и чистыхъ радостей, защита того, что, никому не принося вреда и обиды, способно наполнить собою чашу земной благодати — таково было призваніе нашего поэта, призваніе, въ которомъ его укрѣпляло созерцаніе античности. Аскеты возможны не на одной только религіозной почвѣ; имъ всѣмъ, поскольку они видятъ свою задачу въ распространеніи обезсиливающаго унынія, звучитъ его приговоръ: „безплодная жертвы!“ Зѣлинскій.

Антологіческія стихотворенія Майкова.

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами, или оскорблennое несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія,— какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждается въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнить ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ-будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастья — это другой вопросъ, и только будущее можетъ решить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже данного факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изящно напечатанная книга стихотвореній Майкова. Огстраняя все гаданія, которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставивъ времени решеніе вопроса о степени поэтическаго таланта Майкова,— мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдельное, замѣчательное и нечто обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только

сильные дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ, — теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы; теперь, когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгающей и спекулянтовъ...

Наша литература, несмотря на свою молодость и незрѣлость, уже совершила нѣсколько фазъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей, нѣть почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много обѣщавшихъ, и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно и такъ незначительныхъ теперь!.. И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурные фразы, и приходить въ неистовый восторгъ отъ триумфального сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ — съ адомъ... Точно также теперь только развѣ необразованная, невоспитанная посредственность рѣшиться „приывать вдохновеніе на высь чела, вѣнчанаго звѣздой“; выдумать „грудь, которая высоко взметалась безпредметною любовью“, или отпускать другія подобныя стихотворныя вычуры. А прежде — и еще очень недавно — все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Маленькое дарованіе не попадаетъ теперь въ геній. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько угодно пѣть стихами и скрипѣть прозою, не подвергаясь опасности быть замѣченной со стороны публики: она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себѣ похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту

быть тотчасъ же замѣченымъ. Въ прозѣ еще до сихъ поръ и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобы худы, да и не то, чтобы очень хороши, ужъ невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время риомованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно: ощущеніца и чувствованыца ставятся ни во что: на мѣсто того и другого требуются глубокія чувства и идеи, выраженные въ художественной формѣ, съ риомами, или безъ риомъ — все равно. Для успѣха въ поэзіи теперь мало одного таланта — нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не поѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣты на самые мудрые вопросы; врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи, высокое значеніе поэта не помѣшаль намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ Майкова,— значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно критической строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашегоуваженія къ его таланту.

Стихотворенія Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собою раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, не имѣющіе между собою ничего общаго, кроме развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перль поэзіи Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хороший стихъ. Поговоримъ о стихотвореніяхъ первого разряда.

Читателямъ „Отечественныхъ Записокъ“ должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ назы-

ваемой антологической поэзіи, и потому мы, не желая повторять себя, будемъ говорить только о поэзіи Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзіи, попросимъ заглянуть въ статью о „Римскихъ элегіяхъ Гёте“ (ч. IV, стр. 442). Теорія антологической поэзіи имѣеть такое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ стихотвореній Майкова, что мы, въ цитированной статьѣ (ч. IV, стр. 447), выписали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ, его дивно-поэтическую, роскошно-художественную пьесу „Сонъ“ (Когда ложится тѣнь прозрачными клубами), не зная, кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ, — и мы, при разборѣ этого „Альманаха“, еще задолго до статьи о „Римскихъ элегіяхъ“, выписали въ нашемъ журнале это стихотвореніе, скромно подписанное буквою *M.* И безъ подписи знаменитаго, или по крайней мѣрѣ, знакомаго имени, оно поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ.

Это именно одно изъ тѣхъ произведений искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блестательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какие пластические, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобы признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеей.

Чтобъ опредѣлить значеніе и достоинство антологической поэзіи Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найти въ ней художественное *profession de foi* автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

С о м и ѣ н і е.

Пусть говорять — поэзія мечта.
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыселъ — красота;
Пусть нѣть для мореходцевъ дальнихъ
Сиренъ опасныхъ, нѣть дриадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣть наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длані не низводить
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліость не сходитъ
Къ Оетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шепотъ
Такъ полонъ тайны; шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дня
Съ такой любовью пріемлетъ
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ, — что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты!

Остановимся на этомъ стихотвореніи и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанию — это превосходная пьеса; но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанию, и изъ-за поэтическаго, полнаго жизни и опредѣленности языка, мѣстами слышится несвязный лепетъ не-повинующейся слову мысли... Стихъ: „Что міръ ея есть міръ пустой и ложный“ прозаиченъ; „и блѣдный вымыселъ — красота“ — неопределено и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ, „низводящемъ изъ длані потокъ разящей молніи“ невѣрно и въ отношеніи къ языку и въ отношеніи къ поэзіи: „Лунный ликъ такъ сокровенъ“ ничего не говоритъ ни уму ни фантазіи читателя, по причинѣ неточности эпитета; „И ты невольно симъ явленьямъ даруешь жизніи красоты“ выражено слабо и неопределенно. Послѣдніе два стиха въ пьесѣ прекрасны, но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ много сдѣлано уступки, вместо которой читатель самою пьесою настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснитъ, почему неодушевленныя явленія природы

производять на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примирить чисто поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ на опытѣ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважного намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи Майкова — природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октаава.

Гармоніи стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У берга сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Полются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Искусство.

Срѣзаль себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидаль его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзаль.
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,—
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнить поморье.

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопределенно высказанное въ немъ явилось въ нихъ такъ полно, такъ определено; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностью отдѣлки. Что же до содержанія — оно здѣсь представляетъ собою основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у нея онъ прежде

всего началъ братъ уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ — и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ первого, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ — существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное влияніе явлений природы: онъ по-преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риомой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гуль глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видѣть поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ иномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи пьесы Майкова „Октава“, „Искусство“ составляютъ главу эстетики,— и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ

предметъ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдельныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ эллиновъ природа была паѳосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи муга Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младчески ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца, находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безыскусственно изящныхъ пѣсенъ. Разумѣется, эта родственность могла бы остатся только въ возможности, если бъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ея: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только что началъ писать *не-лицейскія* стихотворенія, и въ которую жизнь едва ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту,— Майковъ, изученіемъ изящно-древне-классической поэзіи, завоевавъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато — посмотрите, сколько эллинского и антологического въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будить спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами грека, и — какъ мы увидимъ ниже — иначе и не умѣть еще смотрѣть на нее. Если взять въ расчетъ его молодость (а ея, въ этомъ случаѣ, нельзя не брать въ расчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Шокрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленою сосень,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, склонилъ
Погибшаго сына. Его взлѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.

Оплакавши сына, отецъ подъ развѣистой ивой
Могилу ему ископаль, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсила —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому, чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ, — вы ощутите душою и безконечную красоту и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣть ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣть ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль... Если же духу вашему нечуждо древнее міросозерцаніе, — вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или, что и человѣкъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться грекомъ, такъ что самый взыскательный аениянинъ, современникъ Алкивиада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: нерѣдко блестаетъ и жжетъ она упоительною роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною, самообладающею и цѣломудренnoю, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ „Вакханкѣ“. Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и —

Дорида.

Дорида милая, къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясы золотой,
Упругій твой корсетъ, скимающій собою
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?...
Нѣть, милая! Оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней!
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!
Я не его ишу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мною наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златого,
Сорви съ своей груди рукой своей перловой

Гы розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персамъ. Пусть непринужденный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!... Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мягко,
Пускай спадеть вопрахъ и злато и жемчугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! Какъ ты мила, какъ миль и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный беспорядокъ!

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта пьеса не только не понравится, но и возбудить все негодованіе ихъ; но потому-то она и прекрасна. Кто имѣть счастіе быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое,— для тѣхъ стихотвореніе „Доридѣ“, при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣмъ, что мѣсто и время, а главное — право собственности, не позволяютъ намъ выписать изъ книги Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній — особенно „Гезіода“ и „Вакха“, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ пьесъ, довольно большихъ и болѣе, нежели прочія, характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рошь покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ, — и чудный
Звукъ полился изъ бездушного ствола. Внимали
Вокругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Шѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливая нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводить, но трели земныя...
Горкій безумецъ! ты думаешьъ, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшиливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣть нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужъ нѣть благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно...
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣтить,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющь и не цвѣты віются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушился раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившися бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хоочешь, и меня цѣлую звонко, нѣжно!

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ; но тонъ поэзіи, но созерцаніе, составляющее ея фонъ, все тѣ же, дышащія сладостію и нѣгою свѣтлаго неба Эллады!...

Однакожъ, тотъ не понять бы нась, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ Майкова полное выраженіе древней поэзіи, или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классического духа. Гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностію и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительного элемента древняго міросозерцанія. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идилліи, или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, которая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если, со стороны идилліи и пѣсни, жизнь грековъ была наивно-прелестна, мила и любезна, то, со стороны трагедіи, она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая сторона — заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали,— и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагический элементъ преобладаетъ уже и въ самой „Іліадѣ“ — этой прародительнице всѣхъ трагедій греческихъ, впослѣдствіи явившихся. Чѣмъ же разумѣлъ грекъ подъ „трагическимъ?“ Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе противорѣчащихъ условій жизни, или вслѣдствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся навстрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ греческой трагедіи. Трагическое грековъ заключа-

лось или въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумнаго, двигательнаго начала съ общественнымъ мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которою онъ, въ случаѣ побѣды, запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами, и которою, въ случаѣ паденія героя, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностью человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ источникъ борьбы былъ внутренній и заключался въ духовной натурѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть только великій человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторіи, предназначенный осуществить собою какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого; но долгъ критики замѣтить, что у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что Майковъ и не коснулся элемента „трагического“. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармонического единства съ природою, въ духѣ древнихъ. Но придетъ время — и, можетъ-быть, въ духѣ поэта совершиится движение: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явлений высшаго міра — міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества... И мы почли бы себя счастливыми, если бъ эти строки могли послужить хоть косвенною причиной къ ускоренію этого времени...

Бѣлинскій.

Происхожденіе, планъ и форма поэмы Майкова „Два міра“.

Прежде самой оцѣнки „Двухъ міровъ“ А. Н. Майкова, позвольте коснуться исторіи происхожденія этой поэмы, которую самъ авторъ называетъ дѣломъ почти всей своей жизни.

Первые сѣмены зарожденія этого труда были положены въ душу молодого поэта еще на студенческой скамьѣ. Приналежав къ юридическому факультету, онъ подъ вліяніемъ оживленныхъ лекцій профессора римскаго права, покойнаго

Шнейдера, пристрастился къ міру древнихъ Римлянъ и уже тогда съ любовію изучалъ его, читалъ въ подлинникѣ писателей ихъ и добровольно упражнялся въ переводахъ изъ ихъ историковъ и поэтовъ.

Путешествіе въ Италію въ началѣ 40-хъ годовъ, непосредственное ознакомленіе съ топографіею, съ памятниками и развалинами Рима, еще болѣе сблизило поэта съ жизнью, нѣкогда кипѣвшую въ этихъ стѣнахъ, тѣмъ болѣе, что онъ здѣсь снова обратился къ изученію Тацита, Светонія, Виргilia. Первымъ плодомъ тогдашнихъ впечатлѣній и занятій, по возвращеніи Майкова въ отчество, былъ замыселъ поэмы „Три Смерти“, побудившій его ознакомиться также съ римскими философами, трагиками и комиками; въ число материаловъ для будущаго труда вошли, сверхъ того, Плутархъ, Апулей, Лукіанъ, и предъ воображеніемъ поэта раскрылась вся будничная жизнь Рима.

Но поэма „Три Смерти“ не удовлетворила строгихъ требованій автора: нѣсколько разъ принимался онъ передѣлывать, и въ началѣ 50-хъ годовъ она явилась въ видѣ „Смерти Люція“. Когда затѣмъ понадобилось новое изданіе сочиненій Аполлона Николаевича и ему довелось, послѣ долгаго времени, перечитать это произведеніе, то онъ опять остался недоволенъ собой: особенно смущило его, что тутъ вовсе не было христіанъ и что герой являлся чѣмъ-то неопределеннымъ — ни эпикурейцемъ, какимъ авторъ хотѣлъ представить его, ни патріотомъ.

Онъ убѣдился, что герой его долженъ быть вмѣщать въ себя все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго; это долженъ быть великий римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже во плотившій въ себѣ всю прелесть и изящество греческой образованности. Окрѣпнувъ мыслю, въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія, обогатившись опытомъ жизни и анализомъ настоящаго, пережитаго и переживаемаго нами времени, поэтъ сталъ глубже вникать и въ явленія жизни давно минувшихъ вѣковъ.

Событія древности онъ старался воскрешать въ фантазіи своей по ихъ аналогіи съ тѣми, что видѣль на своемъ вѣку, а переживаемая нами историческая полоса такъ богата подъемами и паденіями человѣческаго духа, что въ ней внимательному взору представляется богатый материалъ для сравне-

нія съ отдаленными отъ насть эпохами. Продолжая въ то же время изучать римскую жизнь въ литературныхъ памятникахъ, нашъ поэтъ въ 1872 году окончилъ свои картины изъ языческаго міра, но къ міру христіанскому онъ еще не рѣшался приступить.

Возсоздать христіанскій міръ не въ отвлеченныхъ представленияхъ только, а въ живыхъ, осмысленныхъ образахъ, въ отдельныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе. Но онъ не упускаль ничего, что могло ближе ознакомить его съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, и мало-малу накопился материалъ, позволившій ему осуществить его первоначальную идею: ибо, какъ самъ онъ говорить, еще въ юности его поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра въ полномъ расцвѣтѣ началъ, лежащихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ новое, совсѣмъ иное начало въ отношенія между людьми.

И вотъ, окончательное выполненіе завѣтной идеи поэта передъ нами. Признаемъ, что такой настойчивый трудъ надъ созданіемъ, въ которомъ художникъ стремится разрѣшить задачу, разъ поразившую его воображеніе, есть явленіе чрезвычайно рѣдкое и вмѣстѣ въ высшей степени отрадное. Съ такою любовію и терпѣніемъ можно возвращаться только къ труду, въ которомъ видишь свое призваніе, которому сочувствуешь всѣми силами своего духа. Между тѣмъ нельзя не согласиться, что воспроизведеніе жизни, чуждой нашему обществу и по времени и по странѣ, къ которымъ она принадлежитъ, гораздо менѣе благодарно въ смыслѣ виѣшняго успѣха, нежели изображенія, заимствованныя изъ современаго или, покрайней мѣрѣ, родственнаго намъ міра.

Дѣйствительно, если чтеніе поэмы Майкова даже отъ посвященного въ подробности ея содержанія, требуетъ напряженного вниманія, то понятно, что для большинства читателей она представляеть своего рода трудности въ пониманіи и оцѣнкѣ ея.

Относительно своего плана самъ авторъ говоритъ: *Поэма должна состоять изъ четырехъ частей (или актовъ). Первая часть изъ двухъ сценъ, изъ коихъ одна должна была служить предверіемъ къ христіанскому міру, а другая къ языческому. Вторая часть должна ввести насть въ самый христіанскій міръ, имѣвшій свой центръ въ Римѣ, въ катакомбахъ. Третья*

часть — пиръ Деция, явленіе къ нему друзей его, христіанъ Марцелла и Лиды, и смерть его. Такимъ образомъ, въ трагедіи, какъ она появляется нынѣ, вся вторая часть новая.

Въ этомъ наброскѣ содержанія настъ поражаетъ одна странность, которая хотя чисто виѣшняго свойства, но тѣмъ не менѣе не можетъ быть оставлена безъ вниманія. Поэтъ называетъ свое произведеніе то *поэмою*, то *трагедію*, въ заглавіи же окончательнаго текста ставить второе название. Между тѣмъ для всякаго, понимающаго сущность значенія трагедіи, ясно, что разсматриваемый трудъ имѣеть только драматическую форму, состоя изъ ряда художественно-обработанныхъ и связанныхъ между собою картинъ или сценъ, но не представляетъ ни трагического развитія дѣйствія и характеровъ, ни необходимой для трагедіи борьбы страстей, ни, наконецъ, такой развязки, которая являлась бы естественнымъ послѣдствіемъ всего хода драмы. Въ „Двухъ Мирахъ“ Майкова смерть Деция, составляющая заключительную катастрофу, рѣзко намѣчена въ самомъ началѣ поэмы и вовсе не обусловливается теченіемъ событий или столкновеніями, развитіе которыхъ составляло бы содержаніе промежуточныхъ сценъ. Поэтъ увлекся формою своего произведенія и напрасно отнесъ его къ чуждой ему области искусства. Но, конечно, не въ этомъ сущность дѣла.

Громъ.

Язычество и христіанство.

По семи тиберинскимъ холмамъ раскинулся царственный городъ со своимъ двухъ-милліоннымъ населеніемъ, четырьмя стами храмовъ, двумя тысячами дворцовъ и десятками тысячъ меньшихъ человѣческихъ обиталищъ. Столица восьми-десяти-милліонной державы, повелитель лучшихъ культурныхъ странъ трехъ частей свѣта, императорскій Римъ сосредоточилъ въ стѣнахъ своихъ всю образованность, все богатство и силу тогдашняго историческаго міра. Двѣ трети населенія имперіи, половина жителей города, состоять изъ рабовъ, остальные только по имени считаются гражданами и, нравнѣ со всѣми, подвластны произволу одного. Государству, пресыщеному смутами, завоеваніями и славой, цезари

впервые принесли спокойствие и безопасность, осудивъ его на жизнь механической деспотії.

Войдемъ же въ одинъ изъ великолѣпныхъ чертоговъ, наполняющихъ городъ, и посмотримъ — какъ живутъ люди посреди этихъ условій и порядковъ.

Дворецъ, украшенный фресками и мозаикой, дорическими портиками и экседрами, наполненный сотнями разноцвѣтной прислуги, составляетъ только ничтожную часть обширнаго помѣщенія. Роскошныя бани, писцины, звѣринецъ, сады, даже храмы и форумъ, — окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, служа принадлежностями самой изысканной роскоши. Каждый домъ миллионера-магната имѣеть видъ какъ бы цѣлаго города, и Римъ есть собраніе городовъ.

Заснувші подъ звуки успокоительной, отдаленной симфоніи, сибаритъ просыпается при свѣжемъ шумѣ каскада и небрежно протягиваетъ руку поцѣлуямъ жадной толпы утреннихъ посѣтителей, рабовъ и кліентовъ.

Онъ выискиваетъ всѣ средства, чтобы убить длинное несное время и все-таки не находить удовольствія, которое бы тотчасъ не надоѣло. Сокровища и наслажденія всего свѣта стеклись сюда, чтобы украсить его жилище, наполнить и уладить его вѣчный досугъ. Полъ его залы усыпанъ цѣнными камнями; изваянныи изъ цѣльнаго дерева столъ стоитъ шестьдесятъ тысячъ рублей на наши деньги; его мурены плаваютъ въ мраморныхъ бассейнахъ и откармливаются свѣжимъ человѣческимъ мясомъ; для его павлиновъ и соловьевъ выстроены изящные кіоски, окутанные экзотической зеленью и освѣжаемые безчисленными фонтанами.

Ему скучно въ городѣ, — онъ ёдетъ въ свою роскошную виллу на берегу Партенопейскаго залива, гдѣ и на высокихъ горахъ и посреди волнъ бушующаго моря воздвигнуты для него увеселительныя постройки, гдѣ прудъ обставленъ настоящими прибрежными скалами, передвинутыми сюда съ неимовѣрными издержками.

Онъ хочетъ прослыть ученымъ и собираетъ коллекцію драгоцѣнныхъ рукописей, которыхъ не знаетъ часто и названій. Да ему и некогда. Онъ беспокоится о томъ, что вотъ какой-нибудь локонъ его завитыхъ и раздушенныхъ волосъ упадетъ къ нему на плечо не съ такой небрежностью и граціей, какъ того требуетъ мода, что толпы рабовъ,

окружающихъ столь его и разставленныхъ въ порядкѣ по росту, возрасту или цвѣту кожи, одѣты и причесаны не съ такимъ безукоризненнымъ однообразiemъ, какъ бы это слѣдовало; онъ волнуется, чтобы кто-нибудь изъ прислуги, при гостяхъ, не ошибся въ движениіи или перемѣнѣ мѣста, чтобы диковинная птица, предназначеннaya къ банкету, по новости случая, не была какъ-нибудь разрѣзана противъ правилъ кулинарного искусства.

Но вотъ ему наскучила роскошь и, пресыщенный удовольствіями, онъ удаляется на нѣсколько дней въ бѣдную хижину, нарочно построенную въ его домѣ, гдѣ на глиняномъ полу Ѵсть черствую пищу изъ простой посуды, забывая на время свои золотыя вазы и кубокъ изъ цѣльнаго аметиста, — и все это съ тѣмъ, чтобъ, воротившись къ роскошной жизни, найти въ ней новое, освѣженное удовольствіе.

Вся Италія покрыта парками, прудами и рощами, гдѣ барышники откармливаютъ рыбу и дичь для стола его. Отдаленные провинціи даже снабжаютъ его кладовыя отборными припасами. Кость доставляетъ ему вино, Фазось — птицу, Сицилія — хлѣбъ, Африка — раковины. Поваръ его за свое искусство увѣнчанъ золотымъ вѣнкомъ. Его ужинъ обошелся въ три миллиона сестерцій, — въ полтораста тысячъ рублей на наши деньги. Одно блюдо павлиньихъ языковъ, или соусъ изъ мозговъ попугаевъ стоили иногда по сту тысячъ по римскому счету.

На пурпuroвыхъ ложахъ возлежать собесѣдники, окруженные услужливой и подобострастной толпой офиціаловъ, угадывающихъ ихъ малѣйшія желанія; молодые рабы на серебряныхъ блюдахъ подаютъ несчетныя кушанья, убранныя со вкусомъ и изяществомъ; красивые кудрявые мальчики въ бѣлыхъ туникахъ разносятъ вино, разливаютъ по полу ароматы, обмахиваютъ гостей вѣерами. Вокругъ стола — пѣсни, танцы, музыка, фарсы и споры. И посреди всего этого веселья, гама и шума, царь банкета, амфитріонъ, возносить частые заздравные тосты, вѣнчаетъ гостей своихъ свѣжей зеленью и розами. „Поспѣшимте жить“, говоритъ онъ, „смерть близится, украсимъ же наши головы цвѣтами прежде, чѣмъ сойдемъ къ Плутону“.

Перенесемся ли мы изъ этого тѣснаго домашняго круга въ шумную уличную жизнь и общественныя удовольствія

въчнаго города, — и тамъ встрѣтимъ то же отсутствіе нравственныхъ интересовъ, ту же пустоту и материализмъ.

Амфитеатръ открыть съ самаго утра. Восемьдесятъ тысячъ зрителей тѣснятся на его мраморныхъ ступеняхъ. Среди трепетнаго ожиданія публики, выпускаютъ на арену африканскихъ тигровъ, львовъ и пантеръ и заставляютъ ихъ грызться другъ съ другомъ. Затѣмъ выходятъ противъ нихъ дикие гетулы и длинноволосые галлы — гладіаторы, нарочно для того воспитанные спекулянтами. Покончивъ съ звѣрями, они начинаютъ сражаться между собою. Сражаются на колесницахъ, и на коняхъ, и пѣши, сражаются даже съ завязанными глазами, и это въ особенности нравится публикѣ, но еще больше возбуждаетъ общій восторгъ и хохотъ галльское искусство ловить людей арканами и сѣтями.

А кругомъ стоить одинъ непрерывный, оглушительный гуль, — крики одобренія за ловкій и смѣлый ударъ, за граціозное паденіе, за твердость въ предсмертныхъ мукахъ, — крики злобы и негодованія за слабость, малодушіе или неловкость.

Иногда и зрителей вдругъ охватываетъ бранный задоръ. Они сами сходять на арену и принимаютъ участіе въ свалкѣ. Сенаторъ и всадникъ дерутся, какъ простые гладіаторы.

Но вотъ, посредствомъ подземныхъ трубъ, арена внезапно наполняется водою и представляетъ видъ озера, гдѣ плаваютъ крокодилы и гиппопотамы, является 20 кораблей, — два враждебные флота вступаютъ въ борьбу. Смерть предстаетъ глазамъ публики во всѣхъ видахъ. Люди тонуть, умираютъ отъ огня, отъ желѣза. Это — навмахіи, любимѣйшее наслажденіе римлянъ.

Наконецъ, вода сбѣжалася, и на влажной еще аренѣ снова завязывается рукопашная рѣзня.

Вотъ гладіаторъ наступилъ на горло своему поверженному противнику и, съ занесеннымъ мечомъ, равнодушно ожидаетъ отъ зрителей обычнаго сигнала гесіре ferrum, — между тѣмъ, какъ несчастный, валяясь въ пыли, усиливается принять еще живописную позу, чтобы, къ удовольствію образованной публики, умереть по всѣмъ правиламъ искусства.

Вотъ молоденькая дѣвушка порывается съ своего мѣста, хлопаетъ руками и издастъ крики восторга увидѣвшъ бойца, ловко поверженнаго сильнымъ ударомъ.

Звуки тысячи инструментовъ смѣшиваются съ громомъ рукоплесканій, со стонами жертвъ, съ воплями народа.

Шелковое, шитое золотомъ, покрывало колеблется надъ зрителями, защищая ихъ отъ полдневнаго зноя. Ароматный дождь ниспадаетъ на нихъ изъ особо устроенныхъ машинъ. Кругомъ — мраморныя статуи, роскошные барельефы и мозаика.

А тамъ подъ темными арками, гдѣ такъ много нечистыхъ и развратныхъ символовъ по стѣнамъ, виднѣются продажная прелести женщинъ, устроившихъ притонъ свой подъ арены, залитой человѣческой кровью.

Все здѣсь, — холодное безчеловѣчіе, утонченность вкуса, пресыщеніе роскоши и безстыдное наслажденіе...

Сцены эти, какъ онѣ ни характерны, составляютъ все же едва замѣтный отрывокъ общей картины. Но надо читать подробныя изображенія времени у современниковъ, или даже въ такихъ сочиненіяхъ, какъ Дезобри и графа де-Шампань, чтобы получить понятіе о той удушливой атмосферѣ разврата, раболѣпства, лицемѣрія, пустоты и пошлости, среди которой жило высшее общество тѣхъ временъ, — о той бесконечной тоскѣ, которая подтачивала каждого мыслящаго въ немъ человѣка. Совершенное отсутствіе свободной публичной дѣятельности, невозможной при цезаряхъ, разрушеніе семейныхъ связей, общій упадокъ нравовъ и вырожденіе религіознаго чувства въ суевѣріе и грубый материализмъ, — или поселяли въ немъ отвращеніе къ этой безсодержательной жизни, „taedium vitae“, оканчивавшееся нерѣдко самоубийствомъ, или же заставляли бросаться въ самую необузданную чувственность, могущую хоть на время унять томление пустоты, его мучившее.

Такъ жили лучшіе, передовые люди своего вѣка. Массы же томились въ невѣжествѣ, нищетѣ и рабствѣ. Объ нихъ, низведенныхъ на степень животныхъ, никто и не думалъ, никто не признавалъ за ними даже человѣческаго достоинства.

Рабъ не имѣлъ никакихъ правъ, ни личныхъ ни имущественныхъ и считался вещью, собственностью своего господина. Даже дѣти его принадлежали не ему, а хозяину, какъ будто это былъ приплодъ лошади или коровы. Фамильного имени у него тоже не было, и его звали просто какой-нибудь кличкой. Право жизни и смерти предоставлено

было гражданину надъ принадлежавшими ему рабами, и легко представить, къ какимъ злоупотребленіямъ подавало оно поводъ въ рукахъ гордыхъ и безчеловѣчныхъ тирановъ, вѣчно боявшихся мятежа со стороны этихъ многочисленныхъ и доведенныхъ до отчаянья страдальцевъ. Подозрительно слѣдили они за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ этой безмолвной и забитой толпы, и стоило кому-нибудь изъ нихъ сдѣлать ничтожную ошибку въ услугѣ или не замѣтить знака, поданного хозяиномъ, чтобы навлечь на себя страшныя наказанія. Несчастныхъ били желѣзными цѣпями, терзали острыми крючьями, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Въ тихую ночь по улицамъ Рима прохожій то и дѣло слышалъ стоны, удары кнута и звуки цѣпей, несшіеся изъ сырыхъ и душныхъ подваловъ, куда рабы запирались на ночь не иначе, какъ прикованные къ стѣнамъ. Рабъ не могъ даже подружиться и сойтись съ кѣмъ-нибудь изъ товарищѣй, такъ какъ въ каждомъ подобномъ сближеніи господинъ тотчасъ видѣлъ стачку и заговоры. Наконецъ, больного илиувѣчнаго раба, какъ безполезное животное, выбрасывали на острова Тибра, гдѣ онъ и умиралъ безъ малѣйшаго призрѣнія. Даже законъ не зналъ милосердія къ этимъ несчастнымъ, и хотя нѣкоторые императоры законодательными мѣрами старались смягчить ихъ участъ, но даже при лучшихъ цезаряхъ было въ обычѣ предавать казни всѣхъ рабовъ, принадлежавшихъ одному хозяину, а ихъ бывало нерѣдко по нѣсколько сотъ въ одномъ домѣ,— если хозяинъ этотъ былъ убитъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Пытка употреблялась при самыхъ маловажныхъ слѣдствіяхъ и смерть на крестѣ была самой обыкновенной ихъ казнью.

Римъ много сдѣлалъ для человѣчества, но такихъ преступлений не искупить вся его славная история.

А участъ провинцій, пріобрѣтенныхъ мечомъ и управляемыхъ насилиемъ? Сомнительно, чтобы тѣ блага однообразной цивилизаціи, которыя онѣ получили отъ покорителей, въ состояніи были вознаградить за систематической грабежъ, разореніе и рабство постигавшія побѣжденные римлянами народы. Горькую долю ихъ можно сравнить развѣ съ положеніемъ турецкихъ районъ, а проконсуловъ, стоявшихъ въ главѣ областной администраціи — съ пашами старыхъ временъ. Прибытіе такого администратора въ провинціальную

резиденцію не многимъ разнилось отъ взятія ея штурмомъ непріятельскими силами. „Наши провинціи стонутъ, писаль еще Цицеронъ, свободные народы жалуются, всѣ царства міра вошлють противъ нашей хищности и насилий. Нѣть столь отдаленного, или столь сокровенного уголка до самаго океана, куда бы не проникли наши несправедливости и тиранія. Народъ римскій не въ силахъ долѣе переносить не войнъ и возстаній народовъ, но ихъ воплей и слезъ“. И такимъ негодованіемъ разражался человѣкъ, который въ теченіе только годичнаго управлѣнія маленькой Киликіей на-жилъ миллионъ сестерцій состоянія. Что же подумать о другихъ, менѣе благодушныхъ правителяхъ? Что подумать о страшномъ финансовоомъ истощеніи провинцій, когда, кромѣ этого частнаго грабежа проконсуловъ и ихъ чиновничьей когорты, на нихъ лежало все бремя государственныхъ по-датей, сборъ которыхъ сопровождался обыкновенно насилиями публикановъ или откупщиковъ, пытками несостоятельныхъ плательщиковъ и тому подобными ужасами?

Надо представить себѣ весь этотъ міръ немногихъ избранниковъ, утопающихъ въ богатствѣ и наслажденіяхъ и все-таки томящихся безысходною скучою, и безправныхъ миллионовъ, обреченныхъ на вѣчное горе, — міръ необузданного эгоизма и ужасающихъ страданій, и тогда только мы оцѣнимъ весь смыслъ необъятнаго переворота, посвяяннаго въ немъ евангельской проповѣдью.

Когда отъ береговъ галилейскаго озера пронеслись по свѣту отрадныя слова: „возлюбите ближнихъ вашихъ, какъ самихъ себя“, то это по истинѣ была великая новость, радостное „благовѣстіе“ для людей. Цѣлая перспектива луч-шихъ отношеній, цѣлая счастливая будущность открывалась передъ ними. Противу золъ, угнетавшихъ общество, впервые найдена была цѣлая тайна, невѣдомая сила вступала въ жизнь, чтобы согрѣть ее, облагородить и осчастливить.

Сила эта — любовь.

Любить надо, чтобы угодить Богу, чтобы быть счастли-вымъ на землѣ, любить не только кровныхъ и близкихъ, но всѣхъ и каждого, даже враговъ, — и для другихъ жить столько же, сколько и для себя. Тогда только получить жизнь цѣну и интересъ, стануть нетягостными ея радости и облегчатся ея бѣды. Можетъ ли какая-нибудь философія

такъ просто, вѣрно и вмѣстѣ такъ глубоко рѣшить задачу земного существованія и указать ему руководящій законъ?

„Блаженны нищіе духомъ, кроткіе, милостивые, чистые сердцемъ и миротворцы, — блаженны плачущіе и гонимые за правду, — придите ко мнѣ всѣ тружающіеся и обремененные, — и Я успокою васъ“... Это былъ языкъ небесъ, незнакомый тогдашнему міру. Говорить такимъ образомъ, — значитъ открыть несомнѣнныи путь ко власти надъ человѣческимъ сердцемъ, но говорить такимъ образомъ посреди порядковъ Римской имперіи — значило пролить такое вращающее утѣшеніе на безнадежныя страданія миллионовъ, что, услышавъ однажды этотъ голосъ, люди пойдутъ за нимъ на муки, гоненія и смерть.

Воспитанные и преображенныи Евангеліемъ, мы теперь привыкли къ его человѣческому духу и каждый день повторяемъ молитву Спасителя, часто и не останавливаясь на томъ, — какая величественная идея заключается въ ея простыхъ начальныхъ словахъ — „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“. Необытный смыслъ ихъ, во всей своей глубинѣ, постигается вполнѣ всего исторически. Посреди величайшаго неравенства, какое когда-либо видѣлъ міръ, и вошлющихъ несправедливостей общественныхъ, представляемыхъ римскимъ государствомъ, въ нихъ высказывался новый идеаль человѣчества, радикально противоположный античнымъ понятіямъ и чувствамъ. Всѣ люди — братья, дѣти одного Отца небеснаго, любящаго ихъ безконечно... Языческая древность, съ сорока вѣками своего развитія, не въ силахъ была подняться до высоты такого представленія; наше время со всѣми успѣхами своего гордаго образованія не могло создать ничего совершеннѣе, — нужно думать, что и самое далекое будущее не превзойдетъ его никогда.

Итакъ, „ученіе любви“, мало-по-малу измѣнившее весь строй и смыслъ человѣческой жизни, — вотъ первая и главная образовательная заслуга христіанства въ исторіи, — и самый смѣлый рационализмъ всегда долженъ будетъ преклониться и пасть предъ ней въ прахъ.

Затѣмъ, что поражаетъ исторически изучающаго Евангеліе, — это высокая „духовность“, разлитая во всемъ этомъ твореніи.

Проповѣдуя важность однихъ духовныхъ интересовъ — истины, справедливости и добра, призывая къ смиренію, самоотверженію и нравственной чистотѣ, ученіе христіанское и въ этомъ смыслѣ явилось рѣзкимъ протестомъ противъ страшнаго разврата, материализма и чувственности, растлившихъ въ то время античный міръ.

Духовность эта высказывается въ проповѣди Спасителя въ трехъ главныхъ идеяхъ, такъ сказать, господствующихъ надъ всѣми частными случаями, по поводу которыхъ Божественный Учитель преподалъ свое слово спасенія и жизни: въ идеѣ о господствѣ духа надъ всякими формами,— въ учении о владычествѣ духовнаго начала надъ материальнымъ, и въ первенствующемъ значеніи, присвоенномъ жизни индивидуальной предъ дѣятельностью общественною и политическою.

Остановимся на каждой изъ этихъ особенностей Евангелія, такъ какъ ими преимущественно опредѣляется его противоположность всему духу языческой древности.

Чтобы оцѣнить историческое значеніе первой идеи, необходимо вспомнить, что господствующимъ характеромъ древней цивилизації, и особенно цивилизації классическихъ народовъ, была пластика, состоявшая, какъ извѣстно, въ ограниченности или правильнѣе — въ исчерпаемости, измѣримости духовнаго развитія, извѣстными твердыми формами, его обнимавшими. И хотя свойство это много способствовало необыкновенному изяществу и совершенству формъ античной жизни, но съ другой стороны, оно же было одною изъ главнѣйшихъ причинъ медленнаго движенія древняго образованія и окончилось совершеннымъ его застоемъ, когда, такъ сказать, изжился этотъ опредѣленный фондъ духовнаго содержанія, оставилъ по себѣ одинъ блестящія, но пустыя формы. На исходѣ временъ до-христіанскихъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности человѣческой въ особенности поразительно стало это общее оскудѣніе духа, — и жизнь, мало-по-малу, превратилась въ обрядъ, значеніе, душа котораго давно уже отлетѣла.

Чтобы возродить человѣка къ новой, неистощимой моральной жизни, надо было прежде всего внушить ему смѣлость, увѣренность въ собственномъ могуществѣ, въ неодолимыхъ силахъ его духа. И вотъ раздается голосъ Спасителя: „и если вѣру имѣете и не сомнѣваетесь, скажите горѣ этой,— пусть сдвинется и ввергнется въ море,— и будетъ“.— Ни-

когда духъ человѣка не достигалъ еще такой изумительной высоты, какъ въ этихъ словахъ, никогда законная вѣра въ его господство надъ міромъ не выражалась тверже и абсолютнѣе. Все на землѣ, сама природа должна отнынѣ покорствовать его царственной волѣ и мысли.

Далѣе, мы видимъ, какъ изъ той же идеи истекаетъ постоянное стремленіе Евангелія освободить человѣка отъ всѣхъ формъ, символовъ и обрядовъ, нѣкогда стѣснявшихъ его развитіе, задерживавшихъ свободный полетъ его генія. Религія Спасителя есть самая ясная, самая доступная изъ всѣхъ религій. Полная искренности, простоты и правды, она сводитъ все богочестіе и всю мораль на голосъ сердца и совѣсти человѣка. Отсюда — это безпощадное по-срамленіе фарисейской мудрости и фарисейского благочестія, основанныхъ единственно на внѣшнихъ формальностяхъ закона, какое мы встрѣчаемъ въ ней на каждомъ шагу. Съ этого времени уже не обрядъ, не буква будутъ имѣть существенное значеніе, но духъ, мысль человѣка, въ какой бы формѣ она не явилась,— „ибо Сынъ человѣческій сдѣлался господиномъ субботы“. Съ этого времени открытъ будетъ тутъ къ безко-ничной усовершенности человѣчества, которое, не стѣсняясь болѣе никакими постоянными формами жизни, будетъ господствовать надъ ними, творить и разрушать ихъ по требованію законовъ и правъ своего развитія.

Ученіе евангельское о преобладаніи духа надъ чувственностью вызываетъ также на всеобъемлющія историческая соображенія. Надо прослѣдить хоть бѣгло характеръ языческой древности во всѣхъ сферахъ жизни — индивидуальной, общественной, политической,— чтобы понять, какія перемѣны произведены въ нихъ проповѣдью Спасителя.

Что касается внутренней или душевной жизни древняго человѣка, то она уже потому носила въ себѣ сѣмена неизбѣжнаго материализма, что чувственность коренилась въ самомъ средоточіи и источникѣ этой жизни — въ религіозныхъ представленияхъ. Вспомнимъ, что, если не брать въ расчетъ философскихъ и теософическихъ системъ древности, постоянно бывшихъ удѣломъ немногихъ высоко-развитыхъ избраниковъ, — обыкновенные народныя религіи древняго міра были религіями „натуральными“. На низшихъ ступеняхъ своего развитія, онѣ ограничивались простымъ поклоненіемъ пред-

метамъ вещественной природы — такъ называемымъ фетишамъ, а на высшихъ — обоготвореніемъ силъ ея въ различныхъ образахъ и символахъ. Но и тамъ и здѣсь — вездѣ мы видимъ природу, которая своею властью, своимъ могуществомъ, тяготѣеть надъ свободнымъ сознаніемъ человѣка. Самымъ происхожденіемъ большая часть вѣрованій древнихъ обязана мѣстнымъ условіямъ тѣхъ странъ, гдѣ они жили. Такъ, египтянинъ обоготворилъ въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ мѣстныя особенности своего края. Плодородную почву нильской долины обожествилъ онъ подъ именемъ благодѣтельной Изиды; Ниль, приносящій ей плодородіе, и солнце, съ периодическимъ теченіемъ котораго связаны его разлитія, — въ образѣ верховнаго Озириса, источника всякаго добра; а грозную сосѣднюю пустыню, наносившую смерть и разрушение, — въ лицѣ враждебнаго духа, — Тифона. И каково бы ни было дальнѣйшее отвлеченнное развитіе, приданое впослѣдствіи этимъ культамъ жрецами, но нѣтъ сомнѣнія, что первоначально они имѣли лишь этотъ простой материальный смыслъ, а въ массахъ народа остались такими и до позднѣйшаго времени. Такъ точно поклоненіе двумъ верховнымъ божествамъ древне-иранскихъ народовъ Агурамаздѣ и Ангро-Майніи, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, Ормузу и Ариману, развилось, какъ справедливо думаютъ, подъ значительнымъ вліяніемъ противоположности между гористымъ, свѣтлымъ, земледѣльческимъ Ираномъ и сосѣднимъ дикимъ, степнымъ Тураномъ, населеннымъ хищными кочевыми ордами. Самая вражда двухъ странъ этихъ отразилась, быть можетъ, и въ религіозныхъ представленіяхъ народовъ, ихъ населявшихъ, — въ идеѣ вѣчной борьбы между началомъ добра и началомъ зла, царствомъ свѣта и царствомъ тьмы. Первоначальная религіозная понятія греко-италійскихъ народовъ имѣютъ тоже подобный же чувственный характеръ. Деметра, Гермесъ, Персефона, Гадесь, — весь кругъ древнѣйшихъ пелазгическихъ культовъ Эллады, по мнѣнію К. О. Мюллера и Преллера, представляяль а именно рядъ хтоническихъ божествъ, или поклоненіе силамъ вещественной природы. Даже впослѣдствіи, когда со временемъ Гомера, религія грековъ стала принимать болѣе опредѣленный антропоморфический характеръ, главнымъ предметомъ обожествленія послужили все-таки свойства, силы и доблести

самаго человѣка, т.-е. опять природа физическая и нравственная доставила содержаніе для религіи.

Оттого всѣ божества языческаго міра имѣютъ слишкомъ частный интересъ. Они неразрывно связаны со своимъ мѣстомъ и племенемъ, или даже — съ отдельными сословіями и фамиліями, вѣтъ которыхъ не имѣютъ никакого смысла. Оставляя ли народъ свою родную сторону, сами ли религіозныя представленія переходили на другую мѣстность, — тотчасъ же они теряли всякое живое значеніе. Разительный примѣръ представляется Римъ во времена имперіи, куда въ это время стеклись всѣ религіи тогдашняго міра, — такъ что, по остроумному выраженію Петронія, въ городѣ оказалось болѣе боговъ, чѣмъ людей. Но безчисленные культы эти, перешедшіе сюда изъ всѣхъ областей и ото всѣхъ предѣловъ государства, на новой, чуждой имъ мѣстности, естественно должны были утратить всю свою прежнюю силу. Поклоненіе Изидѣ на берегахъ Нила имѣло, конечно, своего рода смыслъ, но перенесенное въ Италію, гдѣ не было ни почвы нильской долины ни періодическихъ разлитій рѣки, — оно оказалось безсодержательнымъ и превратилось въ одинъ пустой и голый обрядъ.

Отсюда — общая недолговѣчность древнихъ религій и изумительно быстрое ихъ паденіе — предъ возрастающими успѣхами христіанства, какъ религіи всеобщей, всечеловѣческой и чисто духовной, не привязанной ни къ націямъ, ни къ мѣстностямъ, ни ко времени. Великое движение народовъ IV и V столѣтій, эпоха обширныхъ племенныхъ переселеній, была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою окончательного торжества Евангелія надъ язычествомъ. Покидала свои родныя поля и горы, народы покидали и связанныя съ ними религіозныя понятія и приносили въ чуждія, незнакомыя имъ мѣста свои свободныя сердца, въ которыхъ слово Божіе легко находило воспріимчивую почву. Западному духовенству не стоило большого труда обратить въ христіанство готовъ, франковъ, бургундовъ и другихъ германцевъ, покинувшихъ свою древнюю сѣверную отчизну, но Карлу Великому пришлось просвѣщать саксовъ 30-лѣтнею истребительною войною, именно потому, быть можетъ, что сѣверо-германскіе саксы, оставаясь такъ долго въ прѣльбскихъ земляхъ, гдѣ каждый холмъ, каждый источникъ имѣлъ для нихъ какое нибудь священное значе-

ніе — вмѣстѣ съ тѣмъ упорно держались и своихъ старыхъ религіозныхъ представлений.

Евангеліе, повторяемъ, не носить на себѣ ни мѣстнаго ни племеннаго характера. Не изъ чувственныхъ и матеріальныхъ впечатлѣній беретъ оно свое начало, но изъ духовнаго озаренія свыше. Провозгласивъ, что „Богъ есть духъ, и что поклоняться ему должно духомъ и истиной“, оно произвело уже этимъ однимъ громадный переворотъ въ религіозномъ сознаніи человѣчества. Такая простая и естественная для насть идея въ тѣ далекія времена, для несчетныхъ миллионовъ, была цѣлымъ великимъ открытиемъ. Она невозвратно лишала природу ея древняго всемогущества, ея божественности, и низводила на степень служебной и покорной матеріи. А тѣмъ самymъ и духу человѣческому, такъ долго подавленному ея властью, открывался свободный путь ко всестороннему развитію и успѣху.

Подобная же перемѣна совершена Евангеліемъ и въ общественной жизни древняго міра.

Извѣстно, что источникомъ и главнымъ жизненнымъ принципомъ государственного быта древнихъ было начало фамильное, родовое, кровное, или говоря другими словами, начало материальное, чувственное. Та же физическая природа, которая властновала надъ душевною жизнью древняго человѣка, условливалась также и характеръ его соціальныхъ отношеній.

Стоитъ напомнить себѣ, хоть въ главныхъ чертахъ, общественную организацію различныхъ государствъ дохристіанскаго міра, чтобы фактически убѣдиться въ этомъ.

Начиная съ самого отдаленнаго и самого древняго востока, т.-е. съ Китая, мы видимъ, какъ фамильное начало, во всей своей простотѣ первобытной, проникло всю общественную жизнь этой страны. Богданханъ, по теоріи шу-кинга, есть общий отецъ своихъ подданныхъ и имѣть надъ ними безграничную отцовскую власть. Мандарины — его старшія дѣти, подвѣдомыя имъ лица — младшія, и такъ далѣе по нисходящимъ классамъ; эта соціальная іерархія обхватываетъ собою все государство, — такъ что двѣсти пятьдесятъ миллионовъ населенія составляютъ, по крайней мѣрѣ, въ идѣѣ, какъ бы одно семейство, силою естественного нарошенія развившееся до колоссальныхъ размѣровъ.

Въ государствахъ теократическихъ, гдѣ общественное

устройство основано было на различії кастъ, какъ въ Индії и Египтѣ, родовое начало сохранило подобную же силу, ибо и самое раздѣленіе на касты основано было, главнымъ образомъ, на ихъ племенномъ различіи. По крайней мѣрѣ это положительно можно сказать объ Индії, гдѣ три высшія касты — браминовъ, кшатріевъ и вайсіевъ, ни цвѣтомъ кожи, ни языкомъ, ни даже умственными способностями не похожи на четвертую касту туземцевъ — судрасовъ, покоренныхъ арійскими завоевателями, пришедшими съ сѣвера.

Общественное устройство еврейской нації, раздѣленной на 12 колѣнъ, управлявшихся въ древнѣйшее время родоначальниками и старѣйшинами, было тоже чисто патріархальное. Такимъ осталось оно отчасти даже и при царяхъ.

Въ деспотіяхъ древняго востока — Вавилонії, Ассирії, Мидії, Персії вліяніе кровнаго начала уже менѣе ощущительно, ибо тутъ всѣ, не взирая на происхожденіе, были рабами одного. То было первое равенство между людьми, печальное равенство общаго рабства. Впрочемъ и здѣсь преимущества крови и расы встрѣчаются еще на каждомъ шагу. Раздѣленіе персидской нації на десять колѣнъ, первенство паскаргадовъ передъ другими соплеменниками, господствующее положеніе персовъ посреди покоренныхъ народовъ и множество подобныхъ явлений — слишкомъ ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Даже торговыя республики семитической расы въ Финикії и Карѳагенѣ были, въ сущности, ни чѣмъ инымъ, какъ тягостнымъ господствомъ исключительной, кастической племенной аристократіи надъ безправнымъ земскимъ населеніемъ и зависимыми инородными племенами.

Еще болѣе ослабѣла сила родовыхъ отношеній въ государствахъ классической древности. Вся исторія Греції и Рима представляеть борьбу восточного родового начала съ началомъ собственно государственнымъ, основаніемъ котораго служить не происхожденіе и старѣйшинство, а нравственное достоинство человѣка. Первоначальная общественная организація обѣихъ странъ почти одинакова и, по своему характеру, примыкаетъ еще къ патріархальнымъ формамъ востока. Цари героическихъ временъ Эллады и цари римскіе, по характеру своей власти, еще подходятъ къ восточнымъ патріархамъ. Какъ въ греческомъ мірѣ Спарта, такъ въ римскомъ — этрусы

ское племя и потомъ патриціанское сословіе, организованыя по кровному началу, представляютъ собою родовые интересы. Какъ въ Спартѣ строгое раздѣленіе на спартіатовъ, лакедемонянъ и илотовъ напоминаетъ касты варварскаго востока, такъ этруссіе лукумоны и главы патриціанскихъ родовъ, съ ихъ патріархальной властью, имѣютъ тоже какой-то восточный оттѣнокъ. Тамъ государственное начало, основанное на нравственныхъ правахъ личности, нашло довольно сильное выраженіе въ аѳинской демократіи, здѣсь — въ общинѣ плебейской. И тамъ и здѣсь между принципомъ родовымъ и государственнымъ завязывается ожесточенная борьба; но только исходъ ея не одинаковъ. Въ греческомъ мірѣ борьба эта, подготовленная вѣками и наконецъ разрѣшившаяся 20-лѣтнею братоубійственною войною, заключается побѣдой родового начала, олицетвореннаго въ дорической Спартѣ. Въ Римѣ, напротивъ, вѣковой споръ плебеевъ съ патриціями, имѣющій отчасти подобное же значеніе, оканчивается учрежденіемъ имперіи, какъ демократической диктатуры, т.-е. торжествомъ государственной идеи, на этотъ разъ пересилившей узкія родовыя отношенія.

Такимъ образомъ въ цѣломъ строѣ общественной жизни древнихъ преобладающимъ принципомъ является та-же чувственность, — въ формѣ кровныхъ или родовыхъ отношеній, — и хотя естественные связи эти, въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Греціи и Римѣ, и были постепенно вытѣсняемы новымъ государственнымъ или моральнымъ элементомъ то съ большимъ, то съ меньшимъ успѣхомъ, но окончательно споръ этотъ не могъ быть рѣшенъ языческою древностью, гдѣ материализмъ коренился даже въ религіозныхъ понятіяхъ, — такъ сказать, — въ источникѣ всякаго исторического развитія и, слѣдовательно, по неизбѣжному закону, долженъ былъ отразиться также и на соціальныхъ порядкахъ. Мы видѣли, что, не говоря уже объ азіатскомъ востокѣ, даже стремленія классическихъ народовъ, — перейти отъ быта родового къ быту гражданскому, имѣютъ характеръ только болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ. Достигнуть же полной побѣды въ этомъ смыслѣ было не въ силахъ древняго государства, основаніемъ котораго служило рабство, самое вопіющее изъ родовыхъ учрежденій. Что такое, въ сущности, была знаменитая перикловская демократія въ Аѳинахъ, этотъ цвѣть

античнаго государственаго устройства,— какъ не жестокой эксплоатаціей почти полумилліоннаго населенія рабовъ и иностранцевъ какими-нибудь двадцатью тысячами привилегированныхъ гражданъ. Но не только въ жизни, въ самыхъ идеалахъ общественныхъ, въ мечтахъ и утопіяхъ своихъ величайшихъ мыслителей, древность не могла возвыситься надъ узкимъ горизонтомъ своихъ родовыхъ понятій. Стоитъ вспомнить „республику“ Платона, где „божественный“ мудрецъ античнаго міра не находитъ ничего совереннѣе для своего идеального государства, какъ формы аристократической-родовой Спарты, примиренные съ уваженiemъ къ наукѣ.

Христіанству только, учению евангельскому, обязано человѣчество окончательнымъ и невозвратнымъ осужденiemъ узкихъ кровныхъ понятій и предразсудковъ.

Дѣйствительно, Спаситель и словомъ, и дѣломъ, и учениемъ, и жизнью своею постоянно развивалъ мысль, что величайшую цѣну для человѣка должны имѣть интересы и связи духовные, въ жертву которымъ мы обязаны приносить всѣ драгоцѣннѣйшія влечения, внушаемыя намъ плотию. „Тотъ не достоинъ меня, говоритъ онъ, кто любить болѣе Меня или отца своего, или мать или дщерь, или сына. Тотъ не пойдетъ мнѣ во слѣдъ и не будетъ ученикомъ Моимъ, кто ради Меня не возненавидитъ отца своего и мать, жену и дѣтей, кто не назоветъ своими врагами домашнихъ, кровныхъ и близкихъ сердцу людей“. Не ясно ли здѣсь высказана мысль, что для цѣлей духовныхъ, для истины и добра, для высшихъ разумныхъ стремленій, человѣкъ долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ кровныхъ привязанностей и влечений, долженъ пожертвовать и собственною жизнью, подобному, какъ жертвовалъ ею Спаситель для блага и счастія человѣчества. „И кто ради Меня, говоритъ онъ, погубить душу свою, тотъ спасеть ее“. Но особенно поразительна въ этомъ отношеніи слѣдующая сцена, описанная у евангелиста Марка. Спаситель въ домѣ поучаетъ народъ, и толпы слушателей тѣснятся вокругъ него. Въ это время одинъ изъ ближе сидѣвшихъ къ нему говоритъ: „Господи, вотъ мать Твоя, братья и сестры Тебя ищутъ“. Тогда Христосъ, указывая на слушавшихъ слова его, отвѣчаетъ: „вотъ мать Моя и братья Мои; тѣ, кто творить волю Отца Моего небеснаго, тотъ братъ мнѣ и сестра, и мать“.

Въ словахъ этихъ лежитъ вся будущность новаго человѣчества и сѣмь радикального переворота, который преобразуетъ, въ теченіе вѣковъ, весь складъ его общественныхъ отношеній.

Съ этого времени кровный инстинктъ, свойственный даже и животнымъ, уже не будетъ исключительно руководить людскими связями, но выше и прежде всего оцѣнится нравственное достоинство личности, какъ начало и основаніе новаго общественнаго порядка. Съ этого времени на призывъ долга, на голосъ истины и добра, „раздѣлится и возстанетъ сынъ на родного отца, и дщерь на мать свою, и невѣстка на свекровь свою“. Съ этого времени миръ исчезнетъ даже и подъ домашней кровлей и у домашняго очага водворится раздоръ и раздѣленіе. Но среди этого раздора, вѣчной борьбы и смятѣнія сидеть на землю Божіе царство,— царство правды, любви, свободы и высшей духовной гармоніи.

Моральныя стяжанія и побѣды не достаются человѣку легкою и дешевою цѣною. Такъ и здѣсь потребуются отъ него жертвы тяжелыя и даже противоестественные, но тѣмъ болѣе неизбѣжныя, что только подъ условiemъ этихъ жертвъ возможно и совершенствованіе личное и успѣхъ во всякомъ поприщѣ жизни. Родовыя связи по самой природѣ своей, представляютъ слишкомъ тѣсный, ограниченный кругъ для разумной дѣятельности человѣка и для его нравственной свободы. Патріархальныи востокъ окоченѣлъ въ своей умственной неподвижности, тогда какъ въ классическомъ мірѣ, гдѣ впервые успѣшио развились начала государственной жизни, мы встрѣчаемъ и первые въ исторіи движение и прогрессъ. Но только христіанской Европѣ досталось на долю такое широкое развитіе гражданственности, о какомъ древность не имѣла и слабаго понятія.

Послѣ этого естественно, что чувственныя или кровные инстинкты не могли уже беззаконно властвовать и въ международныхъ сношеніяхъ, уступивъ постепенному вліянію духовныхъ принциповъ Евангелія.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ сильно эта сторона древней жизни условливалаась такими кровными побужденіями. Даже въ глазахъ высокообразныхъ грековъ, иноплеменникъ считался естественнымъ врагомъ, не заслуживающимъ ничего, кроме презрѣнія и ненависти. Ихъ отличнѣйшіе философы,

напримѣръ, Аристотель, не сомнѣвались, что варвары, т.-е. иностранцы, по самому рожденію, предназначены въ рабство. Съ подобнымъ же убѣжденіемъ налагалъ и римлянинъ на покоренные народы самое тяжелое иго, часто и не подозрѣвая въ этомъ чего-нибудь противнаго справедливости или долгу.

Христіанствомъ, напротивъ, впервые проповѣдана была взаимная братская любовь между народами. Въ каждомъ человѣкѣ христіанинъ долженъ уважать его нравственное достойнство, какого бы племени и происхожденія онъ ни былъ, и еврей, дотолѣ чуждавшійся, ненавидѣвшій чужестранца, сдѣлался братомъ самарина. „Отнынѣ не будетъ ни іудея, ни эллина, ни раба, ни господина, ни мужчины, ни женщины, — ибо всѣ во Христѣ равны“. Такъ писалъ апостоль язычниковъ, открывая въ этихъ словахъ новый періодъ исторіи человѣчества.

Вмѣстѣ съ ослабленіемъ исконной племенной непріязни, стала исчезать также та особность и взаимное отчужденіе, въ силу которыхъ каждый изъ древнихъ народовъ жилъ своею отдѣльною жизнью, вращаясь въ тѣсной сфере своихъ мѣстныхъ, внутреннихъ отношеній и знакомясь съ иносплеменниками чаще всего посредствомъ войны. Правда, что уже стоическая философія не чужда была космополитическихъ стремленій, а Римъ, въ колосальномъ конгломератѣ своихъ завоеваній, отчасти осуществилъ ихъ силой своего меча и законодательства. Но только Евангеліе, внушая повсюду дѣятельную любовь и духовное братство между народами, окончательно и прочно установило идею всемирной цивилизациі съ ея неистощимою будущностью, и сдѣлало возможнымъ тотъ дружный трудъ на общую пользу, которымъ связаны теперь отдалениѣшія страны и самыя разнообразныя племена человѣчества.

Таковъ характеръ нравственнаго переворота, произведенаго христіанскимъ учениемъ во всѣхъ сферахъ жизни — международной политикѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ и, что всего важнѣе, въ самой душѣ человѣка.

Остается вникнуть еще въ послѣдній видъ этой духовной реакціи, — въ идею первенствующаго значенія жизни индивидуальной предъ дѣятельностью общественною и политическою, — идею, составляющую одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ контрастовъ Евангелія со всѣмъ строемъ античной жизни,

гдѣ человѣкъ имѣлъ значеніе только и единственно, какъ гражданинъ своего государства.

Каждый, кто внимательно читалъ Евангеліе, не могъ не быть пораженъ какимъ-то равнодушіемъ, чтобы не сказать — пренебреженіемъ, какое въ немъ обнаруживается къ общественной дѣятельности. Оно какъ-то страдательно относится къ существовавшимъ въ то время политическимъ порядкамъ Римской имперіи: не высказываетъ къ нимъ сочувствія, но не произносить и осужденія. Все вниманіе Спасителя обращено почти исключительно на улучшеніе, усовершенствованіе личной природы человѣка, его внутренняго существа. Одна только, стало быть, жизнь внутренняя или душевная служить предметомъ его заботъ. Что же касается формъ и характера общественнаго устройства, къ которому мы должны стремиться, и вообще быта государственного и политическаго, то мы не находимъ въ евангельскомъ ученіи никакихъ положительныхъ на этотъ счетъ указаній.

На первый поверхностный взглядъ, черта эта могла бы показаться недостаткомъ, или, по крайней мѣрѣ, неполнотою. Между тѣмъ какъ въ ней именно и состоитъ одно изъ величайшихъ совершенствъ и преимуществъ христіанскаго ученія предъ всѣми религіозными системами древности. Возьмемъ для сравненія книги или священные книги китайцевъ, веды индусовъ, иранскую — зендъ-авесту, или даже позднѣйшій коранъ. Въ религіозныхъ системахъ Конфуція, Зороастра и Махоммеда, нерѣдко съ замѣчательною полнотою и послѣдовательностію, изложено ученіе о формахъ государственнаго устройства, о характерѣ верховной власти, о взаимныхъ отношеніяхъ и правахъ подданныхъ, объ обязанностяхъ чиновниковъ, — однимъ словомъ для государства какъ бы данъ идеалъ, предначертанъ извѣстный планъ, который долженъ осуществиться въ исторической жизни народа. И дѣйствительно, съ теченіемъ времени, планъ этотъ, съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ, былъ выполненъ, идеаль воплощенъ. Но что же вышло? какъ скоро была исполнена эта задача, вся историческая жизнь народа остановилась. Вѣка и тысячелѣтія проходили потомъ назадъ Китаемъ и Индіей, множество переворотовъ, перемѣнъ, даже чуждыхъ завоеваній испытали эти страны, а государственный организмъ все оставался въ нихъ неподвижнымъ, застывшій,

закованный въ своихъ окаменѣлыхъ формахъ. И теперь еще стоять они за предѣлами исторического міра, не принимая участія въ его движеніяхъ и представляя собою холодный остовъ той жизни, которая нѣкогда въ нихъ играла. То же самое мы видимъ и на махоммаданскомъ востокѣ.

Въ Евангеліи нѣтъ никакого подобнаго идеала. Спаситель не внушалъ народамъ — какъ должны они устроить общественную жизнь свою, или какую избрать форму правленія, а старался только облагородить и возвысить личную духовную натуру человѣка. Божественный сердцевѣдѣцъ, онъ зналъ, что единственный источникъ общественной, политической и всякой исторической жизни есть духъ человѣка, и что чѣмъ онъ совершиеннѣе, тѣмъ совершиеннѣе будетъ и все имъ созданное. Назначить, слѣдовательно, для дѣятельности его какія-нибудь постоянныя формы, указать конечный предѣль его стремленіямъ — значило бы остановить его успѣхи, по природѣ своей предназначенные къ безконечному развитію. Одинъ только завѣтъ, одинъ недоступный идеалъ указываетъ людямъ Спаситель: „будьте такъ совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“. Тогда только, стало быть, остановится неистощимое развитіе духовной жизни человѣка, когда онъ сдѣлается подобнымъ самому божеству.

Въ этой чертѣ религіи христіанской лежитъ, такимъ образомъ, залогъ безконечной будущности нашего образованія, которое въ самомъ духѣ христіанина, въ его неизсказаемой способности совершенствоваться всегда найдемъ источникъ своего дальнѣйшаго обновленія и развитія.

Петровъ.

Слава Тебѣ, показавшему намъ светъ — основная мысль поэмы Майкова „Два міра“.

Въ ряду историческихъ моментовъ жизни человѣчества переходная эпоха отъ античнаго римскаго міра къ христіанскому представляетъ собою едва ли не самый интересный предметъ для историческихъ наблюденій, какъ событие, положившее начало нашему нравственному и общественному строю, какъ событие, тѣсно связанное съ высшими интересами нашего существованія. Если смыслъ этого переворота,

особенно по его послѣдствіямъ, и можетъ быть ясень для всякаго углубившагося въ исторію, то картина его далеко не представляется намъ ясною. Несмотря на множество историческихъ трудовъ, на воспроизведенія кисти и поэзіи, мы все еще спрашиваемъ себя: Какъ же все это совершилось? Какимъ образомъ твердое государственное устройство Рима, образованное греко-римское общество, могли уступить новому, едва зародившемуся началу и уступить притомъ въ столь короткое время? Какимъ образомъ происходило столкновеніе двухъ противоположныхъ обществъ, христіанского и языческаго? Чѣмъ давало перевѣсь представителямъ христіанства надъ представителями язычества? Неужели всѣ лучшіе представители языческой цивилизаціи, воспитанные философами, художниками и государственномъ жизнью древняго міра, перешли на сторону жизненнаго принципа вновь слагавшагося общества, и этимъ дали ему быстрый перевѣсь? Или если этого не было, если обрзованийшее люди оставались вѣрны своему міру, то неужели они были такъ слабы, что не могли противодѣйствовать напору и развитію идей, поборниками которыхъ были люди бѣднѣйшихъ и наименѣе образованныхъ слоевъ общества? На такие и подобные имъ вопросы и соображенія наука отвѣчаетъ сотнями трактатовъ, разъясненій, изысканій, соображеній. А между тѣмъ дать намъ полную картину этой достопамятной эпохи можетъ только искусство. Только искусство съ его творческимъ смысломъ проникаетъ въ закрытую для насъ даль и рисуетъ намъ зданіе, для котораго люди науки, не щадя трудовъ и лѣтъ, мало-по-малу приносятъ необходимый материалъ. Отчего такъ?

Иль художники, какъ боги,
Входять въ Зевсовы чертоги
И, читая мысль его,
Видяты въ вѣчныхъ идеалахъ

То, чѣмъ смертнымъ въ доляхъ
малыхъ
Открываетъ Божество.

Но и художникамъ не легко дается эта возможность воскрешать въ своихъ произведеніяхъ душу и физіономію прошлой жизни. Одного таланта недостаточно. Требуется внимательное изученіе того, чѣмъ разбросано въ разныхъ учено-историческихъ сочиненіяхъ, и не сразу посчастливится удовлетворительное изображеніе предмета. Въ литературахъ новыхъ европейскихъ народовъ можно насчитать нѣсколько

попытку наглядно представить эпоху падения римского общества и зарождение христианского мира. Но все онъ неудачный, и въ мыслящемъ читатель только все болѣе возбуждаютъ желаніе услышать, наконецъ, нѣчто болѣе совершенное.

Новое произведение А. Н. Майкова представляетъ намъ римское общество въ царствование Нерона, въ самое характерное время эпохи, о которой мы говоримъ. Поэтъ давно уже интересовался этимъ временемъ. „Первоначальная идея поэмы“, сказано въ примѣчаніи къ ней, относится къ самому началу поэтической дѣятельности автора. Идея эта живетъ въ немъ уже три десятилѣтія, найдя себѣ выраженіе въ нѣсколькихъ напечатанныхъ и не напечатанныхъ опытахъ“. Уже въ первомъ изданіи стихотвореній А. Майкова (1841 г.) напечатана молодая попытка подъ названіемъ *Олинөз и Эсօир*, римскія сцены временъ пятаго вѣка христианства.

Попытка эта не была удачна, и самъ авторъ исключилъ ее изъ второго изданія своихъ стихотвореній. Въ свое время Бѣлинскій, подробно разбиравшій стихотворенія Майкова и предрекавшій будущность молодому таланту, посвятилъ разбору этой попытки нѣсколько страницъ (т. VI, стр. 123—125). Интересно замѣчаніе критика, въ которомъ онъ говоритъ, что поэтъ, изображая эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима, все же „въ противоположность христианству долженъ быть избрать послѣдняго римлянина, который независимо отъ всего окружающаго, въ своемъ личномъ характерѣ, выразилъ бы сколько стойческою жизнь и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтующимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но *Олинөз* г. Майкова только епикуреецъ, и больше ничего“. Желаніе критика исполнилось. Превосходное созданіе поэта поставило теперь передъ нами лицомъ къ лицу чудную, глубоко-трагическую фигуру „послѣдняго римлянина“.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ *Олинөа и Эсօири*, была написана поэтомъ, въ 1852 году, всѣмъ извѣстная и много читавшаяся лирическая драма *Три смерти*. Здѣсь, правда, христианскій міръ не нашелъ своихъ представителей, и изображены только лица языческаго Рима, но вторая часть *Трехъ смертей* (*Смерть Луция*), явившаяся опять черезъ десять лѣтъ, въ 1863 году,

вновь представляетъ попытку выставить типы двухъ противоположныхъ міровъ и столкновеніе руководящихъ идеи ихъ. Эта вторая часть *Трехъ смертей*, сравнительно гораздо менѣе первой извѣстная публикѣ, несмотря на отдѣльныя красоты и превосходные стихи, опять не можетъ считаться удовлетворительною. Входить въ разборъ ея мы здѣсь не станемъ. Самъ авторъ остался ею недоволенъ, и опять черезъ десять лѣтъ, по слухамъ новаго изданія своихъ сочиненій, принялъся передѣлывать поэму. Эта передѣлка, три раза повторявшаяся въ истекшій годъ, дала, наконецъ, полную ясность богатству поэтическихъ идей, и имѣла результатомъ совершенно новое, самобытное созданіе, какого давно не видала европейская литература. Съ блѣднымъ очеркомъ, со второю частью *Трехъ смертей*, послужившею новому созданію, такъ сказать, виѣшнимъ поводомъ, оно имѣеть общаго лишь главную ситуацію да около сотни стиховъ. Вкратцѣ прослѣдивъ, какъ въ продолженіе тридцати лѣтъ идея эта постоянно занимала поэта, мы посмотримъ теперь, насколько она созрѣла и удачно вылилась въ послѣднемъ его произведеніи.

Самое название поэмы: *Два мира*, указываетъ на то, что мы встрѣтимся въ ней съ типами совершенно противоположными. Языческій міръ разлагался. „Не одни отдѣльные императоры, какъ Неронъ и Домиціанъ, испорченность которыхъ общеизвѣстна, а все вообще образованное общество императорскаго Рима утопало въ грязи нероновскаго разврата. По счастію, у насъ даже нѣть и понятія о такихъ размѣрахъ наглаго распутства, о вполнѣйшемъ уничтоженіи всякаго стыда и человѣческаго чувства. Ни полъ, ни возрастъ, ни имущественные различія не останавливали изъятія изъ этой проказы; нигдѣ и никогда не падала такъ женщина въ своемъ положеніи, нигдѣ и никогда не была подорвана такъ семейная женщина; величайшимъ нарушеніемъ хорошаго тона въ хорошемъ обществѣ считалось то, что мужчина женился или что женщина имѣеть дѣтей. Строгія государстремные постановленія противъ безбрачія не вели ни къ чему; напротивъ того, каждое животное пополновеніе и желаніе давало себѣ полный просторъ на улицахъ и на рынкахъ, въ чертогахъ и храмахъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняясь. У этихъ поколѣній гниль сѣѣла мозгъ въ костяхъ, задушила всякое чувство чести, физическая и духовная силы захирѣли

въ нихъ съ одинаковою скоростію. Ядовитыя язвы нравственного паденія пошли изъ Рима по провинціямъ и заразили все населеніе. Общаго связующаго не было ничего. Патріотизмъ давно погасъ. Оставалась только жажда наслажденій, изъ желанія заглушить чѣмъ-нибудь внутреннюю пустоту. Идеалы исчезли. Люди жаждали богатства для удовлетворенія своихъ прихотей: это было единственнымъ стимуломъ, заставлявшимъ ихъ жить, хотя бы жизнью интригъ и преступленій. Отдѣльные люди того времени чувствовали это, но ни въ комъ изъ нихъ нельзя было встрѣтить юношеской свѣжести, творческой фантазіи, живительной надежды". И вотъ внезапно по обширному пространству римскихъ земель прошелъ и сталъ раздаваться всѣ громче и громче слухъ, что спасеніе явилось и возвѣщено міру Самимъ Сыномъ Божімъ, сходившимъ на землю.

Прежде всего, къ новому ученію, къ новой жизни обратились люди угнетенные, которымъ отказано было въ мѣстѣ за прирѣтвеннымъ столомъ римской жизни. Это были большую частью, рабы и вообще люди, тяжко удрученные судбою.

Типомъ такого человѣка является у г. Майкова старикъ христіанинъ, рабъ Деция, богатаго римскаго патриція, монологомъ котораго открывается драма. Прикованный, какъ цѣпная собака, у входа ¹⁾ во дворецъ Деция, онъ разсказываетъ своему сотоварищу-юношу, тоже христіанину, свое видѣніе. Юноша съ благоговѣніемъ слушаетъ разсказъ. Видно, старецъ пользуется большимъ значеніемъ въ христіянской общинѣ; тихою, смиренною святостью мерцаетъ фигура его. Непоколебимая вѣра, простая, безъ мудрствованій, даетъ ему огромный нравственный вѣсь. На земную жизнь онъ смотрить, какъ на существованіе переходное, временное. Но въ дѣтскомъ смиренны предъ премудростю божественною, онъ не позволяетъ себѣ судить о дѣлахъ земныхъ и о людяхъ. Только Богу принадлежитъ это право.

Не упреждай
Господень судъ!

говорить онъ юношѣ, когда тотъ предается предположеніямъ, какъ господинъ ихъ изъ огненной геенны будетъ глядѣть во

¹⁾ Рабы-привратники бывали на цѣпи. На нихъ смотрѣли, какъ на принадлежность къ дому и нерѣдко ихъ продавали вмѣстѣ со зданіемъ, какъ въ наше время цѣпныхъ собакъ.

свѣтлый рай, къ рабамъ своимъ. Съ полнымъ смиренiemъ несетъ стариkъ тяжкое ярмо своего положенія, очевидно, пользуясь огромнымъ вліяніемъ среди рабовъ-христіанъ многочисленной дворни Деція.

А христіанство пустило между ними глубокіе корни; дво-рецкій Деція Давусъ говоритъ:

Не знаю все, что мой народъ?
Ужъ смирны очень — терпѣливы —
Нѣть воровства совсѣмъ — идетъ
Все въ струнку... Только молчаливы,
И что-то шепчутся... и къ нимъ
Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ...
Охъ, на волканѣ мы стоимъ!
Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!

Давусу, конечно, эта тишина, эта сдержанность въ рабахъ должна была казаться чѣмъ-то грозящимъ, тишиною предъ бурей. Не для него одного, для всѣхъ римлянъ-язычниковъ, христіане должны были казаться опасными бунтовщиками, врагами существующаго государственного устройства, то-есть, того, что одно еще сохраняло римскій міръ отъ окончатель-наго разложения. Несмотря на все свое миролюбіе, христіане все же были живы протестомъ существующему порядку вещей. Государство принимало на себя множество дѣйствій, прямо противорѣчившихъ учению Христову. Послѣдователи его не могли согласовать многихъ требованій закона со своею совѣстью. Хотя христіане и исполняли долгъ, возла-гавшійся на нихъ какъ на рабовъ или членовъ общества, но все же ежеминутно встрѣчались обстоятельства и тре-бованія, которымъ они не могли подчиняться. Невозможность для нихъ исполненія казней, разныхъ обрядовъ, установлен-ныхъ гражданскими порядками или языческою религіей; невозможность подчиниться, напримѣръ, обычаямъ празд-нествъ, большую частью, сопряженныхъ или съ языческими обрядами, или сопровождаемыхъ кровавыми зрѣлищами; все это должно было возбуждать римлянъ-язычниковъ, и хотя христіане явно и не противодѣйствовали, но протестъ, тѣмъ не менѣе, чувствовался. Люди и поразитѣе и поглубже Давуса не понимали, что означало смиреніе христіанъ на ряду съ ихъ непокорностью. Чѣмъ больше росло количество этихъ новыхъ людей, тѣмъ опаснѣе становился нѣмой протестъ ихъ.

Противоположность двухъ міровъ составляетъ широкое основаніе для драмы. Съ одной стороны, Давусъ съ приготовленіемъ предсмертнаго пира язычника, съ другой — старикъ-христіанинъ, къ которому только что пришла женщина повѣстить, что назавтра имъ всѣмъ, послѣдователямъ Христа, надо готовиться итти на смерть. Но приходитъ цезаря, да и по собственной доброй волѣ, рѣшается умереть благородный римскій патрицій, представитель лучшихъ людей языческаго міра. По приказанію и приходитъ того же цезаря, и также по доброй своей волѣ, идеть на смерть толпа представителей новаго міра.

Женщина, пришедшая возвѣстить о рѣшеніи, принятомъ „старцами“, узнаетъ, что Деций готовится умереть. Она поражена извѣстіемъ. Видно, что она, кромѣ желанія спасти его душу, связана съ нимъ и личнымъ интересомъ, воспоминаніемъ, нѣжнымъ чувствомъ. Уходя, она еще разъ оглядывается на дворецъ Деция и говоритъ:

Боже мой!

Ужель, въ мигъ, когда надъ бездной
Теперь стоитъ онъ,— Ты ему
Не бросишь лучъ Свой съ тверди звѣздной
Во всю имъ пройденную тьму.

Прекрасные стихи, хотя, быть можетъ, слишкомъ расчитанные на эффектъ. Подъ гнетомъ того чувства, которое охватило эту женщину-христіанку, она едва ли могла такъ выражаться. Она выразилась бы проще. Но слова такъ красивы, что мы не можемъ не помириться съ ними...

Кстати, позволяемъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Женщина-христіанка спрашиваетъ юношу:

О господинѣ
Ты что сказаль?

Юноша.

А хочетъ нынѣ
Онъ умирать...

Женщина.

Онъ боленъ?

Юноша.

Нѣть.

Сказалъ, тутъ Давусъ, умираемъ
Сегодня...

Женщина (про себя).

Боже! И его
Я не спасу!...

Страненъ немнога возгласъ женщины, когда юноша объявляетъ, что господинъ его умираетъ. Какимъ образомъ она хочетъ его спасти? Вѣдь она не знаетъ, какою смертью умираетъ Деций. Тутъ необходимъ былъ бы намекъ на причину или родъ смерти имъ избранной. Мы слышали разъ эту поэму, прочтеннюю намъ въ рукописи. Тамъ на вопросъ женщины: „онъ боленъ?“ юноша отвѣчаетъ:

„Нѣть...

Имъ вдругъ вѣдь опостылить свѣтъ —
Вдругъ вздумаетъ и умираеть
Мечомъ или ядомъ.

Женщина (про себя).

Боже! И его я не спасу!

Тутъ въ словахъ юноши поясняется родъ смерти Деция, и, конечно, это должно привести христіанку въ ужасъ, а страхъ за душу Деция внушитъ ей тутъ же мысль попытаться спасти его. Эти слова юноши еще тѣмъ хороши, что въ то же время рисуютъ и тогдашнее римское общество, въ которомъ самоубийство было явленіемъ обыкновеннымъ. Правда, въ словахъ этихъ слышится горечь, не идущая христіанину, и въ устахъ старика она была бы неумѣстная, но горячему юношѣ она идетъ. Вѣдь заставляетъ же авторъ юношу говорить объ огненной геенѣ, въ которую попадеть его господинъ, за чтѣ подвергся выговору отъ старика.

Во второй сценѣ, изъ бесѣды Деция съ Ювеналомъ мы узнаемъ, что виѣшняя причина предстоящаго самоубийства Деция есть приказаніе Нерона. Ему, говорить Деций:

На чтеныи, три лица
Своимъ присутствиемъ ужъ въ залѣ —
Помпоній, Руфъ и я — мѣшали,
И крикнулъ онъ: „три мертвѣца!“

Но это лишь виѣшняя причина, вызвавшая приближеніе катастрофы. Деций давно уже собирался лишить себя жизни. Невмоготу ему было современное общество и весь порядокъ вещей. Гордость древняго римлянина возмущалась,

при видѣ общаго растлѣнія и безсилія, и онъ рѣшился самъ прекратить тяготившую его жизнь, протестуя тѣмъ противъ всего существующаго и бросая этимъ вызовъ Нерону. Вотъ почему онъ пригласилъ все собраніе, бывшее на чтеніи, къ себѣ на предсмертный пиръ. Обидно Децію лишь то, что Неронъ своимъ повелѣніемъ предупредилъ его собственную волю.

Жаль одно:

Задумалъ я уже давно,
Отлагалъ все исполненье. Да
И кесарю доставилъ честь
Напомнить! Вотъ что мнѣ обидно!

Несмотря на желаніе одумавшагося кесаря избѣжать излишней смерти, гордый римлянинъ стоить на своемъ.

Деций представитель старыхъ римлянъ, „фамилій“.

Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами, и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держить Римъ и т. д.

Когда мало-по-малу Римское государство расширилось далеко за предѣлы Рима, когда весь почти извѣстный тогда міръ вошелъ въ него, когда мало-по-малу право римскаго гражданина перешло и къ другимъ народамъ, значеніе древнихъ римскихъ родовъ умалилось. Сначала они боролись съ требованіями пришельцевъ, потомъ, когда сила и число ихъ ослабли, они дѣйствовали заговоромъ. Наконецъ, въ послѣднее время существованія Рима, ихъ оставалось такъ мало, что протестовать могли они только самоубійствомъ. Ихъ вѣкъ прошелъ. Для нихъ не было мѣста въ новомъ государственномъ строѣ. А между тѣмъ въ этой гордости древняго гражданина заключалась вся нравственная сила языческаго общества, и гдѣ она слабѣла, тамъ расшатывались всѣ его основы.

Сознаніе величія Рима еще такъ сильно въ душѣ Деция, что не позволяетъ ему сомнѣваться въ силахъ и вѣчности Рима.

Юный другъ и собесѣдникъ его, Ювеналъ, уже не имѣеть той нравственной силы. О, Деций, восклицаетъ онъ, —

Нѣть! съ собой самимъ,
Съ тобой, къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я — почти не вѣрю въ Римъ!

На что Деций отвѣтаетъ ему:

Кто вѣрить въ разумъ, тотъ не вѣрить
Не можетъ въ Римъ!

Римъ все собой объединилъ.
Какъ въ человѣкѣ разумъ, міру
Законы даль и все скрѣпилъ.
Находятъ временные тучи —
Но разумъ бодрствуетъ, могучій,
Не никнетъ духъ...

„Сатира“, продолжаетъ Деций, „дочь разума“. Бичуя ею, онъ убѣжденъ, удастся разсѣять тучи. И потому онъ призываетъ Ювенала воспользоваться своимъ сатирическимъ дарованіемъ. Но для успѣха онъ требуетъ отъ сатирика нравственной высоты:

Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бѣть далеко,
Когда здорова тетива.

Этого убѣженія не раздѣляетъ Ювеналь: „Ужасное сознанье“, говоритъ онъ въ раздумья,

Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодованье,
Подъ нимъ же... боги!... пустота.

Вѣры нѣть у Ювенала, потому какъ нравственное лицо онъ далеко уступаетъ Децию. И Деций негодуетъ, но онъ полонъ убѣженія, что выходъ изъ бѣды есть, хотя путей онъ и не знаетъ.

Еще ярче выдѣляется Деций среди общества людей, посѣтившихъ его предсмертный пиръ. Мастерскою кистью нарисовалъ поэтъ различные типы временъ паденія имперіи. И молодежь и старики одинаково носятъ на себѣ печать отживающаго, до мозга костей испорченного общества, такъ что грубый полуульяній Циникъ, затесавшійся на пиръ, производить освѣжающее впечатлѣніе, открыто выставляя свое безобразіе и оставаясь вѣренъ самому себѣ, тогда какъ другіе прикрываются личинами, тотчасъ же спадающими, какъ только что-нибудь коснется ихъ выгоды или слишкомъ затронеть страсти ихъ. Поэтому, безпощадная иронія, съ какою относится къ нимъ Циникъ, отчасти подкупаетъ насъ въ его

пользу. Когда, напримѣръ, все общество встрепенулось по поводу предстоящаго боя гладиаторовъ, онъ, передразнивая, кричить имъ:

А! Крови, крови!
Сказался звѣрь. А не хотять
По Діогену жить!

Онъ издѣвается надъ млѣющими отъ удовольствія слушателями евнуха Миртила, любимца Нерона, рассказывающаго о проектѣ новаго дворца:

Сегодня Кесарю представленъ
Проектъ дворца. Позолоченъ
Весь корпусъ — на горѣ поставленъ,
И цѣлый лѣсъ кругомъ колониъ,
Все бѣлый мраморъ — заглядѣнье!
Внутри жъ, что шагъ, то изумленье!
Хотя бы — пиршественный залъ:
Онъ сверху будетъ окропляться
Духами. Стѣны — изъ зеркалъ;
Плафонъ же будетъ раздвигаться,
И вдругъ, средь пира, съ высоты
На васъ посыплются цвѣты!

Разные голоса.

Какъ это мило: вдругъ цвѣты!

Циникъ.

А если вдругъ весь залъ съ гостями
Насыпать доверху цвѣтами?
Ароматический конецъ!
Шепни-ка кесарю, пѣвецъ!

Трудно рѣшить, кто болѣе грязенъ, этотъ ли Циникъ, или эти изящные патрицы, молодые и старые, изъ которыхъ одинъ, молодой Клавдій, замѣчаетъ, что шелъ сюда на обонянье, что

Одни ужъ запахи кричать
Тебѣ за милю: „Здѣсь прохожий“.

Другой, Лелій, прибавляетъ:

Жаль, какъ ни лѣзъ себѣ изъ кожи,
Все сѣешь за одного!

На это Клавдій отвѣчаетъ:

Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда! и т. д.

Характеренъ и разсказъ про консула Публія о томъ, какъ знатная гетера римская принимала его и еще двухъ старичковъ, сидя въ ваннѣ. На вопросъ сенатора Аспиція: „А дорого за посмотрѣнье?“ Онъ простодушно отвѣчалъ:

Да что ужъ! думаю просить
Провинцію на поправленье!
Она жъ поможетъ!...

Впрочемъ, на пиру, и кромѣ Деция, были люди изъ старыхъ фамилій, которые, повидимому, не позабыли своего значенія. Такъ, престарѣлый Фабій говорить своему сосѣду:

Пойми: я Фабій, и въ сенатѣ
Миѣ мѣста нѣть!... Кто жъ тамъ сидитѣ?
Иберецъ, грекъ, сиріецъ, брить!
И что же стала сенатъ? Въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены;
Въ особыхъ засѣданьяхъ судять,
Что значать кесаревы сны!
Ну что въ нихъ слово „Римъ“ пробудить!
Имъ лишь погрѣться бѣ отъ казны.

Но Фабій говоритъ это, главнымъ образомъ, потому, что лично онъ чувствуетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что ему въ сенатѣ мѣста нѣть. Въ сущности, онъ самъ бы не прочь погрѣться отъ казны, и когда въ концѣ пира Деций съ пренебреженіемъ отдаетъ присутствующимъ домъ свой на разграбленіе, Фабій не отстаетъ отъ другихъ и также забираетъ цѣнныя вещи, замѣчая лишь, что все равно, „рабы расташутъ же!“

Тѣмъ не менѣе, въ словахъ его есть правда. То чувство, которое имѣли къ Риму древніе природные римляне, стекшіеся въ него чужеземцы, не могли питать. Они являлись сюда лишь изъ жажды почестей и денегъ. На мѣсто прежняго патріотизма появился растлѣвающій индифферентизмъ, за которымъ таилась алчность, продажность, ничтожество новыхъ сановниковъ, всего образованнаго сословія. Сопоставьте съ тѣмъ, что сказалъ Фабій, слова Галлуса и Гиппарха, двухъ неримскихъ уроженцевъ, и перемѣна, происшедшая въ умахъ и чувствахъ римскихъ гражданъ, становится осознательно.

Галлусъ (адвокатъ къ адвокату Гиппарху).

Вы посмотрите, сколько насть:
Я — галль, воинъ — свевъ, ты — еессаліецъ,
Онъ изъ Египта, тотъ сиріецъ,

А что же общаго у насъ
Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,
Гдѣ и взросли бѣ мы дикарями,
Когда бѣ не Римъ... Въ одно нась слиль
Его языкъ, законъ, свобода!
Миръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода;
На общій мы сошлися пиръ,
И хоть мы всѣ разноплеменны,
Но, всѣ, какъ граждане вселенной,
Чтимъ за отечество весь міръ!

Гиппархъ.

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ — кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли...

Многихъ волнуетъ то, что разсказывается о новой появившемся сектѣ христіанинъ. Особенно поражаетъ, что

У рабовъ
Свой даже Богъ освободитель
Отъ всякой власти и оковъ —
Христосъ, всемирный, виши, Спаситель!

И также, что

Они работаютъ во мглѣ
Повсюду, что ключи въ землѣ;
И всевозможныя химеры
Ббиваются въ головы рабамъ...

Всѣхъ, какъ Давуса, пугаетъ, главнымъ образомъ, участіе, которое въ этомъ религіозномъ движениі принимаютъ рабы. Сенаторъ Аспидій, честнѣйшій изъ пирующихъ гостей, говорить про христіанъ, что

Ихъ
Нельзя терпѣть!... Весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти...

Поэтому общимъ одобреніемъ встрѣчено извѣстіе, что завтра, по приказанію кесаря, всѣ христіане, которые не откажутся отъ своихъ убѣждений, будутъ посланы на смерть. Только Деций называетъ ихъ „жителями небесъ, никому неопасными мечтателями“.

Появляется Лезбія, гетера, о которой рассказывалъ проконсулъ Цублій. Блистая ослыпительной красой, женщина эта

обладаетъ властолюбиою, алчною душой. Холодная, расчетливая, она поставила себѣ цѣлью достигнуть власти и начала съ того, что покорила себѣ кесаря. Съ этою вѣстью она появилась на пиру, громогласно объявляя:

Къ вамъ прямо я отъ кесаря.

Вѣсть эта производить сильное впечатлѣніе. Въ Лезбіи видятъ восходящую силу. Власть такихъ женщинъ обходится обществу не дешево. Квесторъ Теренцій обращается къ сосѣду:

...Какъ сказала тутъ,
Что къ намъ отъ кесаря — такъ сжалось,
Другъ, сердце! такъ и показалось,
Что змѣи всюду ужъ ползутъ
По Риму, бьють фонтаны ядомъ,
И подъ ея упорнымы взглядомъ
Вокругъ все падаетъ и мретъ!

Сама Лезбія пришла на пиръ съ опредѣленною цѣлью. Во-первыхъ, она хочетъ воспользоваться первыми плодами побѣды своей надъ кесаремъ, и предлагаетъ Децию спасти его, конечно, не даромъ, а взять у него за это „милліона три“. Во-вторыхъ, и это главное, она мечтаетъ сдѣлать изъ Деция своего союзника. Предполагая и въ немъ такой же, какъ въ себѣ самой, честолюбивый характеръ, она убѣждена, что, открывая ему возможность достигнуть власти, она увлечь его. Знатности, богатства, ума, для достижения разъ поставленной цѣли, у Деция болѣе, чѣмъ достаточно; съ его помощью и она поднимется на высоту и сама поможетъ ему, — поможетъ всѣми средствами, и предъ выборомъ ихъ, конечно, не остановится. „И, мой милый“, обращается она къ Децию,

Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
Его понявши, человѣкъ
Всего добьется, только бѣ силы
Достало и ума. А ты —
Такой достигнуть высоты
И славы можетъ — я вѣдь знало
Людей, и въ будущемъ читало,
Какъ пиоія! — Ты долженъ жить!...

„И въ жизни лишь тебя любить“, насыщливо отвѣчаетъ Деций. Лезбія такъ убѣждена въ своемъ превосходствѣ и въ безошибочности своихъ расчетовъ, что не понимаетъ сначала его насыщливаго тона и принимаетъ его за упрям-

ство, пока, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія Деций рѣзко показываетъ ей, что она ошибается:

Довольно! Все, что я имѣю,
Твое, — но съ тѣмъ, чтобы не мѣшать
Мнѣ умереть.

Лезбія.

Какъ понимать?

Деций (*въ полномъ разгарѣ гнева*).
Да! не мѣшать!... И передать
Нерону, что, собравши силы,
Я — издыхая, изъ могилы —
Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ,
Что съ легіонами рабовъ
Не сломить въ насы онъ духъ отцовъ.

Деций уже взялся за чашу съ ядомъ, предоставляемъ богатство свое гостямъ. Гости спѣшаются воспользоваться случаемъ и бросаются грабить его сокровища. Только мрачный и честный сенаторъ Аспицій не принимаетъ участія въ этомъ общемъ движеніи. Онъ не настолько далекъ умственно, чтобы понять время, но ему не по себѣ. Онъ недоумѣваетъ, чтѣ творится вокругъ него, и когда начинается грабежъ, онъ уходитъ. Такъ кончается у г. Майкова изображеніе языческаго общества, и Деций, пославшій ему свое проклятие, готовится выпить ядъ. Его останавливаетъ Ліда, пришедшая съ Марцелломъ образумить и спасти друга.

Въ противоположность языческому міру, блестящему разнообразіемъ красокъ и характеровъ, первые христіане сравнительно представляютъ менѣе различія между собою. Они всѣ проникнуты одною идеей, всѣ живутъ одною внутреннею жизнью. Только позже, когда число христіанъ увеличилось, когда ученіе Христово проникало во всѣ слои общества, въ жизни христіанъ проявляется больше разнообразія. Однако и съ самаго начала, при болѣе пристальномъ наблюденіи замѣчается разница подхода къ новой вѣрѣ.

Г. Майковъ представилъ намъ нѣсколько типовъ первыхъ христіанъ. Въ стариѣ-христіанинѣ, въ первой сценѣ, мы встрѣчаемся съ типомъ самыи распространеннымъ. Онъ безъ внутреннихъ битвъ, весь сразу, и сердцемъ и умомъ своимъ, принялъ ученіе, какъ рыбари — ближайшіе ученики

Христовы. Иное видимъ въ Лидѣ и Марцеллѣ. Лида, какъ видно изъ разсказовъ о ней, провела жизнь бурную и не лишенную страданій. Она,

Какъ безпріютная звѣзда,
Весь вѣкъ металась средь хаоса.
Не разъ съ Левкадскаго утеса
Хотѣла броситься...

То же, какъ и Лезбія, римская гетера, она представляеть совершеннуу ей противоположность. Холодная, эгоистическая Лезбія не имѣть ничего общаго съ искреннею, любящею, страстью душою Лиды. Въ Лидѣ никогда не было расчета и потому не было грязи. Она металась, не находя исхода. Христіанство указало ей путь. Ея перерожденіе совершилось подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на нее гибель христіанки въ циркѣ.

Я все нашла, чего искала, —
Я поняла, кто былъ Христосъ.

Иного характера спутникъ ея Марцелль. Если старикихристіанинъ представляетъ собою типъ, какими были ближайшіе ученики Христа, то Марцелль ближе подходитъ къ апостолу Павлу. Римлянинъ, „строгій патрицій“, какъ его называетъ Децій, не такъ просто и легко обратился къ христіанству. Онъ весь былъ преданъ языческому міровозрѣнію. Его обращеніе произошло не отъ внезапно охватившаго его вицѣшняго впечатлѣнія, не чувство прежде всего было потрясено въ немъ, не оно отдалось новому ученію, увлекая умъ, — нѣтъ, надъ нимъ одержалъ побѣду апостолъ Павель *бесѣдою единой ночи*.

Образованіемъ уступая, можетъ-быть, Децію и не столь изящный, какъ онъ, даже не такого блестящаго ума, Марцелль — человѣкъ строгихъ правилъ и глубокаго разума. И его, какъ Деція, томила мысль о необходимости обновить Римъ, и онъ видѣлъ ближайшее средство къ тому въ низверженіи Нерона, въ перемѣнѣ правленія. Децій и Марцелль были друзьями, потому перваго поражаетъ, что этотъ строгій римлянинъ сталъ собратомъ рабовъ.

Какъ прежде Марцелль былъ строгимъ римляниномъ, такъ теперь сталъ онъ строгимъ христіаниномъ. Въ глубинѣ души своей онъ собственно остался тѣмъ же римляниномъ, но

только умъ свой и душу свою, уваженіе къ долгу и обязанностямъ, онъ перенесъ на новое міровоззрѣніе. Разъ понявъ, что Риму нѣть обновленія, что все, что онъ строить,

Онъ строить на пескѣ морскомъ:
Придетъ волна, и зданье смоетъ,
И всѣхъ, кто жизни чаетъ въ немъ,

Марцелль отвернулся отъ него навсегда. Съ мечомъ въ рукахъ онъ стерегъ честь Рима, бывъ еще язычникомъ. Теперь онъ такъ же неумолимо стоитъ стражемъ новаго міровоззрѣнія, которое должно обновить человѣка.

Разговоръ, споръ, если можно такъ выразиться — впрочемъ, не совсѣмъ точно — между Марцелломъ и Дециемъ, кромѣ достоинствъ поэтическихъ, полонъ глубокаго смысла, который не легко схватить при поверхностномъ чтеніи поэмы. Серіозная простая рѣчь Марцелла удивительно скрашивается сияющею, восторженною рѣчью Лиды, а слова Деція поражаютъ насъ своимъ трагизмомъ. Децій, инстинктивно чувствуя, что, въ виду возрастающей силы новаго міровоззрѣнія, римская цивилизациѣ должна пасть, плачетъ надъ великими памятниками славнаго прошлага.

Марцелль! Вѣдь строя Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь Римъ отцовъ,
Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!
Римъ — словно небо, крѣпкимъ сводомъ
Облекшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ,
Или отжившимъ, иль привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ,
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?... Тѣмъ, кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ, въ цѣпяхъ, лишь къ носкѣ
Того, что миѣ бѣ и муль свозилъ!
Рабы!... Марцелль, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ — имъ не позоръ!
Они (указывая на статуи) предъ этими мужами
Не заливалися слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей, которымъ пропитанье —

Всей жизни цѣль, — придусть сюда!
И гдѣ жъ узда для дикой воли?
Чтѣ ихъ удержить? Все падеть!
И Пантеонъ и Капитолій
Травою сорной заастеть!

А прежде, въ началѣ бесѣды, еще полный вѣры въ Римъ,
Децій излагаетъ свою *profession de foi*:

О, Римъ гетерь, шута и мима,—
Онъ мерзокъ, онъ падеть!... Но нѣть,
Вѣдь въ томъ, что носить имя Рима,
Есть нѣчто высшее!... Завѣтъ
Всего, что прожито вѣками!
Въ немъ — мысль, вознесшая меня
И надъ людьми и надъ богами!
Въ немъ — Прометеева огня
Неугасающее пламя!
Въ символъ побѣды это мной
Въ предѣлахъ вѣчности самой
Навѣкъ поставленное знамя,
Мой разумъ, предъ которыемъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожить
Никто! никто меня не можетъ
Низвергнуть съ этой высоты!...

Горькою, строгою рѣчью отвѣчаетъ Марцеллъ Децію, ясно
выставляя всю суэтность его горячаго заступничества за
отжившее, всю несостоятельность защищаемыхъ имъ прин-
циповъ.

Марцеллъ (*горько; потомъ строго*).

И чтѣ же?... Все порвать съ толпою,
На высотѣ всѣмъ чуждый, ты —
Лишь самъ любуешься собою,
И съ чашей яду лишь глядишь,...
Въ красивой позѣ ль ты стоишь!...
Твой разумъ, значить, злая сила,
Когда, чтобы въ высотѣ стоять, —
Миллионы близкихъ надо было
Ему себѣ въ подножье взять —

И далѣе:

Такъ это разумъ! онъ, который
Самъ о себѣ намъ говорить:
„Я — истина“, и безъ опоры
На мечь, — блѣднѣть и дрожитъ!

Неронъ — онъ убѣжденъ что тоже
Въ немъ истина!... Великій жрецъ;
И Циникъ — также... Отчего же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

Но эта строгая и горькая рѣчъ Марцелла смѣняется удивительно сильными и восторженными словами Лиды, испугавшейся той безотрадной гордости, которой преисполнена душа Деція, какъ истаго римлянина:

Л и д а.

Какъ ночь, мрачна твоя душа —
Ты — никого не любишь!...
...Боже! Боже!

Христосъ былъ распять на крестѣ —
И за враговъ Своихъ молился!
Кругомъ народъ надъ Нимъ глумился —
Онъ все простиль ихъ слѣпотѣ...
Не зналъ ни варвара ни грека,
Кто господинъ, кто рабъ — не зналъ!
Во всѣхъ Онъ видѣлъ человѣка,
Одну всѣмъ заповѣдь Онъ далъ!
Простеръ ко всѣмъ Свои объятья,
Для всѣхъ раскрылъ Онъ небеса,
И говорить намъ: „всѣ мы братья!“
За всѣхъ на казнь Я отдался!...“
Вашъ гордый разумъ не выносить,
Что могъ Онъ съ вами всѣхъ равнять!
И Римъ, какъ зрѣлицъ, жадно просить,
Чтобъ въ насъ опять Его распять!
О, распинайте! разбивайте
Темницу духа моего —
Плоть эту жалкую — но знайте,
Что въ этомъ наше торжество!
Что Римъ пускай вопить и злится, —
Христосъ любовью побѣдить,
Все побѣдить, и воцарится,
Какъ свѣтъ немеркнущій въ сердцахъ,
И царство Божье возворится
Что на землѣ, что въ небесахъ!...

Въ словахъ этихъ все торжество христіанства. Свою теплотой и восторженностью они поразили Деція, и не тотчасъ можетъ онъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведенного на него Лидою. Появленіе рабовъ-христіанъ пробуждаетъ въ Деціи гордость, ту гордость патриція, которая была главною силой и добродѣтелью доблестныхъ древнихъ римскихъ

родовъ. Какъ послѣднему римлянину, Децию подобало сохранить эту гордость до конца, и онъ сохранилъ его до послѣдняго вздоха. Если жъ онъ поколебался, онъ не былъ бы послѣднимъ римляниномъ. Желаніе Лиды не осуществилось, не удалось обратить Деция въ христіанство.

Боже! Я
Имѣла вѣры недовольно!

восклицаетъ она. Любя Деция, видя въ немъ любящаго человѣка, готоваго жертвовать собой во имя того, во чѣо онъ вѣрилъ, она хотѣла сберечь эту силу и направить ее на дѣло новое и святое. Хотя личныя отношенія между Лидой и Дециемъ и составляютъ въ нѣкоторой степени *сложеніе поэмы*, онъ однако уходитъ далеко на задній планъ предъ главною идеей торжества христіанства. Поэтому, какъ и слѣдовало, поэма оканчивается словами, относящимися прямо къ великому историческому событию, не къ частному случаю или чувству.

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ,
поють христіане, продолжая шествіе. И съ этимъ занавѣсь опускается. Все личное исчезаетъ здѣсь: и Деций, и Марцелль, и Лида. Намъ представляются только еще христіане, какъ они идутъ на муку и смерть всѣ, во имя одной любви, одной правды.

Творять дѣла здѣсь ужъ не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли.
. то свыше лозунгъ данъ,
То Божій духъ по всей вселенной
Летить, какъ нѣкій ураганъ...
Чтѣ было свѣтомъ — въ мракъ отходить!
Всѣ солнца гаснуть! Новый день
И солнце новое восходить.

П. Висковатовъ.

Внутренній смыслъ поэмы „Два міра“ и виѣшняя форма.

Что изображаютъ „Два міра“? Тотъ огромный нравственный переломъ, то колебаніе человѣческой совѣсти, которое совершилось, когда міръ языческій уступалъ свое мѣсто міру

христіанскому. Трагическая гибель цѣлой цивилизації, неспособной вмѣстить въ себѣ новыя начала, и появленіе новой жизни, отрицающей основы старого міра, — этотъ великий контрастъ навсегда остается образцомъ человѣческаго прогресса и повторяется въ различныхъ формахъ и размѣрахъ въ каждую эпоху. Но въ наши дни, какъ уже давно и много разъ было сказано, есть нѣчто особенно напоминающее эпоху древняго переворота. Очевидная дряхлость нѣкоторыхъ формъ нынѣшней цивилизації и неутолимое броженіе умовъ приводили многихъ къ мысли, что насы ждеть впереди такое же великое потрясеніе. Оставляя въ сторонѣ эти гаданія, замѣтимъ только, что въ колебаніяхъ современной мысли, очевидно, повторяются элементы прежняго перелома. Какъ на самое отрадное изъ этихъ повтореній, укажемъ на нѣкоторое, хотя стоящее на второмъ или даже на третьемъ планѣ, но все же замѣтное оживленіе чисто-христіанскихъ началъ, то-есть тѣхъ началъ, отъ которыхъ однихъ и можно и должно ждать облегченія міровыхъ язвъ и умиротворенія нашей жизни. Нашъ поэтъ, изображая своихъ древнихъ христіанъ, отвѣчаетъ прямо на это возраждающеся религіозное чувство.

Но это изображеніе составляетъ лишь часть поэтической задачи. Художникъ захотѣлъ полной картины, со всѣми ея контрастами, со всѣми тѣнами и красками. Если взглянуться, то нельзя не изумиться множеству элементовъ, внесенныхъ въ эту картину, и той простотѣ и ясности, съ которою они размѣщены и связаны воедино.

Попробуемъ набросать главныя линіи этой картины.

Дѣйствіе происходитъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ первого столѣтія.

Децій, отчасти по требованію Нерона, отчасти по собственной охотѣ, задумалъ совершить самоубійство и хочетъ сдѣлать это какъ можно публичнѣе, почему сзыvаетъ къ себѣ на пиръ избранное общество Рима. Свою смертью онъ желаетъ дать урокъ и заявить протестъ противъ тираніи. Такимъ образомъ, передъ нами является цѣлая толпа типическихъ представителей древняго міра, и лучшій изъ нихъ, Децій, съ укоромъ и отвращеніемъ прерываетъ свою жизнь, кинувши въ лицо остальнымъ слово гнѣва и свои сокровища.

Между тѣмъ, въ тайнѣ, подъ землею, совершается другая исторія. Въ катакомбахъ христіане тоже готовятся итти на

смерть; ожидается декреть, по которому они будут преданы мучениямъ. Авторъ выводить передъ нами разнообразныя сцены катакомбъ и изображаетъ энтузіазмъ, породившій мучениковъ.

Но одна изъ христіанокъ, Ліда, узнавъ о готовящемся самоубійствѣ Дециа, волнуется еще другимъ чувствомъ. Она еще по-земному любить Дециа; она мучится этою любовью, борется съ нею и, наконецъ, успѣваетъ преобразить ее въ другую, высшую, въ желаніи спасти душу любимаго человѣка.

Ліда приглашаетъ съ собою Марцелла, и они являются къ Децию въ ту минуту, когда онъ подносить къ губамъ ядъ. Происходитъ долгая сцена, въ которой съ величайшей яркостью и контрастомъ высказываются христіанская и языческая чувства. Деций сперва не понимаетъ обращенной къ нему проповѣди, потомъ упорно и горячо отстаиваетъ себя. Появляются, наконецъ, христіане, съ пѣніемъ гимновъ идущіе изъ катакомбъ на казнь. Деций приходить въ изступленіе и ужасъ, понявъ, что видитъ предъ собою силу, грозящую тибелю всему языческому міру. Оставаясь вѣрнымъ этому міру, онъ выпиваетъ ядъ; онъ умираетъ, озлобленный и изумленный; Ліда и Марцелль присоединяются къ христіанамъ, т.-е. идутъ свершать и свое самопожертвованіе.

Такимъ образомъ два міра сопоставлены здѣсь въ самыя торжественные свои минуты; одни толпою пируютъ вокругъ человѣка, идущаго на послѣднее оставшееся ему геройство — самоубійство; другіе толпою идутъ на казнь, чтобы засвидѣтельствовать свою вѣрность Христу.

Форма произведенія вольная, не держащаяся строгаго типа; это называютъ лирическою драмою или лирическою трагедією; въ настоящемъ случаѣ можно было бы, пожалуй, употребить название эпической трагедії, если бы такое сочетаніе словъ не представляло слишкомъ рѣзкаго contradiction in adjecto. Всякая драма, трагедія занимается лицами, требуетъ героевъ; и тутъ есть два героя, Деций и Ліда; но узель, связывающій отношенія этихъ лицъ, захватываетъ столько другихъ лицъ и узловъ, въ трагедіи такъ много эпизодовъ, разсказовъ, побочныхъ менышихъ драмъ, что она обращается изъ трагедіи лицъ въ трагедію людскихъ массъ, именно — массы христіанъ и массы язычниковъ. Общимъ содержаніемъ поэмы нужно считать изображеніе внутренней жизни тѣхъ и другихъ.

Въ выпуклыхъ образахъ, въ яркихъ краскахъ и живыхъ движеніяхъ выступаютъ передъ нами всякаго рода характерные черты этихъ двухъ міровъ; изображеніе такъ многосторонне, что если бы мы вздумали дѣлать смѣту этимъ чертамъ, намъ слѣдовало бы задаваться не вопросомъ, что тутъ изображено, а наоборотъ, вопросомъ, что не изображено. Съ одной стороны — сенаторы, временщики, философы, гетеры, развратъ, рабство, эгоизмъ, жестокость и ненависть; съ другой стороны — рабы, дѣти, матери, раскаявшіеся грѣшники и грѣшницы, любовь, смиреніе, прощеніе и самоотверженіе.

И вотъ, гдѣ мы касаемся главнаго пункта разбора, вся сила въ томъ, съ какою вѣрностью и въ какой глубинѣ поэтъ понялъ духъ и противоположность язычества и христіанства.

Поэтъ не историкъ, несмотря на великое сродство ихъ задачъ. Поэтъ не даетъ отвлеченныхъ характеристикъ, не формулируетъ логически идеи, связывающихъ массу фактовъ; онъ даетъ намъ отдѣльныя лица, отдѣльныя сцены, отдѣльные моменты, т.-е. нѣчто конкретное, индивидуальное и потому съ отвлеченной точки зрѣнія всегда являющееся неполнымъ, отрывочнымъ. Въ этомъ отношеніи *Два міра* представляютъ образцовые, въ высшей степени художественные пріемы. Лица и сцены не нанизаны на нить одной какой-нибудь идеи, одного настроенія, а живьемъ выхвачены изъ дѣйствительности, во всей ея пестротѣ и рѣзкомъ разнообразіи. Если возьмемъ христіанскій міръ, то мы найдемъ тутъ образчики всѣхъ странъ и всѣхъ общественныхъ положеній. Вотъ варвары — Дакъ и Геть, сиріецъ — Іовъ, греки — Диодора, Главкъ, Мениппа и пр., римляне — Ліда, Марцелль и т. д. Въ ихъ рѣчахъ и мысляхъ мы находимъ тоже живое разнообразіе. Проповѣдь любви во всѣхъ; но кромѣ того — и вѣра въ воскресеніе, и ожиданіе скораго второго пришествія, и отвращеніе къ Риму, и проповѣдь покорности властямъ, и даже мечты Марцелла о новомъ Римѣ, — и всѣ эти различные элементы первоначального христіанства сливаются въ одинъ общий аккордъ, покрывающій собой все ихъ разнообразіе, — въ готовность къ мученической смерти. Сцены въ катакомбахъ и потомъ у Деція завершаются этой мыслью, какъ торжественнымъ финаломъ. Самыя ясныя черты

христіанства поэтъ воплотилъ въ своей Лидѣ, кающейся, преданной, неусыпной, благотворящей, всепрощающей, все-примирающей. Но какого-нибудь главного лица, то-есть преимущественного представителя христіанства, между христіанами нѣтъ; здѣсь все равны, и послѣдніе бываютъ первыми; если Марцеллъ и представляется какъ будто зачатокъ папы, Іовъ — зачатокъ отца церкви, то они все же выдаются изъ другихъ скорѣе внѣшнимъ образомъ.

Въ римскомъ мірѣ точно такъ же схвачены поэтомъ различные типы и настроения. Галлусъ и Гиппархъ — образчики римского космополитизма. Фабій и Энній — консерваторы, Хоридимъ и Циникъ — философы; больше же всего на сценѣ представителей не идей, а распутства. Эта толпа точно такъ же оканчиваетъ свои рѣчи достойнымъ ея финаломъ: по позво-ленію Деция она восторженно бросается грабить его сокро-вища. Но картина римского міра имѣеть ясный центръ. Среди разлагающагося общества возвышается человѣкъ, еще со-хранившій всю силу этой убывающей жизни. Лицо Деция, въ такомъ яркомъ освѣщеніи стоящее на первомъ планѣ, совмѣщаетъ въ себѣ черты, которыхъ на первый взглядъ могутъ показаться разнородными и даже противорѣчащими. Онъ горячий патріотъ, читатель Катона, и вмѣстѣ — привер-женецъ цезаризма; онъ поклонникъ Эллады, вольнодумецъ въ религії, и вмѣстѣ — защитникъ рабства и вѣры въ вѣч-ный Римъ; онъ епікуреецъ по образу жизни и стоикъ по дѣйствіямъ и передъ лицомъ смерти. Несмотря на то, нельзя не чувствовать жизненности, проникающей собою образъ Деция. Чувствуется, что онъ дитя своего времени, отдаю-щееся его сильнѣйшимъ теченіямъ; но ясно видна и та нить, которая связываетъ все его стремленія и по которой онъ является намъ истиннымъ представителемъ всей древности. Это гордость, безграницная человѣческая гордость, обого-твореніе человѣка. По гордости онъ увлекается тѣми раз-личными симпатіями, которымъ преданъ, и по гордости не можетъ понять христіанъ, отвергаетъ свое спасеніе. Сила, съ которой поэтъ выражаетъ эту гордость, едва ли не пре-восходитъ все другія частности поэмы. И вотъ главный пунктъ всей трагедіи. Когда явилась религія, которая требовала не обоготовленія, а обожествленія человѣка, то-есть не воз-веденія земной жизни въ идеаль и предметъ поклоненія, а

напротивъ, отрицанія этой жизни, созданія въ себѣ новаго, божественнаго человѣка, тогда противорѣчіе было неминуемо. Поэтъ очень вѣрно заставилъ умирающаго Деція говорить, что, останься онъ живъ, онъ жестоко гналъ бы христіанъ.

Не только Децій, а и человѣколюбивый Маркъ Аврелій, этотъ образцовый стоикъ, былъ неумолимымъ вдовцомъ христіанства. Христіанско смиреніе, раскаяніе, совершенное отрицаніе того политического устройства, которое для язычника было чѣмъ-то священнымъ, тѣхъ душевныхъ качествъ, въ которыхъ язычникъ полагалъ все человѣческое достоинство,— вотъ что дѣлало христіанъ непонятными и ненавистными для римлянъ. Самое геройство мучениковъ казалось ихъ гонителямъ только безсмысленнымъ упорствомъ. Такъ вѣрно, что для этой новой жизни надобно возродиться свыше, что, хотя для такого возрожденія, какъ говорить Ліда,

Мгновенья одного довольно;
Увида свѣтъ, ужъ никому
Назадъ не хочется во тьму,

но, такъ или иначе, необходимо истинное обновленіе, истинное прозрѣніе.

Приведемъ, въ видѣ примѣра, два-три образчика, какъ изображается духъ и настроеніе лицъ поэмы. Вотъ говорить поклонникъ цезаризма:

Единство въ мірѣ водворилось;
Центръ — кесарь; отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковичныя бѣзутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги.

Можно ли яснѣе, короче выразить сознаніе римского единства и его благотворности? Послѣдніе два стиха, по живописи, по образному воплощенію мысли, удивительны.

А вотъ похвальба уличного философа Циника:

Ужъ дальше моего нейдеть
Умъ человѣческій; помалу
Свой цикль свершилъ, пришелъ къ началу,
И больше некуда впередъ.

Здѣсь съ чудесной простотою и рѣзкостью выражено довольно обыкновенное притязаніе философовъ, которое очень

характерно въ устахъ Циника, одного изъ представителей дѣйствительно роковой остановки древней философія.

Но всего ярче и поразительнѣе выраженіе безбожія и гордости Деція:

Какъ! Изъ того, что той порой,
Когда стихіи межъ собой
Боролись въ бурномъ беспорядкѣ,
Земля, межъ чудищъ и звѣрей,
Межъ грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и людей,
Свираѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,—
Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?...
Да первый тотъ, кто возложитъ
На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто жъ суевѣрье ихъ презрѣлъ
И мыслию смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлѣтѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ...

Древній натурализмъ дѣлается здѣсь опорою презрѣнія къ людямъ, какъ это бываетъ и съ новѣйшимъ натурализмомъ.

Если бы мы по порядку перебрали такимъ образомъ всѣ лица и все, что типично, что значительно въ ихъ рѣчахъ, то намъ пришлось бы переписать всю поэму и снабдить большими замѣчаніями каждую ея страничку: такъ много вложено въ это произведеніе, такъ много чертъ, или воссозданныхъ изъ внимательнаго изученія эпохи, или угаданныхъ по прозрѣнію въ душу человѣка.

Отъ содержанія перейдемъ, наконецъ, къ формамъ, къ достоинствамъ техники, слога, языка. Эти предметы несравненно легче для разсмотрѣнія и опредѣленія, и мы тѣмъ охотнѣе на нихъ остановимся, что можетъ быть яснѣе въ своихъ указаніяхъ.

Общія достоинства изложенія, ясность, точность, образность составляютъ для нашего поэта давнишнія художественные привычки, отъ которыхъ онъ никогда не отступаетъ. Чтобы видѣть, въ какой высочайшей мѣрѣ онъ мастеръ своего дѣла, укажемъ на его образность. Вотъ картина:

— Да гдѣ же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,

Сама конями управляла
И оглянулась на меня!
Весельемъ, розами сіяла,
Миѣ въ дарь улыбку уроня!

А вотъ другая картина:

Теренцій.

Гляди, какъ смотритъ: голова
Назадъ закинута, рѣсницы
Что стрѣлы, молньеносный взглядъ,
А профиль?

Преторъ.

Голова Медеи!
И косы вкругъ чела лежать,
Что перевившіяся змѣи!

Эти фигуры, кажется, видишь глазами, а между тьмъ выраженія такъ просты и кратки!

Такое же полное мастерство обнаруживает авторъ въ передачѣ душевныхъ движений посредствомъ соотвѣтственнаго теченія рѣчи. Гдѣ нужно, стихъ его звучень и могутъ невыразимо:

Рабы, Марцелль! Да гдѣ мы, гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы,
Чтѣмъ позоръ, имъ не позоръ,
Они предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!

Но тамъ, въ катакомбахъ, среди этихъ сценъ, вызывающихъ слезы на глаза читателя, слышатся и рѣчи мягкия, какъ воркованье:

Ужъ ты-то очень мнъ мила!
И скажешь-то такъ все понятно,
И рѣчъ-то тихая твоя...

Ахъ, ты мой ландышъ аромат-
ный,
Фіалка нѣжная моя!

Когда Мартиль объявляет содержание указа, онъ невольно впадаетъ въ канцелярскій тонъ:

Предписано: по городамъ
И здѣсь, чтобъ завтра же яви-
лись
Всѣ къ квесторамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, *его*
Призвавши тутъ же божество,

*Какъ признается всей вселенной.
А воспротивятся — пойдутъ
Одни для травли въ циркъ,
другие
Рубашки вздѣнуть смоляныя...*

Такимъ образомъ, по ходу дѣйствія измѣняется и характеръ рѣчи. Всѣ разговоры не только представляютъ необыкновенную живость и естественность, но каждый говорящій выдерживаетъ свой тонъ и свой слогъ. Положительно, у каждого дѣйствующаго лица свой слогъ. И не вздумайте слишкомъ низко цѣнить то обиліе художественного чувства, которое сказалось въ этомъ случаѣ. Есть очень важныя произведенія, въ которыхъ такое разнообразіе далеко не соблюдено. Такъ, въ *Горѣ отъ ума*, всѣ дѣйствующія лица, за исключеніемъ развѣ Скалозуба, говорятъ почти одинъ слогомъ. Попробуемъ указать характеръ рѣчи у лицъ *Двухъ міровъ*. Старики Фабій, Публій, Энній говорятъ коротко, просто, съ нѣкоторымъ старческимъ пренебреженіемъ къ красотѣ рѣчи; но и тутъ есть оттѣнки: Энній торжественнѣе, Фабій ворчливѣе. Мартілль и Харидемъ говорятъ плавно, съ пошлой изысканностью, обнаруживающею ихъ лицемѣріе. Ліда и Децій говорятъ съ безукоризненнымъ изяществомъ и полной гибкостью выраженій, Галлусъ и Гиппархъ краснорѣчивы; Циникъ — вульгаренъ; Дакъ и Гетъ — просты; Диадима — поетъ...

Эта маленькая фигура слѣпой Диадимы — прелестна. Это зачатокъ тѣхъ слѣпцовъ-нищихъ, которые поютъ, сидя возлѣ церквей. Очевидно, Диадима не просто говоритъ, а, погруженная въ вѣчную темноту, слагаетъ свою рѣчь въ стихи и потомъ однообразно повторяетъ ихъ нараспѣвъ...

Наконецъ, есть цѣлый рядъ маленькихъ вставокъ, которые по тону и складу рѣчи составляютъ истинные перлы поэмы и блестятъ, какъ дорогіе камни на золотой ризѣ. Мы разумѣемъ тѣ стихотворенія или отрывки изъ стихотвореній, которыхъ среди разговора припоминаются и читаются дѣйствующими лицами. Вотъ главнѣйшія:

Ловите, ловите
Часы наслажденья!
...
Опротивѣть ужъ яства...
...
Мирты Киприды мнѣ дай...
...

Предъ жрицей Аполлона...
...
Съ зеленѣющихъ полей...
...
Дельфійскій богъ! И онъ
позналъ.

Тутъ, сразу берется тонъ удивительной звучности и притомъ такой, что кажется это дѣйствительно упругая

латинская рѣчъ, а не русскій языкъ. Не говоримъ объ античномъ духѣ, который, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ „Передъ жрицей Аполлона“ и „Съ зеленѣюющихъ полей“, схваченъ такъ поразительно.

Мастерство майковскаго стиха давно извѣстно всѣмъ знающимъ толкъ въ этомъ дѣлѣ. Фактура стиха изрѣдка напоминаетъ тяжелую звучность Державина. Напр.

Лишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ,
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ.

Съ Державинымъ вообще нашъ поэтъ представляетъ нѣкоторыя любопытныя черты сходства и въ духѣ и въ выраженіи, о чёмъ, къ сожалѣнію, невозможно кратко говорить. Если взять всѣ формы этого стиха, то едва ли найдется поэтъ болѣе разнообразный, болѣе способный брать всевозможные тоны стихотворной гаммы. Отъ чудеснаго пѣнія, отъ напряженной музыкальности стихъ его, по мѣрѣ надобности, спускается до простѣйшихъ звуковъ, до прозы, наконецъ, вовсе прерывается. Множество неоконченныхъ стиховъ, очевидно, вовсе не смущали поэта, какъ они смущаютъ неопытныхъ читателей. Неоконченный стихъ чего требуетъ? Паузы, остановки, и эти паузы нужны были поэту. Когда принятъ восторженное рѣшеніе итти на мученія, раздаются отрывочные восклицанія:

Слѣпой старикъ.

Его узрѣть во славѣ!...

Павзаній.

Сложить съ души всѣ тяготы
У ногъ Его!...

Главкъ.

Исчезнуть въ созерцаныи
Неизрекаемой красоты!

Пауза, какъ извѣстно, усиливаетъ впечатлѣніе звука, за нею слѣдующаго; такъ и здѣсь нарастаетъ сила слѣдующихъ одного за другимъ восклицаній.

Вообще, подчиняясь требованіямъ драматизма, авторъ дѣлаетъ крутые переходы въ тонѣ и фактурѣ стиха; это — большое мастерство, хотя оно можетъ показаться недостаткомъ людямъ, полагающимъ, что стихи должны всегда представлять гладкое и однообразное пѣніе. Тонъ разговора

иногда выражается въ построении стиха съ изумительнымъ искусствомъ. Напр. *Великий жрецъ* въ жару спора кричитъ:

...Пьють,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человѣческую!

Этихъ стиховъ невозможно произнести иначе, какъ дѣлая сильные ударенія на слова *пьють* и *кровь*; удареніе, вѣдь, бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ больше предшествуетъ имъ и слѣдуетъ за ними слоговъ безъ ударенія. И выходитъ настоящій крикъ; въ семнадцати слогахъ тутъ можно налечь только на два слога, и какъ разъ на односложныя слова и на самыя важныя.

Еще примѣръ. Деций, въ порывѣ злобы, говорить Лидѣ:

...Лида! я бѣ въасъ *тналъ*, *Звѣрьми бѣ... живого бѣ* не оставилъ!
Когда бы жилъ еще... терзалъ

Эта рѣчь, очевидно, произносится въ три приема, нарастаая отъ первого ко второму и отъ второго къ третьему. (Мы поставили точки на мѣстѣ паузъ и подчеркнули слова, на которыхъ должно падать главное удареніе.) Сила выходитъ чрезвычайная.

Мы долго бы не кончили нашихъ похвалъ и толкованій, если бы вздумали перебрать всѣ частности этого мастерства. Майковскій стихъ, такъ же какъ и майковскій языкъ должны служить образцами, на которыхъ можно изучать строеніе дѣйствительной стихотворной рѣчи и умѣнье употреблять слова и обороты въ ихъ точномъ смыслѣ и въ соотвѣтствіи съ предметомъ. Этотъ языкъ, сверхъ того, отличается стремленіемъ къ сжатости, къ употребленію самыхъ живыхъ и короткихъ оборотовъ рѣчи. Не говоримъ уже о томъ, что онъ безупреченъ по чистотѣ и правильности. Мы замѣтили лишь двѣ неисправности, которыхъ и укажемъ, какъ истинную находку, и не безъ страха ошибиться.

Окромъ двухъ, тѣ всѣ сироты —

Тутъ простонародное *окромъ*, кажется, некстати. Правда, у Державина есть:

Окромъ Бога одного —

но Державинъ не во всѣхъ отношеніяхъ образецъ въ языке.

Вотъ неисправность:

...Наше тѣло
Есть кесаря...

Это значить: принадлежить кесарю. Латинизмъ едва ли допустимый.

Замѣтки о стихосложеніи, объ языкѣ всегда должны казаться мелочными, когда дѣло идетъ о поэтическомъ произведеніи, — почти недостойными предметами. Но онѣ неизбѣжны и важны, и первый съ этимъ согласится всякий настоящій поэтъ, для котораго слово и звукъ всегда дороги. Вспомните Пушкина:

Съверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любить мой славянскій духъ,
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены...

Что здѣсь звуки сказано въ прямомъ смыслѣ звуковъ, ясно изъ предложенія:

Не дорожить
Одними ль звуками пить?

Кромѣ того, замѣчанія объ языкѣ, о техникѣ стиха имѣютъ гораздо большую степень обязательности, чѣмъ всякая другія. Конечно, есть даръ языка и даръ стиха; но мы имѣемъ право желать труда и тщательности въ употребленіи этихъ даровъ. Можно требовать отъ писателей правильности и хорошей обработки стиха и языка; тогда какъ свѣтлые мысли, высокія чувства и вдохновенія въ концѣ концовъ зависятъ не отъ нашихъ усилий и требованій, а отъ Бога.

Кончаемъ свои замѣчанія, далеко не исчерпавши предмета. Мы старались, однако, указать на главное, — на положительную сторону произведенія, и хотимъ удовольствоваться посильною мѣрою похвалъ, не задаваясь вопросовъ о недостаткахъ. Указывать несовершенства только, помидимому, легко, и, во всякомъ случаѣ, большой промахъ сдѣлалъ бы тотъ, кто приступилъ бы къ анализу несовершенствъ, не понявъ сперва внутренней силы и сущности предмета.

Въ заключеніе повторимъ, что достоинства „Двухъ міровъ“ слишкомъ велики и очевидны; это — самое крупное произведеніе нашего поэта, въ которомъ сосредоточились всѣ лучи майковской поэзіи.

H. Страховъ.

Типы христіанъ въ поэмѣ „Два міра“.

Задача „Двухъ міровъ“ сводится, главнымъ образомъ, къ исторической картинѣ, не столько къ идейному противоположенію язычества и христіанства, а къ изображенію разныхъ типовъ христіанъ, въ ихъ бытовой обстановкѣ; къ изображенію поборниковъ вновь усвоившаго ученія — аргументами пройденной школы; задача скорѣе объективнаго, чѣмъ субъективнаго характера.

Если всѣ критики трагедіи отдавали должное изображенію языческаго міра, то оцѣнка христіанства съ этой точки зреянія, т.-е. изображенія исторического христіанскаго „общества“, или, по выражению А. Н., „людей со своимъ прошлымъ“, была недостаточно ясно формулирована. Правда, еще Н. Н. Страховъ указывалъ, что „въ рѣчахъ и мысляхъ (христіанъ) мы находимъ тоже живое разнообразіе. Проповѣдь любви во всѣхъ; но, кромѣ того, и вѣра въ воскресеніе, и ожиданье скораго второго пришествія, и отвращеніе къ Риму, и проповѣдь покорности властямъ, и даже мечты Марцелла о новомъ Римѣ — и всѣ эти различные элементы первоначального христіанства сливаются въ одинъ общій аккордъ, покрывающій все ихъ разнообразіе, — въ готовность къ мучнической смерти“. Все это правильно, но немного обще. Суть въ томъ, что А. Н. Майковъ намѣтилъ нѣсколько основныхъ „типовъ“ христіанъ, соблюдая, такъ сказать, историческую перспективу картины: онъ очертилъ различное отношеніе вновь обращенныхъ христіанъ къ воспринятому ученію и указалъ на различные мотивы „обращенія“.

Сиріецъ Іовъ, жившій когда-то „царемъ“, нынѣ простой рабъ, — по преимуществу ясновидецъ, подошедший къ христіанству съ его нѣсколько мистической стороны. У него постоянныя видѣнія; онъ прислушивается къ внушеніямъ свыше; онъ обратился ко Христу „по откровенію“. Іовъ представляетъ тотъ типъ первоначальныхъ христіанъ, который впослѣдствіи съ особымъ рельефомъ воплотился въ Ефремъ Сиринѣ, въ Макаріи Египетскомъ, въ Кириллѣ Александрійскомъ и др., но прежде всего, быть можетъ, въ самомъ апостолѣ Павлѣ, бывшемъ гонителѣ христіанъ и обращенномъ по „откровенію свыше“, — апостолѣ Павлѣ, имя котораго

въ апокриическихъ преданіяхъ связано съ цѣлымъ рядомъ легендъ о „загробныхъ видѣніяхъ“.

Римлянинъ Марцелль — представитель иного, такъ сказать, „разумнаго“ начала христіанства, поборникъ ученія, усвоившаго въ силу яснаго и трезваго сознанія его истинности. Дѣла нѣтъ, что онъ теперь оспариваетъ значеніе „разума, который самъ о себѣ намъ говоритъ: „я истина“, и безъ опоры на мечть, блѣднѣть и дрожитъ“: онъ все же разумомъ былъ приведенъ къ сознанію предѣльности разсудочнаго созерцанія и нашелъ въ новой вѣрѣ лишь иную опору ему, на мѣсто „мечта“. Марцелль раньше думалъ, какъ „всѣ“, что „центръ вселенной въ немъ самомъ“, но понялъ, что „не Богъ предметомъ поклоненія въ храмѣ былъ, а самый храмъ!“ Въ лицѣ Марцелла мастерски намѣчены поэтомъ основныя черты того типа христіанскихъ мыслителей, того научно-богословскаго направленія христіанскаго ученія, которое впослѣдствіи особенно ярко выразилось въ дѣятельности блаженнаго Августина, отчасти Тертулліана, Амвросія и др.; но особенно — Августина, этого геніального предшественника Декарта, по значенію, приданному имъ логическому началу въ познанії; Боссюэта и Фенелона (въ разномъ отношеніи) — по философскому пониманію исторіи человѣческаго развитія и предугаданію теоріи прогресса. Съ точки зреянія этой теоріи прогресса, несомнѣнно, присущей первоначальной христіанской доктринѣ, и вѣры въ возможное осуществленіе „царства Божія“ на землѣ подходитъ къ христіанству и греки: Главкъ, Эвменъ, Аркадій и др.

Главкъ видитъ все ученіе Христа „въ одной молитвѣ Отче нашъ, въ моленьѣ о царствѣ Божіемъ на землѣ“. Когда люди проникнутся сознаніемъ „святого совершенства Отца“ и исполнятся имъ, тогда „жизнь стала бѣ вѣчное блаженство. И міръ сталъ раемъ бы земнымъ“. Главкъ — человѣкъ съ сильными страстями, необузданный, порывистый: „поэтъ, пѣвецъ“ — онъ сталъ, какъ говорятъ, деспотомъ и надъ своимъ хозяиномъ — меценатомъ. „Страстямъ не зналъ преграды отъ дѣтскихъ лѣтъ“, и страсть (къ замужней женщины) и вдохновенная порывистость натуры привели его къ преклоненію передъ идеаломъ — съ одной стороны женской чистоты и невинности, съ другой — идеаломъ женщины — матери, и отсюда къ преклоненію передъ христіанскимъ ученіемъ во-

обще. Главкъ воспринялъ это ученіе первоначально съ поэтической стороны и въ этомъ смыслѣ является предшественникомъ великаго поэта христіанства Іоанна Дамаскина.

Эвменъ представляется какъ бы олицетворенiemъ примирительного, жизнерадостнаго пониманія христіанства, „земного“ христіанства, т.-е. не съ точки зрѣнія отвлеченныхъ философскихъ принциповъ, а какъ гуманнаго ученія, доженствующаго упрочить счастье на землѣ. Эвменъ — женихъ, наканунѣ свадьбы съ любимой дѣвушкой, съ которой онъ могъ бы прожить счастливо свой вѣкъ при болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Теперь — они оба идутъ на казнь, — идутъ безъ ропота, поддерживаемые вѣрой въ грядущую жизнь, но съ сознаніемъ, что они могли быть счастливы и на землѣ: новая воспринятая ими (т.-е. Эвменомъ и Агнессой) вѣра служить имъ опорой, чтобы мужественно вынести удары судьбы, но не становится въ противорѣчіе съ „чистыми радостями“ земной жизни, не исключаетъ мечты о „мирѣ и благоденствіи“. Это точка зрѣнія, по преимуществу, будущей православной Церкви.

Аркадій воспринялъ христіанство, главнымъ образомъ, со стороны его соціального значенія, съ точки зрѣнія духовнаго равенства и единенія людей. „Просвѣтлѣло все предо мной, и я въ другихъ прозрѣлъ такую же душу“. Но чтобы достичь этого „прозрѣнія“ и опутить внутреннее равенство — человѣкъ долженъ прежде всего „побѣдить себя“, смирить свою гордость и раскрыть въ себѣ источникъ всепрощающей любви; — и Аркадій протягиваетъ первый руку примиренія своему бывшему врагу — Павланію. У женщинъ „обращеніе“ происходитъ, главнымъ образомъ, на почвѣ чувствъ, вытекаеть изъ потребностей сердца: вотъ безутѣшная мать Мениппа, въ тщетныхъ розыскахъ за своимъ сыномъ. Она еще язычница и только притворно выдаетъ себя за христіанку, попавъ случайно въ христіанскую общину. Но Ліда указываетъ ей на другую мать - христіанку, „мать съ дѣтьми, вдову“ — Камиллу, которая приводить своихъ малютокъ поклониться праху отца и побуждаетъ ихъ слѣдоввать его примѣру, помня о его геройской кончинѣ. Мениппа просить ея сочувствія своему горю. „Да кто же счастливъ здѣсь?“ отвѣчаетъ Камилла, и, когда Мениппа, наконецъ, обрѣла своего сына (Главка) — наканунѣ казни,

у нея вырывается лишь одинъ крикъ: „Богъ всѣхъ скорбѧщихъ!...“ Ея обращеніе совершилось на почвѣ состраданія и милосердія. Для Лиды усвоеніе новой вѣры тоже представляется скорѣе дѣломъ чувства, чѣмъ разсужденія. На вопросъ Деція — когда, и какъ она приняла христіанство? — Лида отвѣчаетъ: „Все дѣло въ истинѣ, а тамъ какъ къ ней пришель, не все равно ли?...“ Въ лицѣ Лиды особенно ярко обрисованъ идеалъ христіанского самопожертвованія, беззавѣтнаго служенія ближнимъ. Она поняла, „кто былъ Христосъ“, когда впервые ей пришлось утѣшать мать, дочь которой была растерзана звѣрями на аренѣ цирка. Воспринимая религію сердцемъ, она указываетъ Децію, что излишне гоняться за постиженіемъ абсолютной истины, за обладаньемъ полнаго свѣта: „А здѣсь пока — ты безъ завѣта отдашься ближнимъ, ты поймешь, что только лучъ имъ нуженъ свѣта, и ты въ себѣ его найдешь“. Не останавливаемся на другихъ второстепенныхъ лицахъ трагедіи, которая, однако, по выражению Н. Н. Страхова, имѣвшаго, правда, въ виду лишь языческій міръ — „живемъ выхвачены изъ дѣйствительности, во всей ея пестротѣ и рѣзкомъ разнообразіи“. Думаемъ, что эти слова могутъ быть примѣнены и къ изображенію „общества“ первоначальныхъ христіанъ. Первые, т.-е. язычники, достаточно оцѣнены критикой; но это не должно бы умалить значеніе картины христіанского общества въ томъ видѣ, какъ ее задумалъ поэтъ: т.-е. намѣтить у первоначальныхъ христіанъ въ зародыши тѣ основныя черты, тѣ типы, которые со временемъ развились въ послѣдующей исторіи христіанства, и выразились у извѣстныхъ историческихъ дѣятелей и мыслителей, поборниковъ восторжествовавшаго христіанства. Замыселъ смѣлый и оригинальный, и, по нашему мнѣнію, положительные результаты, несомнѣнно, достигнуты.

О. Батюшковъ.

Роковое столкновеніе христіанства съ язычествомъ.

Размышляя Майковъ о немъ въ теченіе всей своей сознательной жизни — отъ начала сороковыхъ годовъ, когда были написаны первые наброски его лирической драмы „Три

смерти“, и до 1881 г., которымъ помѣчена послѣдняя, окончательная редакція его трагедіи „Два міра“.

Въ своемъ первоначальномъ замыслѣ обѣ поэмы составляютъ одно цѣлое не только по идеѣ, но и по фабулѣ. Ихъ фонъ — эпоха, когда произошло первое столкновеніе между античнымъ міромъ и зарождающимся христіанствомъ, эпоха Нерона. Заговоръ Пизона противъ императора обнаруженъ, среди приговоренныхъ къ казни жертвъ находятся и герои Майкова: философъ Сенека, поэтъ Луканъ и весельчакъ Люций. Эти трое и должны, встрѣчая смерть, показать, какою силою надѣлила античная цивилизациѣ своихъ adeptовъ, для того чтобы достойнымъ образомъ оставить этотъ міръ.

Наиболѣе привязанъ къ жизни поэтъ:

Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣть, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли — образъ дать,
Ихъ чувству — слово громовое,

Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое —
Вотъ мой удѣль!...
И что жъ? ужель
Вдругъ умереть? и это цѣль
Трудовъ, великихъ начинаній?

Радостно встрѣчаетъ онъ надежду на жизнь, явившуюся въ лицѣ ученика Сенеки; все готово къ побѣгу — стбить только осужденнымъ переодѣться. Но тотъ же ученикъ разсказываетъ ему о героической смерти отпущенницы Эпихариты, унесшей съ собою въ могилу тайну заговора, — и Луканъ останавливается. Нѣть!

Меня не станутъ
Геройствомъ женщинъ упрекать.

Такъ это честь даетъ ему силу бодро встрѣтить смерть. Онъ прощается со своими недовершенными мечтами и умираетъ

Какъ богъ
Средь начатого мірозданья.

Такова смерть поэта.

Иныя чувства руководятъ философомъ. Сознавая, что вся его жизнь была „нравоучительной школой“ для людей, онъ ни минуты не задумывается довершить ее новымъ, послѣднимъ урокомъ — смертю. Это для него даже не тяжело. „Жизнь хороша“, говорить онъ,

Когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно...
Когда жъ толпа, съ тобою розно
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдить съ какой-то злой
грозной

Движенія сердца твоего,
Когда указываютъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко,
О, жить отверженнымъ скиталь-
цемъ,
Друзья, повѣрьте, не легко!

Не легко, конечно, но возможно, если есть твердая вѣра въ себя, радостная надежда на будущее; у Сенеки же ни этой вѣры ни этой надежды нѣтъ. „Творецъ мнѣ разумъ строгій даль“, говорить онъ про себя; а разумъ обезоруживаетъ человѣка въ борьбѣ со слѣпую волей... Никогда правда въ борьбѣ не бываетъ вся на сторонѣ одного противника; допустимъ, что даже большая ея часть на сторонѣ разума, что разумъ сильнѣе правдой, чѣмъ воля, все же онъ будетъ побѣжденъ. Его слабость въ томъ, что онъ именно какъ разумъ видитъ и правду своей противницы, между тѣмъ какъ воля слѣпая, вся полная собой и своею правдой, его правды не видитъ и наносить своему противнику неослабленные никакими сомнѣніями удары. Сенека — олицетворенный разумъ; какъ таковой, онъ самъ готовить себѣ пораженіе

Быть можетъ... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже нейметъ,
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И воскликнётъ: „спасенія нѣть!“
И, можетъ-быть, иной придетъ
И скажетъ людямъ: „вотъ гдѣ свѣтъ!“
Нѣть! намъ пора.

Такую-то смерть готовить своимъ адептамъ строгій и совершенный разумъ, смерть тихую, прекрасную, но безнадежно грустную. Произвела ли античность еще какой-нибудь видъ смерти, кромѣ той пышной — героя и этой грустной — мудреца? Да, есть еще одна: это беззаботно-веселая жуира-епикурейца; такъ идетъ умирать Люций.

...На колѣняхъ дѣвы милой
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдний разъ упьюсь душой
Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
И солнцемъ въ волнахъ заходящимъ,
И Пирры ясной красотой.

Когда жъ пресыщусь до избытка,
Она смертельного напитка,
Умилно улыбаясь, мнѣ,
Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру шутя...

Такова, пока, программа; ея исполненіе поэтъ оставилъ до другой части своей поэмы. Она появилась лишь черезъ много лѣтъ подъ заглавиемъ: „Смерть Люція“, но, появившись, не удовлетворила своего творца. Онъ почувствовалъ, какая это была бы несправедливость въ отношеніе античности — представлять въ ней послѣднее слово сибарита, точно онъ вѣнецъ всего что было создано ею; задуманная первоначально картина была измѣнена и расшириена; забраковавъ „Смерть Люція“, поэтъ создалъ на ея мѣстѣ свою трагедію „Два міра“.

Какъ видно по заглавію, въ ней древнему міру, построенному на разумѣ, противопоставляется другой — тотъ самый, пророкомъ которого былъ Сенека, когда онъ говорилъ:

И, можетъ-быть, иной придетъ
И скажетъ людямъ: „вотъ гдѣ свѣтъ!“

Въ длинномъ рядѣ сценъ обрисовывается новый міръ. Мы видимъ: таинственная соля взошла надъ человѣчествомъ, чудесно имъ руководя, помимо разума и даже наперекоръ ему. Тутъ всѣ униженные, всѣ скорбящіе: старецъ Іовъ, потерявшій свободу, дѣвочка Диадима, потерявшая зреініе, Мениппа, потерявшая сына, Камилла, потерявшая мужа, Павзаній, потерявшій душевную чистоту — всѣ они ищутъ и находять, всѣ они утѣшены своею незыблемою вѣрой, которая не допускаетъ ни сомнѣній ни колебаній, такъ какъ она дочь не разума, а воли, дарованная hominibus bonaе voluntatis. Тутъ мы окружены атмосферой чуда, въ которое всѣ вѣрятъ, такъ какъ всѣ его хотятъ; тутъ нѣть споровъ, такъ какъ всѣ душа настроены одинаково: вместо доказательства у нихъ дѣйствуетъ внушеніе, у избранныхъ же — видѣніе. Чѣмъ можетъ быть для такихъ людей смерть? Когда декреть о ней объявляется имъ, они встрѣчаются его ликованіемъ:

И что же смерть христіанину?
Въ глазахъ у всѣхъ стоить Христосъ!
Скорбѣть о томъ ли, что покину
Обитель горечи и слезъ?...
Душа Имъ полная вѣдь знаетъ,

Что оболочка сихъ тѣлесь
Ее едва лишь отдѣляетъ,
Какъ легкій завѣсъ, отъ небесъ!
Вдругъ этаотъ завѣсъ упадаетъ...

Такова смерть христіанина — онъ же гражданинъ новаго Рима, новаго міра.

Но старый Римъ еще живъ и сдаваться не намѣренъ. Правда, мы не сразу его находимъ. Масса фігуръ проходитъ предъ нами, но мы отказываемся признать въ нихъ представителей старого Рима; жестокій самодуръ дворецкій, безпутные юноши-жуиры, лицемѣрный верховный жрецъ, самовольные адвокаты, блудливые старики, грязные циники — ужели они олицетворяютъ собой старый Римъ? Если же нѣть, то къ чему они, къ чему ихъ такъ много, что изъ-за нихъ свѣта не видно? Нѣть, это не характеристика, а клевета; и нельзя не сознаться, что нашъ поэтъ, желая избѣгнуть одной несправедливости, впалъ въ другую, гораздо болѣе тяжкую, тѣмъ болѣе что она не возвышаетъ, а унижаетъ новый міръ.

Но эта ошибка — ошибка композиціи, не болѣе; поэтъ не имѣлъ въ виду уронить Римъ, который онъ понималъ хорошо, въ которомъ для него сосредоточивалось все величіе, вся прелесть античности. Дѣйствительно, Греція, прекрасная классическая Греція,

Побѣдившая красою
Побѣдителя въ бою,

этою побѣдою исполнила то, чего отъ нея требовало человѣчество; только то, что отъ нея перенялъ побѣдитель, только это и было усвоено и понято Майковымъ. Ея самой онъ не зналъ; напротивъ, Римъ съ его руинами, съ его великими воспоминаніями былъ непосредственно извѣстенъ поэту и произвелъ на него то впечатлѣніе, котораго можно и должно было ожидать. Это было, прежде всего, впечатлѣніе сверхчеловѣческой силы, сверхчеловѣческаго величія.

Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ нетлѣнныи на земли,
Великіе въ бѣдахъ и въ битвѣ и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ.

Сроднившись душой путемъ созерцанія этихъ „нетлѣнныхъ слѣдовъ“ съ тѣми, которые нѣкогда оставили ихъ на

освященной ими землѣ, Майковъ склоненъ былъ презрительно относиться къ критикѣ современной исторической школы.

Сыны печальные безцѣбныхъ поколѣній,
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищіе душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой
И школьныхъ реторовъ созданіемъ твой геній!

Но вотъ его взоръ, блуждая по „развалинѣ печальной“ великой старины, обозрѣвая постепенно

И храмы, и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой,
И колесница слѣды подъ аркой тріумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндою аркадъ;
Полуразбитыя громады Колизея...

останавливается мало-по-малу на этихъ послѣднихъ. Ударяясь объ эту скалу, потокъ мыслей разбивается, раздвоется: здѣсь — точка соприкосновенія древняго и новаго міра. Древній міръ все тотъ же, только видѣть его другой, подъ этимъ новымъ угломъ зрѣнія мы видимъ его уже не въ самомъ себѣ, а въ его отношеніи къ тѣмъ тысячамъ побѣжденныхъ и низверженныхъ, которые пролили свою кровь въ утѣху торжествующимъ побѣдителямъ на аренѣ этого самаго Колизея. Нѣтъ спора, и этотъ видѣть великъ: пренебреженіе къ жизни побѣжденныхъ побѣдители искупаютъ и оправдываютъ такимъ же точно пренебреженіемъ къ своей собственной жизни:

Покуда молоды — плюща и винограду,
И бѣщеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
А выпивъ весь фіаль блаженствъ и наслажденій
Въ борьбѣ со смертію испробуй жизни силы,
И, въ кругѣ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи вселенную, какъ должно умирать.

Такъ-то и сверхчеловѣчность, достигши своихъ предѣловъ, превращается въ безчеловѣчность; поэтъ слышитъ голосъ, раздающійся изъ каменной громады Колизея:

Бросаются рабы у насъ на растерзанье.
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
Чтѣ толка въ жизни ихъ, привыкнувшихъ къ цѣпямъ?
Достойны они, достойны поруганья!

И этотъ голосъ вызываетъ неминуемый страстный протестъ,—протестъ новаго міра.

Теперь, работая надъ своею трагедіей, Майковъ вспомнилъ о впечатлѣніяхъ своей молодости, вспомнилъ о минутахъ, проведенныхъ имъ на форумѣ и въ Колизѣ; все, что тамъ открылось его душѣ, онъ собралъ и сплотилъ въ одинъ образъ — образъ представителя стараго Рима, аристократа *Деція*, которымъ онъ рѣшилъ замѣнить неудовлетворявшій его болѣе образъ епікуреца Люція изъ „Трехъ смертей“. Этотъ герой, по собственному признанію автора, долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго; это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. Какъ таковой, Децій прежде всего исполненъ вѣры въ величіе Рима:

Римъ все собой объединилъ
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы даль и міръ скрѣпилъ.
Находить временные тучи,
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не умираетъ духъ...

исполненъ пренебреженія къ жизни тѣхъ тысячъ, которыя образуютъ фундаментъ этого величія.

Если есть душа вселенной,
Есть божество — оно во мнѣ!
И если, чтобы ему вполнѣ
Раскрыться, нужно непремѣнно,
Чтобъ гибли тысячи тупыхъ
Существъ, немыслящихъ, слѣпыхъ,
Пусть гибнуть! такова ихъ доля;
Имъ даже счастіе неволя.
Лишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ,
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ... —

исполненъ, наконецъ, пренебреженія къ своей собственной жизни. Не умѣя и не желая льстить Нерону, онъ получилъ отъ него приказаніе умертвить себя; онъ давно собирался это сдѣлать и самъ, ему обидно, что онъ „доставилъ кесарю честь“ напомнить ему объ этомъ. „Нужна“, говорить онъ,

Не сила воли намъ,
Чтобъ жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье къ жизни!

Върный той наукѣ, о которой рѣчь была выше — „въ борьбѣ со смертію испробуй жизни силы“ и т. д., онъ созвалъ друзей на пиръ и самъ пируетъ съ ними, поставивъ передъ собою для внушительного финала отравленную чашу.

Таковъ Деций, представитель старого Рима. Правильно ли понялъ поэтъ Римъ, давая ему такого представителя? Отвѣчаемъ: да, этотъ прекрасный, гордый левъ былъ когда-то дѣйствительностью, былъ когда-то жителемъ Рима; но только онъ не Римъ, не весь Римъ и даже не лучшая его часть. Лучшая его часть — это тѣ носители воплотившейся въ Римѣ идеи „античной гуманности“, которые учили жить въ то время, когда гордыя слова Деция учили умирать; это тѣ, благодаря которымъ, состоялось, въ концѣ концовъ, примиреніе обоихъ міровъ. Но объ этомъ скажу впослѣдствіи нѣсколько словъ, теперь вернемся къ Децию.

И ему передъ самою смертью представляется надежда на спасеніе; ее приноситъ ему юная фаворитка Нерона, красавица Лезбія, пришедшая навѣстить его предсмертный пиръ. Но эта надежда не соблазняетъ Деция, и Лезбія покидаетъ его вмѣстѣ съ остальными гостями, оставляя его наединѣ съ его чашей яда. Тогда спасеніе другого рода предлагается Децию: его приносятъ другъ и подруга, Марцелль и Ліда, давно уже принявши христіанство, готовые теперь итти ради него на смерть и жаждущіе лишь одного — пріобщить къ открывшейся имъ истинѣ и гордый духъ ихъ упорствующаго друга.

Здѣсь происходитъ столкновеніе. Мало-по-малу атмосфера чудесной воли приближается къ Децию, окружаетъ его со всѣхъ сторонъ въ лицѣ его христіанской челяди, идущей подъ звуки радостныхъ гимновъ принять желанную смерть. Но Деций остается непоколебимъ.

Нѣть!

Вѣдь въ томъ, что носить имя Рима,
Есть нѣчто высшее!... Завѣтъ
Всего, что прожито вѣками!
Въ немъ мысль, вознесшая меня
И надъ людьми и надъ богами.
Въ немъ Прометеева огня
Неугасающее пламя!
Въ символъ побѣды это мнай

Въ предѣлахъ вѣчности самой
Навѣкъ поставленное знамя,
Мой разумъ, предъ которыемъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожить
Никто!

Таковъ символъ вѣры римлянина; тщетно ему возражаютъ друзья-христіане. Пускай разумъ уединяетъ человѣка, разъединяетъ то, что желала бы связать сестра вѣры — любовь, пускай Марцелль правъ, говоря, что

Разумъ, значить, злая сила,
Когда, чтобъ въ высотѣ стоять,
Милльоны близкихъ надо было
Ему себѣ въ подножье взять;

пускай права и Ліда, съ ласковою настойчивостью твердящая Децию, что

Къ свѣту разъ открывъ пути,
Ты будешь знать одно желанье
Всѣмъ указать и *всѣхъ* спасти.

Деций не уступаетъ. Онъ перешагнулъ уже тѣ предѣлы, внутри которыхъ ласковая воля насть убаюкиваетъ, а грозная устрашаетъ; чтò можетъ дать ему новый міръ?

Мой судъ — я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтель, далъ мнѣ Римъ.

И мы благодарны поэту за то, что онъ не испортилъ трагического образа своего Деция трогательною, но въ существѣ своею живою сценой обращенія. Кто бы ни былъ правъ въ великомъ столкновеніи — между этими представителями обоихъ міровъ примиреніе невозможно. Отвергнувъ утѣшенія друзей-христіанъ, Деций выпиваетъ чашу и умираетъ

На посту своемъ за Римъ,
За вѣчный Римъ!

А позже — надъ могилой Деция примиреніе совершилось. Поэтъ его не касается; онъ заключаетъ свою трагедію смертью героя, оставляя открытымъ столкновеніе обоихъ міровъ. И какъ поэтъ, онъ разумѣется, правъ; но именно поэтому мы, его читатели, должны итти дальше его и не смѣшивать его приговора съ приговоромъ исторіи. Антич-

ность не была побѣждена христіанствомъ, какъ это превратно думаютъ многіе среди нась; оба эти принципа, подчиняясь взаимно вліянію другъ друга, возродились и, пріобщенные къ народамъ новой Европы, совмѣстно произвели современную культуру. Прекрасно опредѣлилъ поэтъ сущность христіанского принципа въ словахъ:

Всѣмъ указать и всѣхъ спасти.

Въ этомъ завѣтѣ любящей воли сосредоточена сущность услуги, непосредственно, т.-е. независимо отъ надеждъ, возлагаемыхъ на загробную жизнь, оказанной христіанствомъ нашей культурѣ; всѣ *идеи*, которыми эта культура живеть, она получила въ наслѣдство отъ античности. Въ этой великой мастерской, въ которой распорядителемъ былъ разумъ, были выработаны немногими для немногихъ всѣ драгоцѣнныя понятія, которыми мы гордимся теперь — и просвѣщеніе, и свобода, и нравственность, и красота, и любовь, и все, все остальное. Ни одной изъ этихъ драгоцѣнностей не отвергла новая правительница, водрузившая знамя креста надъ старою мастерской; но условіемъ своего одобренія она поставила свое: для всѣхъ; просвѣщеніе — да, но для всѣхъ! свобода, нравственность, остальное — да, но для всѣхъ. Встревожился разумъ: „для всѣхъ?“ легко сказать; да хватить ли для всѣхъ? Но вѣра — не отъ разума, а отъ воли, ласково, но властно сказала она намъ: „Работайте, чтобы хватило!“

Ф. Зълинскій.

Савонарола.

Въ поэтическихъ блужданіяхъ по протекшой жизни человѣчества Майкову и встрѣтился мрачный, строгій образъ доминиканского монаха Джироламо Савонаролы.

Личность Савонаролы, известно, принадлежитъ эпохѣ возрожденія. Это было радостное, веселое утро пробужденія западно-европейского человѣчества. Шель веселый пиръ на развалинахъ средневѣковой жизни. Было всеобщее увлеченіе воскреснувшимъ античнымъ міромъ, это была эпоха начала новой свѣтской науки и нового искусства. Люди сидѣли и съ жадностью читали новыхъ языческихъ поэтовъ, языче-

скихъ философовъ, освободивши себя отъ старой мудреной схоластики.

Святую Библію отцовъ
На мудрость вѣка промѣняли.

Люди толпами уходили изъ набожной обстановки средневѣкового монастыря и весело смѣялись надъ нимъ, зачитываясь новеллами Боккачіо. Они копировали, комментировали, изучали произведенія античныхъ поэтовъ, писали въ ихъ вкусѣ стихи, посѣщали ихъ могилы, платили груды золата за старыя рукописи, сами откапывали ихъ въ холодныхъ монастырскихъ библиотекахъ, женщины даже читали на греческомъ языкѣ по утрамъ цѣлляя главы изъ Платона. Вездѣ была какая-то жизнерадостность, вездѣ пробуждалась наука. А художники между тѣмъ воскрешаютъ со своей стороны античное искусство: одинъ бродить по руинамъ Рима; другой ходить по садамъ св. Марка и съ восторгомъ созерцать древнія статуи; третій, потерявши своего ребенка, рисуетъ съ натуры мертвое тѣло; четвертый бродить по полямъ, рисуетъ пейзажи и встрѣчающіеся типы; другіе создаютъ амуровъ и вакховъ. Вездѣ, такимъ образомъ, идетъ кипучая работа, всѣ такъ или иначе „будяще“ древность, всѣхъ зовутъ опять къ веселому Олимпу. Заастаетъ травой дворъ средневѣкового монастыря; пустѣеть школа набожнаго схоластика.

И вдругъ въ разгарѣ этого полуязыческаго пира является суровая фигура брата Джироламо. „Зачѣмъ намъ Платонъ?— сурово говоритъ онъ:— послѣдняя христіанка умираетъ Платона!“ „Всѣ Аристотели и Платоны, всѣ мудрецы міра не учать ни объ адѣ ни о царствѣ Божиемъ“, они „идутъ въ царство дьявола“, „tutti vanno a casa del diavolo“. Этому суровому брату Іерониму хочется сжечь всѣ философскія книги Аристотеля, Платона, Филона, всѣ поэтическія произведенія, которыя на рукахъ всѣхъ, хочется посадить всѣхъ только за свящ. книги, дѣтей учить только свящ. писанію и немного грамматикѣ, и онъ считаетъ блаженнымъ то время, когда классическія произведенія лежали въ пыли въ башнѣ монастыря. Чувствуетъ, правда, и самъ онъ, что идеальъ его монастырь палъ, что тамъ забыты завѣты Христа, что тамъ царить корысть, роскошь, что тамъ просторныя, покойныя

кельи, богатыя одежды, фарисейская набожность. Но не хочется ему языческаго веселья, какъ другимъ; ему не нужно старого, античнаго поэта и философа, ему противна старая статуя, въ которой такъ роскошна плоть и красота. Не туда, въ этотъ старый міръ красоты и философіи и бывшей ключомъ политической жизни хочется увести людей Савонаролѣ. Ему не хочется создать изъ міра античный домъ со статуями, съ картинами, съ библіотеками, а ему міръ хотѣлось бы весь превратить въ монастырь съ церковію изъ грубаго камня, съ деревянными кельями, съ иконами, истощенными трудомъ, молитвой и бдѣніями; ему хочется вернуть всѣхъ къ старинной общинѣ первыхъ христіанъ, могилы которыхъ такъ близко отъ всѣхъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ землей. Савонаролѣ хочется видѣть всюду царство поста и суроваго труда; всѣхъ хочется посадить за чтеніе священнаго писанія; изгнать отовсюду веселыя игры; ему хочется всѣхъ женщинъ Италіи и міра одѣть въ черныя монашескія одежды и дать имъ въ руки четки; онъ требуетъ сожженія развратнаго человѣка, требуетъ пытокъ для игроковъ. Хочется ему сжечь всякую картину, отзывающуюся мірскимъ; въ праздники по городамъ ему хочется устроить набожныя процесіи, раскаленнымъ желѣзомъ проткнуть языкъ еретика, хочется закрыть по праздникамъ всѣ торговыя лавки, хочется выбросить изъ жизни всѣ пляски, танцы и пѣсни; ему хочется должностныхъ лицъ заставить опредѣленное число разъ произносить „Ave, Maria“, „Pater noster“. И въ маленькихъ размѣрахъ на короткое время Джироламо удалось осуществить идеалъ монастыря во Флоренціи:

...монахъ крутой
Въ столицѣ шумной и живой,
Какъ гений смерти, воцарился.

Исчезло веселье изъ города; вмѣсто него явилась строгая монашеская пустынь; по полугоду царять здѣсь посты и разоряются мясники; на игры наложены штрафы; философскія и поэтическія книги заброшены; нѣть больше карнавальныхъ процесій; изъ молодежи организованы correffori — исправители и инквизиторы; съ женщинъ сняты брильянты; сожжены картины, нѣть въ городѣ веселыхъ пѣсень, игръ и

пляски. Друзья Савонаролы на площади тремя концентрическими кругами со священными гимнами ходятъ около костра, въ который кучей свалены всѣ памятники искусства — статуи и картины, маски, фальшивыя бороды, лютни, вуали, ящики съ игральными костями, а наверху фигура дьявола. Сами художники даже приходятъ и бросаются въ огонь свои картины. И посреди этой монастырской тишины у огня костровъ раздается пророческій голосъ Джироламо: „о Флоренція! ты мнѣ не вѣрила до сихъ порь; повѣрь же хоть теперь! Не смотри, что я бѣдный монахъ, бѣдный грѣшникъ. Не я, а Богъ моими устами открываетъ тебѣ новое и сокровенное“. И, какъ ветхозавѣтный пророкъ, Джироламо приглашаетъ всѣхъ, не вѣрующихъ въ него, итти съ нимъ на гору и тамъ обѣщается испросить у Бога молнию на своего противника.

Извѣстна печальная судьба Савонаролы. Весной 23 мая 1498 г. пророкъ аскетизма былъ повѣщенъ надъ горящимъ костромъ. Вздохнули свободно друзья наукъ и искусствъ, узнавши о сожжениіи пророка, который, ради достиженія своего идеала, поднималъ дѣтей противъ родителей, дѣлалъ изъ нихъ своихъ шпионовъ, силою осуществляль братство людей.

Съ этой-то суровой фигурой италіанского реформатора и пришлось встрѣтиться Майкову. Майкову понятна была, конечно, душа монаха, аскета, его радости и печали, понятна была любовь къ бѣднымъ Савонаролы, его приверженность къ религії. Не даромъ же онъ понималъ душу старика-слѣпца, пѣвшаго стихъ о страшномъ судѣ; понималъ предсмертная мечты умирающаго стоика и епикурейца („Три смерти“), средневѣкового монаха, молодой отшельницы въ монастырѣ или древнерусского пустынника. Майковъ, какъ христіанинъ, преклонялся предъ человѣкомъ, который „съ умиленіемъ читаетъ Библію, съ благоговѣніемъ слушаетъ церковный звонъ и зажигаетъ и предъ образомъ святымъ свѣчу завѣтную и плачетъ передъ нимъ“. Но душа поэта не лежала къ суровому монаху.

Въ эпоху пробужденія человѣческой мысли суровый аскетъ хотѣлъ силой задавить только что зарождавшуюся гуманистическую науку, литературу, сожигать Цицерона, Петrarку, Гораций, Боккачіо. А Майкову дорога была эта наука. Если

кто захочетъ яснѣе опредѣлить отличіе Майкова оть такихъ поэтовъ, каковъ, напр., Некрасовъ, то его можно бы назвать поэтомъ научнымъ. Онъ творить не только изъ того материала, который даетъ жизнь, онъ не только воспѣваетъ рѣку въ закатъ солнца, „прислушивается душой къ шептанью тростниковъ и говору дубравы“; не только воспѣваетъ рыбную ловлю, болото, подснѣжники, горные ключи, горныя вершины, зимнее утро, свѣтскій балъ и хижину въ Альпахъ; онъ не только поетъ про смуглankу-фьорину, встрѣтившуюся ему въ дорогѣ, про какой-нибудь океанъ у береговъ Франціи, про русскій сѣнокосъ, ниву и осень. Всѣ эти впечатлѣнія даетъ поэту жизнь, а не наука. У Майкова большинство другихъ созданій: его стихотворенія есть или результатъ изученія какихъ-либо поэтовъ (римскихъ, греческихъ, Петrarки, Гёте, Гейне, Мицкевича), или результатъ изученія цѣлой эпохи („Два міра“) или цѣлыхъ историческихъ памятниковъ („Слово о полку Игоревѣ“), или результатъ изученія простонародныхъ пѣсенъ, бѣлорусскихъ, сербскихъ, новогреческихъ. Для созданія картины Констанцскаго собора мало одной жизни; здѣсь нужна наука, все равно какъ Пушкину она была нужна для созданія „Бориса Годунова“. И Майковъ четыре года сидѣлъ надъ изученіемъ „Слова о полку Игоревѣ“, читаль Терещенка, Погодина, Востокова, Максимовича, Дубенскаго, Вельтмана, Вяземскаго. Чтобы создать образъ своего „Странника“, онъ перечиталъ труды Максимовича, Субботина и Мельникова, мелкія примѣчанія къ пѣснямъ Кирѣевскаго, читалъ статьи о расколѣ въ разныхъ журналахъ. Для стихотворенія „Любуша и Пршемыслъ“ Майкову пришлось просмотрѣть и средневѣковую хронику Козьмы Пражскаго и Краледворскую рукопись. Майковъ нерѣдко сиживалъ, прочитывая сказки Аѳанасьевы, „Поэтическія возврѣнія славянъ на природу“ его, прочитывая былины, Киршу Данилова, Срезневскаго, Бестужева-Рюмина, Соловьевы, „Причитанья“ Барсова; для того, чтобы перевести главы Апокалипсиса, Майковъ изучаетъ греческій текстъ памятника. Здѣсь, въ этихъ занятіяхъ, уже мы видимъ не простого поэта, а скорѣе ученаго. Не даромъ и въ посвященіи къ своимъ стихотвореніямъ онъ говоритъ, что „крѣпъ его даръ поэтическій въ огнѣ науки“; не даромъ онъ проворѣдалъ, что лишь „въ царствѣ мысли сіаетъ вѣковѣч-

пый день“, что „поэтъ безъ науки все равно, что человѣкъ безъ хлѣба“. Вотъ отчего душѣ Майкова такъ несимпатиченъ былъ монахъ, губившій науку и литературу возрожденія. А рядомъ съ этимъ въ частности Савонарола хочетъ загубить и одну отрасль науки — философію. И здѣсь опять нанесенъ ударъ завѣтнымъ убѣжденіямъ Майкова. Майковъ любилъ отдаваться философіи. Достаточно прочитать его „Три смерти“, чтобы понять, что вмѣстѣ съ поэтомъ уживался и философъ, что иначе не были бы созданы Сенека и епікуреецъ Люцій. Съ такой же философской подкладкой написаны и „Два міра“ Майкова; иначе трудно было бы взяться за широкую картину столкновенія двухъ міровъ, языческаго и христіанскаго. Часто съ такой же философской подкладкой писались поэтомъ и его мелкія стихотворенія. Понятно поестественному, какъ должна была волноваться душа Майкова, когда онъ смотрѣлъ, какъ Савонарола губиль философію древняго міра. „Всѣ философы идутъ въ жилище адово“, — эти жесткія слова пророка били по самымъ чувствительнымъ струнамъ поэта-философа.

А рядомъ съ этими на кострахъ Савонаролы горять античныя статуи и картины, горять памятники того искусства, которые такъ много говорили душѣ Майкова. На кострѣ горить тотъ фавнъ, который, какъ живой, бесѣдовалъ съ поэтомъ въ глубинѣ запущенного сада, котораго поэтъ спрашивалъ про все былое, — про все, что вѣка жило вокругъ этой мертвной статуи; на кострѣ горять картины, произведенія того искусства, которымъ, особенно въ молодые годы, занимался Майковъ. Майковъ, извѣстно, привыкъ къ искусству еще съ дѣтства. Еще ребенкомъ Майковъ сроднился съ этими антиками:

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.

Еще въ дѣтствѣ передъ этими статуями поэтъ

...стоялъ и съ душой и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.

Съ этими антиками Майковъ сроднился еще въ то время, когда душа его роднилась со сказками своей няни. По призванію поэта, антики были его „святыни“ („послѣ посвѣщенія Ватиканскаго музея“); они были дороги ему, какъ „храни-

пый день“, что „поэтъ безъ науки все равно, что человѣкъ безъ хлѣба“. Вотъ отчего душѣ Майкова такъ несимпатиченъ былъ монахъ, губившій науку и литературу возрожденія. А рядомъ съ этимъ въ частности Савонарола хочетъ загубить и одну отрасль науки — философію. И здѣсь опять нанесенъ ударъ завѣтнымъ убѣжденіемъ Майкова. Майковъ любилъ отдаваться философіи. Достаточно прочитать его „Три смерти“, чтобы понять, что вмѣстѣ съ поэтомъ уживался и философъ, что иначе не были бы созданы Сенека и епікуреецъ Люцій. Съ такой же философской подкладкой написаны и „Два міра“ Майкова; иначе трудно было бы взяться за широкую картину столкновенія двухъ міровъ, языческаго и христіанскаго. Часто съ такой же философской подкладкой писались поэтомъ и его мелкія стихотворенія. Понятно поестественному, какъ должна была волноваться душа Майкова, когда онъ смотрѣлъ, какъ Савонарола губилъ философію древняго міра. „Всѣ философы идутъ въ жилище адово“, — эти жесткія слова пророка били по самымъ чувствительнымъ струнамъ поэта-философа.

А рядомъ съ этимъ на кострахъ Савонаролы горятъ античныя статуи и картины, горятъ памятники того искусства, которые такъ много говорили душѣ Майкова. На кострѣ горить тотъ фавнъ, который, какъ живой, бесѣдовалъ съ поэтомъ въ глубинѣ запущенного сада, котораго поэтъ спрашивалъ про все былое,— про все, что вѣка жило вокругъ этой мертввой статуи; на кострѣ горять картины, произведенія того искусства, которымъ, особенно въ молодые годы, занимался Майковъ. Майковъ, извѣстно, привыкъ къ искусству еще съ дѣтства. Еще ребенкомъ Майковъ сроднился съ этими антиками:

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглѣдъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.

Еще въ дѣтствѣ передъ этими статуями поэтъ

...стоялъ и съ душой и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.

Съ этими антиками Майковъ сроднился еще въ то время, когда душа его роднилась со сказками своей няни. По призванію поэта, антики были его „святыни“ („послѣ посвѣщенія Ватиканскаго музея“); они были дороги ему, какъ „храни-

лице мысли былыхъ поколѣній“, они были для него своего рода наукой, спокойной величавой лѣтописью, по которой онъ читалъ прошлое („Римъ“); они для него были живые люди.

Какъ будто бы и мысль и чувства въ нихъ скрывались.

И съ грустной душой смотрѣлъ Майковъ на костеръ Савонаролы; ему противны были фанатическая послѣдователи его, пѣвшіе священные гимны въ то время, когда на ихъ лица падалъ отблескъ пламени костра. Да Майковъ при всемъ этомъ, какъ христіанинъ, съ одной стороны, и какъ художникъ — съ другой, и не любилъ вообще костровъ, не любилъ пронзеннаго желѣзомъ языка, не любилъ пытокъ. Какъ созданный имъ аѳинянинъ, онъ могъ сказать:

...Привыкъ

Рукоплескать однимъ я лиры звукамъ,
Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ.

Онъ не любилъ насилия.

Чтобъ межъ людей добро укоренить,
Ужели нужна лишь плаха да оковы?

говорить въ стихотвореніи Майкова нимфа Егерія. Майкову-художнику хотѣлось бы, чтобы все жило, все дышало; ему хотѣлось бы, чтобы въ жизни оставался веселый карнавалъ; ему хотѣлось бы слышать и звуки веселой пѣсни и видѣть смуглую красивую италіанку въ ея пестромъ, яркомъ нарядѣ.

Ему несимпатичны были люди, которые мечтали изгнать изъ міра эту радостную половину жизни. Въ жизни, по мысли Майкова, имѣлъ право на существованіе и суровый монастырь съ блѣдными лицами монаховъ; но поэту противно было, если этотъ монастырь губилъ все остальное. Этотъ гнетъ противенъ былъ любящему христіанскому взгляду Майкова. Есть два стихотворенія поэта, въ которыхъ сказалось его любимое, завѣтное убѣженіе, въ которыхъ ясно видны его гуманные взгляды: одно — „Пѣсня“, другое — безъ заглавія. Слѣпецъ — старикъ-поэтъ, разсказывается въ первомъ стихотвореніи, говорить въ толпѣ про страшный судъ; вдругъ появляется скоморохъ, и начинается пляска и смѣхъ; старики-ригористы начинаютъ его упрекать и осуждать, но старикъ-слѣпецъ останавливаетъ ихъ:

Не судите, молвиль, строго!
Благъ Отецъ небесный нашъ!

Смѣхъ и слезы — все отъ Бога!
Отъ Него и скорбный стихъ,
Отъ Него и стихъ веселый.

Въ другомъ стихотвореніи описывается поминки поэта.
Народъ собрался на могилу;

Кто холмъ цвѣтами усыпалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ...

И вдругъ среди этого преклоненія предъ покойнымъ поэтомъ появляется сухой старикъ, который съ пѣной на устахъ подходитъ къ могилѣ и начинаетъ кидать въ нее комками грязи. Народъ въ гнѣвѣ хочетъ его растерзать, но встаетъ вождь и говоритъ толпѣ:

Вашъ гнѣвъ пѣвца обидить!
Стекайтесь, какъ прежде, совершать
Поминки надъ пѣвцомъ и гробъ его вѣнчать,
А сей несчастный пусть живеть и видить.

Такъ противно было насліе гуманной душѣ Майкова. Вотъ почему онъ написалъ „Картину“, вотъ почему въ своемъ стихотвореніи онъ жалѣтъ раба-негра и защищаетъ гладіатора, котораго травятъ въ циркѣ:

О, проклять будь народъ безъ чувства, безъ любви,
Ты, рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!

Майкову жалко и Гусса, осужденного на сожженіе на соборѣ. „Жалко Гусса“, слышится во всемъ стихотвореніи Майкова о Констанцскомъ соборѣ. Когда Майковъ въ палаццо за границей увидѣлъ орудія инквизиціи, онъ возмутился и съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на „пытокъ варварскихъ орудья роковыя“ (Palazzo). Немудрено, поэтому, что Майкову непріятны были и костры Савонаролы, потому что здѣсь было отсутствіе любви, отсутствіе терпимости, здѣсь былъ одинъ гнетъ и истребленіе античной цивилизаціи, истребленіе веселой половины жизни.

Подъ вліяніемъ какихъ-то волновавшихъ Майкова чувствъ и вылилось его задушевное стихотвореніе „Савонарола“. Рѣдко у поэта можно найти такое короткое произведение, въ которомъ такъ ясно высказался бы онъ весь съ его главными убѣжденіями. А между тѣмъ это есть въ „Савонаролѣ“. Тутъ и любовь поэта къ наукѣ и искусству; тутъ и уваженіе къ умершей античной цивилизаціи; тутъ и безпристрастіе къ оцѣнкѣ лица; тутъ и всеобъемлющая любовь

іть разнообразію человѣческой жизни; тутъ и гуманній христіанскій взглядъ даже на язычество и на его историческихъ дѣятелей. Тутъ примиреніе двухъ культуръ — христіанской и языческой. „Савонарола“ — это микрокосмъ мыслей Майкова.

Понятно, какъ въ этомъ стихотвореніи поэтъ оцѣнилъ Савонаролу. Онъ, конечно, не могъ одобрить сожженія Савонаролы на костре. Страннымъ казалось ему, что смертный приговоръ пророку сторонники христіанской церкви произнесли „именемъ Христа“, но, съ другой стороны, онъ не былъ и на сторонѣ реформатора. Когда онъ въ своемъ стихотвореніи описалъ казнь пророка, среди которой тотъ произнесъ имя Христа, онъ кончилъ разсказъ слѣдующими знаменательными заключительными строками:

Христосъ, Христосъ!... Но умирая
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ, онъ понялъ ли Тебя?
О, нѣтъ... Скорбящихъ утѣша,
Ты чистыхъ радостей не гналъ
И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословляя...

Свою кровью жизни слово
Ты освятилъ, и возросло
Оно могуче и свѣтло.
Доминиканцамъ ликъ суровый
Былъ чуждъ любви, — и самъ онъ палъ
Безплодной жертвою.

Такой приговоръ произнесъ Майковъ надъ замѣчательнымъ историческимъ лицомъ. Ни любви къ слову, къ наукѣ, ни любви къ искусству, ни христіанской гуманной терпимости, ни всепрощающей любви христіанской — ничего поэтъ не напелъ въ суровомъ братѣ Джироламо. И онъ съ сожалѣniемъ только прошелъ мимо костра, въ которомъ тлѣли кости знаменитаго реформатора.

Мизиновъ.

Брингильда.

Изъ позднѣйшихъ поэмъ „Брингильда“ — самая послѣдняя и вмѣстѣ съ тѣмъ и самая лучшая. Матеріалистическая, непрозрачная поэзія Майкова здѣсь впервые получаетъ про-

свѣтлѣніе. Майкова любять за его классическія поэмы, потому что въ нихъ, помимо его личныхъ высокихъ думъ, отразилась природа Италіи, вѣчно юная, вѣчно чувственная, будящая кровь и застилающая духовные элементы. Къ старости, когда тѣло слабѣетъ, душа ярче свѣтится въ человѣкѣ. И сѣверная природа какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ такою старостью. Въ „Брингильдѣ“ отразилась эта сѣверная природа съ суровыми зимами, долгими ночами и еще болѣе долгими лѣтними, блѣдными днями, въ которые поневолѣ видится за горизонтомъ какой-то новый, иной міръ. Затѣмъ, еще одно обстоятельство придаетъ этой поэмѣ особое очарованіе. Здѣсь впервые у Майкова мы встрѣчаемся съ женственнымъ элементомъ. Майковъ слишкомъ мужественный поэтъ, и женщины въ его раннихъ поэмахъ и лирическихъ произведеніяхъ всегда являлись только какъ объектъ, какъ что-то чуждое, виѣшнее, хотя, быть можетъ, и прекрасное. Въ „Брингильдѣ“ Майковъ впервые далъ два женскихъ образа, оба глубоко поэтическихъ, интересныхъ и полныхъ истиннаго пониманія женской натуры. Это сама Брингильда и жена Сигурда, Гудруна.

Гудруна — кроткая, чисто женственная натура. Ея любовь къ Сигурду отличается чисто женской иѣжностью. Гудруна видѣла въ Сигурдѣ мужа, защитника. Ея скорбь по Сигурду глубока, но въ самомъ ея отчаяніи уже слышится будущее примиреніе съ тяжкой утратой. Королевы ее утѣшаютъ именно въ утратѣ, а не въ сердечномъ разочарованіи, вызванномъ ею. Одна изъ нихъ говорить ей:

Цвѣтикъ въ прогалинѣ — всякий затопчетъ тебя!
Елочка край лѣску — всякий обидить тебя!
Лань ты моя круглоокая! Серна моя!
Чуется, тяжко тебѣ одинокой-то жить!
Въ горы лѣ, бывало, олень твой бѣжитъ, — ты за нимъ!
Пьеть ли въ ручье, — ты ужъ скакешь и плещешься вокругъ!
Будь моя волошка — охъ! — унесла бы тебѣ!

Другая еще откровеннѣе говорить ей:

. . . Годъ пожила

Съ первымъ я мужемъ, Гудруня. Какъ умеръ онъ, — я
Думала: конечно! больше ужъ нечего жить!
Бросилась даже за нимъ на костеръ: удержать
Люди насилиу могли! Цѣлый годъ я была
Словно какъ мертвая: плачу, не ъмъ и не пью.

Встрѣтился Оттенъ — и стыдно бѣ признаться мнѣ въ томъ —
Встрѣтился Оттенъ — и сердце зажглось не спрося!...
Что впереди — я не знаю, но слава богамъ,
Благами ихъ, какъ цвѣтами, осыпана я!

Въ Гудрунѣ много жизні, и, вѣроятно, ее ожидаетъ такая же судьба, какъ ея утѣшительницу, она снова будетъ любить, снова будетъ счастлива.

Не такова Брингильда. Ея страсти такъ могучи, что не она ими, а страсти управляютъ ею. Брингильдѣ нанесено самое страшное оскорблѣніе, какого никогда не прощается женщина. Отвергнута ея любовь. И она — вся мишеніе за эту отвергнутую любовь. Ея месть чисто женская. Она управляетъ ею, но дѣйствуютъ за нее другіе. Что приходилось перенести ей для этой мести! Ей надо было похитить Сигурдовъ мечъ, висѣвшій у изголовья его постели. Брингильда не задумалась надъ этимъ:

Ночью — вы спали — въ свѣтлицу прокрались я къ вамъ...
Мѣсяцъ тебя освѣщалъ у него на груди,
Мечъ же высоко надъ вами висѣлъ на стѣнѣ:
Черезъ тебя я ступила, чтобы снять его тамъ...
Мысль: „не тебя ль заколоть?“ промелькнула, но вмигъ,
Какъ отъ шмеля, отъ нея отмахнулася я...

Брингильда натравила своихъ родственниковъ на Сигурда, и они убили его. Она отмстила; оскорблѣніе смыто, но любовь осталась. Брингильда сама закалывается надъ тѣломъ Сигурда. Майкова wysoko плѣняетъ этотъ образъ, и онъ кончаетъ поэму апоѳеозомъ Брингильдѣ:

Слава, Брингильда, тебѣ,
Мужа обрѣтшей навѣкъ въ безразлучную жизнь.

Какъ ни величественъ, однако, образъ Валькирии Брингильды, кроткій, чисто земной, но задушевный образъ Гудруны болѣе трогателенъ и привлекателенъ.

По силѣ драматизма, величию образовъ, „Брингильда“ не уступаетъ первымъ поэмамъ Майкова; но она прозрачнѣе и чище ихъ, и потому, когда интересъ къ Майкову снова возродится въ русскомъ обществѣ, любимой поэмой будутъ уже не „Три смерти“, а „Брингильда“. *Пл. Красновъ.*

Дурочка Дуня.

Рассказываетъ бабушка о своей внучкѣ Дунѣ, которую она называетъ дурочкою. Изъ ея разсказа мы можемъ ясно опредѣлить отношеніе Дуни къ природѣ и къ людямъ. Съ природой у нея была особенно тѣсная связь въ родѣ дружбы; казалось, только ее одну дѣвушка и понимала; но на самомъ дѣлѣ она ничего не понимала, а отдавалась безотчетно лишь влеченіямъ своей души. Умственныя или познавательныя силы въ ней дѣйствительно не были никакъ развиты, ихъ она была лишена; но зато на ихъ счетъ впечатлѣніями отъ вѣнчайшей природы въ ней сильно развились чувство, воображеніе, фантазія; ими она только и жила, вполнѣ отдаваясь впечатлѣніямъ. Вотъ отчего она любила природу и почти сливалась съ нею свою жизнь. Она не умѣла разсуждать, не умѣла задумываться, а быстро отзывалась только на то, что непосредственно дѣйствовало на ея чувство и воображеніе; всѣ порывы ея души тотчасъ же переходили въ дѣйствіе,ничѣмъ не сдерживаемые. Она чувствовала, что живеть лишь тогда, когда ей удавалось попасть въ лѣсъ или стать среди поля, засмотрѣться на небо, подмѣтить полетъ журавля, слѣдить за нимъ или подманить его къ себѣ, покормить хлѣбомъ, крупою, заговорить съ нимъ особыннымъ языкомъ. Фантазія помогаетъ дѣвушкѣ вести особенную бесѣду съ тою или другою птицею, она воображаетъ, что тѣ понимаютъ ее, воображаетъ, что и сама понимаетъ ихъ языки. Она рада, когда ей удается вырваться на улицу, хотя бы и въ снѣгъ; тутъ уже вполнѣ ея сфера: она веселится, скачетъ. Но вотъ употребили противъ нея насилие — не дали ей предаться ея чувствамъ, взяли ее домой; она перестаетъ жить своею настоящею жизнью — въ уголь спрячется и плачетъ — въ этомъ лишь и заключалось ея горе. Вотъ отчего она сильно любила и дѣтей, жизнь которыхъ такъ близка къ природѣ, и которыя, подобно ей, безъ размышенія отдаются всѣмъ требованіямъ и впечатлѣніямъ природы. Такое положеніе мы, обыкновенно, называемъ *наивнымъ*; въ немъ жизнь еще не вошла въ тѣ границы и условія, какія опредѣляютъ ей развитой или образованный человѣкъ, а направляется согласно съ душевными порывами, вызванными природою, въ ней сохраняется еще полное согласіе

сь требованиями природы. Эта-то наивность и составляетъ отличительную черту характера Дуни, но наивность, развитая до крайности, виною чему уже былъ недостатокъ умственныхъ силъ въ дѣвушкѣ. Ей недоступны были и страхи, которые люди сами часто создаютъ себѣ вслѣдствіе ложныхъ понятій о жизни. Поэтому она не боялась спать въ одномъ покоѣ съ мертвѣцомъ, смотря на смерть, какъ на естественное явленіе природы. Равнымъ образомъ, отдаваясь безотчетно порывамъ своей души, она не стѣснялась ничѣмъ постороннимъ — весело ей, и она поеть, хохочеть; что ей нужды, что она похожа на цыганку; удерживать себя для того, чтобы не измѣять или не замарать платья — такая осторожность и такія требованія ей были совершенно непонятны. Все это поставило ее въ семье въ особенное положеніе. Ея натура не поддавалась подъ тѣ правила воспитанія, которыми каждый малолѣтній членъ семьи приводится въ извѣстныя отношенія къ прочимъ членамъ. Она не могла понять всѣхъ этихъ условій жизни, стѣсняющихъ личную свободу и сдерживающихъ проявленіе внутреннихъ порывовъ и стремлений. Она нарушила общій принятый порядокъ и гармонію въ семье, гдѣ каждый занять своимъ дѣломъ, имѣющимъ свою цѣль и свой смыслъ. Разумѣется, ее старались учить, чтобы поставить въ общую колею, но, при недостаткѣ разсудка и при пылкомъ воображеніи дѣвушки, наука не могла пойти въ прокъ. Ея непониманіе принималось за упрямство, за непослушаніе, своеоліе, за что она и наказывалась. Дуя терпѣла, и не зная, за что ее бьютъ, лишаю пищи, обходятся съ нею враждебно, стала смотрѣть на людей, какъ на злыхъ созданія, и только привязалась къ одной бабушкѣ, показавъ, что ея сердце способно горячо любить, если въ комъ-либо встрѣтить любовь и ласки къ себѣ.

Какъ не помогла наука, такъ не помогло и лѣченіе, потому что природу нельзя лѣчить. Чтѣ же вышло изъ этой крайней наивности, развившейся, какъ мы видѣли, отъ недостатка въ дѣвушкѣ познавательной способности, которая составляетъ въ человѣкѣ весьма важную силу; черезъ нея человѣкъ, приобрѣтая познанія о природѣ и о самомъ себѣ, становится въ болѣе правильныя отношенія ко всему его окружающему, сознавая силы какъ свои, такъ и другихъ существъ. Дуя погибла не случайно; причина ея гибели

заключалась въ самомъ ея положеніи: такъ или иначе она должна была погибнуть. Та же самая природа, которую она такъ любила, которой она такъ безотчетно предалась, и погубила ее. Слушая сказки и исторіи, перемѣшанныя съ вымысломъ, она не могла отличить дѣйствительности отъ вымысла; она вѣрила всему, а пылкая ея фантазія, нисколько не подчиненная разсудку, сильно увлеклась блестящими описаніями южной природы, жизни и искусства. Для нея открылся новый міръ, и очень естественно, если въ ней родилось желаніе самой участвовать въ этой фантастической жизни, самой видѣть всѣ эти красоты природы. Она и не постигала невозможности исполнить свои желанія. Напротивъ, по своей наивности, она стремится желаніе провести тотчасъ же въ дѣйствіе. Всѣ другіе, не понимая ея природы, смотрятъ на ея рассказы, какъ на пустой бредъ, и не обращаютъ никакого вниманія на ея намѣренія, которыхъ она не умѣла даже и скрывать. Отдаваясь вполнѣ природѣ, такъ сказать, сливалъ съ нею свою жизнь, девушка не была въ состояніи сообразить ни своихъ слабенькихъ силъ ни громадныхъ силъ природы. Отъ подавляющаго дѣйствія этихъ послѣднихъ она спасалась, пока жила подъ надзоромъ людей. Но вотъ ея намѣренія влекутъ ее къ другой жизни, которую занята ея фантазія; она убѣгааетъ отъ родныхъ, и при первомъ же столкновеніи съ природою дѣлается ея жертвою. Слабыя физическія силы человѣка и подавляющія силы природы уравновѣшиваются только умственными силами, которыя сообщаютъ человѣку средства избавляться отъ разрушительного и смертоноснаго вліянія природы. У бѣдной Дуни не было этихъ силъ, и природа сразу подавила ее. Въ разсказѣ девушка отправилась въ путь зимой и замерзла. Но на это мы не должны смотрѣть, какъ на простую случайность. Конечно, она бы не замерзла, если бы ушла лѣтомъ; зато вместо мороза другая сила природы точно такъ же гибельно могла на нее подѣйствовать: Дуня могла утонуть или попасть въ когти хищнаго звѣря, или обезсилѣтъ отъ голода и пр. Причина ея гибели, какъ мы сказали, заключалась въ ея собственномъ положеніи. Но вотъ ея не стало въ семье, и что же: по сознанію бабушки, „безъ нея замѣтно стало, что души-то въ домѣ нѣтъ“. Она, дурочка, безъ всякаго соображенія, въ постоянномъ бреду, составляла

душу семьи, что замѣтили только тогда, когда ея не оказалось въ домѣ. Дѣйствительно, всѣ прочіе члены семьи всегда были заняты своими однообразными работами, только одна Дуня своими рассказами, танцами, пѣснями, беззаботною жизнью развлекала это однообразіе. Хотя на ея выходки иногда смотрѣли съ неудовольствіемъ, считая ее человѣкомъ лишнимъ, такъ какъ она ничего не прибавляла къ общему труду, но она незамѣтно для всѣхъ составляла поэтическую сторону въ общей семейной жизни; ея фантазія вносила въ прозаическую жизнь труда поэтическій элементъ. Точно такъ, какъ искусство, не принося никакой практической пользы, разнообразить жизнь, не даетъ ей потеряться въ ежедневныхъ мелочахъ и разныхъ расчетахъ, которые все же необходимы въ жизни, а напротивъ, возвышаетъ ее, развивая сочувствіе къ интересамъ общечеловѣческимъ. Оно такъ же незамѣтно составляетъ душу жизни среди постоянного труда и разныхъ житейскихъ хлопотъ. Это искусство Дуня въ своей семье замѣняла созданіями своей фантазіи, которая иногда вызывала дѣвушку на пляску, иногда внушила ей пѣсню, иногда разскажь, хотя и похожій на бредъ, но полный живыхъ поэтическихъ образовъ, и, чтò главное, въ нихъ она вѣрила сама и передавала ихъ съ самой искренней дѣтской наивностью, всегда вносящей въ душу слушателя невольную веселость. И когда этой оживляющей силы не стало, тогда только постоянное однообразіе жизни, ничѣмъ не развлекаемое, заставило оцѣнить и дурочку и найти въ ней въ изобиліи то, чего не доставало другимъ и отъ чего жизни трудно отказаться, такъ, чтобы тотчасъ же не замѣтить въ себѣ запустѣнья.

Во взглядѣ и разсужденіяхъ бабушки является такъ же много наивности; она долго не разсуждаетъ о разныхъ явленіяхъ жизни, какъ бы несообразны и исключительны ни представлялись они; она слушается только движенія своего сердца; развитое въ ней религіозное чувство мирить ее со всѣмъ въ жизни и успокаиваетъ ея умъ. Начавъ разсужденіе, отчего Дуня у нихъ сдѣлалась такою, она тотчасъ же и прерываетъ себя замѣчаніемъ: „что лѣчить тутъ, противъ Бога человѣку не ити, докторовъ иныхъ бы нужно — повести бы по мощамъ“. Далѣе разскажавъ о гибели своей внучки, она не даетъ развититься въ сердцѣ горестному чувству

и спѣшить указать на Провидѣніе: „такъ ужъ, видно, суждено“ . Этю фразою все оправдывается, и опредѣляется главная причина гибели. Мысли не надъ чѣмъ долго разсуждать, развѣ только пояснить слово „суждено“, и благочестивое поясненіе дѣйствительно слѣдуетъ: „не жилось ей, знать, на свѣтѣ“. Но почему же? потому что „Богъ не долго жить даетъ юродивымъ“. Ихъ считаютъ божьими дѣтьми, такъ какъ они созданы не для земли, и Богъ беретъ ихъ прямо въ рай! Такимъ образомъ старушка наивно разрѣшаетъ всѣ вопросы, согласно съ религіозными чувствами своего сердца.

Итакъ, наивное отношеніе къ жизни и составляетъ главную черту въ разсказѣ. Вотъ отчего поэтъ назвалъ свое произведеніе *идилліей*. Идиллическое и состоитъ именно въ этомъ: наивность есть главное его содержаніе; и такъ какъ она вытекаетъ изъ жизни, близкой къ природѣ, то и идиллическія сцены, по большей части, встрѣчаются въ жизни сельской, крестьянской, где человѣкъ развивается, преимущественно, подъ вліяніемъ природы. Отсюда и идиллія изображаетъ намъ чаще всего, бытъ деревенскій съ его наивнымъ отношеніемъ къ жизни. Майковъ нашелъ такое отношеніе въ русской небогатой помѣщичьей семье и прекрасно изобразилъ намъ идиллическія сцены.

Стоюнинъ.

Отраженіе важныхъ современныхъ событій въ поэзіи Майкова.

Въ чёмъ состоятъ отличительныя силы дарованія нашего поэта, въ чёмъ достоинство его произведеній? Плѣнительность, живость и яркость образовъ, имъ создаваемыхъ; обширная научная подготовка, дающая поэту полную возможность легко переноситься въ міръ древне-языческій, древне-христіанскій, въ эпоху среднихъ вѣковъ, и вполнѣ не только образно, но и необыкновенно вѣрно рисовать какъ характеры, такъ и бытовыя подробности тѣхъ народовъ, изъ среды которыхъ А. Н. Майковъ выводить героевъ и героинь своихъ произведеній. Высокое значеніе и художественная прелестъ тѣхъ мотивовъ, которые развиваетъ поэтъ въ своихъ произведеніяхъ, также заслужили ему всеобщее уваженіе.

Строй поэтическихъ думъ его возвышенный, и поэтъ не опускается въ житейскія дрязги; но когда среди обыденной жизни нашего отечества совершаются великия событія, имъюнція рѣшительное значеніе для дорогой ему Россіи, тогда и онъ вдохновеннымъ словомъ своимъ черпаетъ изъ нихъ — предметы для своихъ прекрасныхъ произведеній. Такъ, въ эпоху крымской войны, 1854—1855 гг., когда потребовался величайшій подъемъ духовныхъ силъ русского народа противъ ополчившейся противу насъ почти всей Европы, поэтъ откликнулся цѣлымъ рядомъ глубоко прочувствованныхъ, истинно патріотическихъ стихотвореній. Великій актъ освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 года встрѣченъ нашимъ поэтомъ дивными поэтическими строками: его стихотвореніе „Картинка“ (чтеніе манифеста 19-го февраля въ крестьянской избѣ) знаютъ миллионы русскихъ дѣтей... Въ стихотвореніи „Князю Друцкому-Любецкому“ поэтъ нашъ въ 1863 году, въ годину послѣдней польской смуты, поэтическими строфами взвывалъ.

Да минетъ розы въ семье единородной...

Вообще, въ цѣлой серіи поэтическихъ произведеній, озаглавленной „Отзыvъ исторіи“, поэтъ нашъ отозвался на многія наиболѣе крупныя событія современной Россіи, событія — многознаменательныя въ жизни русского народа.

Семевскій.

Педагогическое значение сочиненій Майкова.

Въ педагогической практикѣ давно завоевывала себѣ мѣсто „Легенда о Констанцкомъ Соборѣ“, отличающаяся крупными художественными достоинствами. Изложена эта поэма въ ясныхъ и сильныхъ четыресташихъ, въ порядкѣ стройномъ, послѣдовательно, мѣстами весьма задушевно и гуманно. Въ особенности хорошо обрисовано увлеченіе многочисленнаго собранія пѣніемъ соловья и прорывъ подъ освѣжающимъ вліяніемъ весенней природы добрая человѣческаго чувства въ сердцахъ, засущенныхыхъ житейскими счетами,

религіозной нетерпимостю и узкой схоластикой. Лучшее мѣсто поэмы то, гдѣ обрисовано, какъ всѣмъ пришли на память золотые сердца годы, золотыя грезы счастья, золотые дни свободы. Но проблескъ мысли и чувства такъ и остается проблескомъ. Собрание возвращается въ обыденную колею нетерпимости и злобы, и проявленіе человѣческаго гуманнаго чувства объясняется внушеніемъ дьявола. Поэма эта можетъ служить превосходнымъ комментаріемъ къ учебнику исторіи, можетъ пойти и для литературнаго вечера, или послужить темой для домашней письменной работы въ связи съ поддающими историческими пособіями. Вообще, близкое ознакомленіе учащихся съ „Приговоромъ“ Майкова весьма желательно.

Полезнымъ стихотвореніемъ, преимущественно въ смыслѣ исторического комментарія, нужно признать „Упраздненный монастырь“. Стихотвореніемъ этимъ можно воспользоваться при объясненіи значенія монастырей въ старой до-Петровской Руси. Здѣсь намѣчены общія черты въ дѣлѣ возникновенія монастырей, ихъ культурно-историческое значеніе въ глухихъ мѣстахъ, затѣмъ, ихъ моральное значеніе. Вставной эпизодъ объ Иоаннѣ Грозномъ можетъ быть выпущенъ. Въ частности, по этому эпизоду „Упраздненный монастырь“ можетъ быть сравненъ съ извѣстнымъ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина. Въ особенности заслуживаетъ вниманія стихъ Майкова, что тяжелый мѣтъ ковалъ русскихъ въ одинъ народъ и что святая Русь вынесла тяготы насилиствъ и казней и опалъ.

Въ связи съ этимъ стихотвореніемъ или безъ него можно воспользоваться двумя небольшими стихотвореніями Майкова о значеніи храма: „Когда гонимъ тоской неумолимой“ и „Дорогъ мнѣ предъ иконой“. Въ обоихъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ послѣднемъ, ярко обрисовано нравственное значеніе храма и молитвы, въ смыслѣ утѣшения въ горести. При комментаріи нужно указать и на другія значенія храма въ исторической жизни русскаго народа, напр. назначеніе образовательное, по чтеніямъ, пѣнію и иконописи, и общественно-национальное, по сближенію на почвѣ общей молитвы.

Въ педагогическомъ отношеніи весьма цѣннымъ надо признать стихотвореніе: „Кто онъ?“ Въ особенности цѣнно это стихотвореніе, какъ художественный комментарій при прохожденіи учебника русской исторіи о Великомъ Преобразо-

вателъ, наряду съ извѣстными обрисовками Петра Великаго въ произведеніяхъ Пушкина. По содержанію „Кто онъ“ прямо примыкаетъ къ „Мѣдному всаднику“ Пушкина. Картина природы края, данная Пушкинымъ, вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ стихотворенія Майкова. Съ другой стороны, „Кто онъ?“ служить превосходнымъ дополненіемъ къ стихамъ Пушкина о разносторонности генія Петра и его трудолюбіи, что онъ на тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Затѣмъ съ цѣлями патріотическими можно рекомендовать стих. Майкова: „Казакъ“, гдѣ удачно отмѣчены главные географические предѣлы Россіи. Стихотвореніе это небольшое, написано легко, послѣдовательно, и при изученіи его недурно сдѣлать соотвѣтствующія указанія по географической карте Россіи. Въ связи съ этимъ стихотвореніемъ съ пользой могутъ быть разобраны пушкинскія стихотворенія о казакѣ въ „Полтавѣ“ („Кто при звѣздахъ“) и „Донѣ“ и ст. Лермонтова „Казачья колыбельная пѣсня“.

Превосходны въ педагогическомъ отнешеніи „Картина“ и „Поля“— два стихотворенія о наиболѣе великомъ и наиболѣе благотворномъ событии новѣйшей русской исторіи— манифестѣ 19 февраля 1861 года. Оба стихотворенія можно рассматривать въ связи, первое — „Картина“, какъ общую обрисовку радостнаго события, второе — „Поля“, какъ выраженіе отношеній къ нему людей разнаго поколѣнія и разнаго житейскаго воспитанія. Общая мысль, что всю благотворность события вполнѣ разъяснить будущее, послѣдующія поколѣнія. Старый дворовый человѣкъ еще брюзжитъ на волю; его холопской душѣ противна воля. Его идеалы въ прошломъ, когда почти каждая помѣщичья усадьба была городкомъ, съ массой разной челяди. Полная надеждъ молодежь 60-хъ годовъ обрисована въ лицѣ удалого ямщика. Мчится онъ впередъ въ пространство, безъ конца, впередъ, не внемля ничему. Эта удалъ нѣсколько односторонняя, безъ критики и анализа. Ямщикъ не можетъ и не хочетъ разъяснить старику дворовому человѣку его недоразумѣнія; никакъ желанное словцо не попадало ему на языкъ, и онъ лишь мчится, съ рискомъ обломиться и искалѣчиться. Дальнѣйшій шагъ впередъ — въ „Картина“ — грамотная девочка - малютка, съ трудомъ, пальчикомъ водя отъ слова къ слову, она читаетъ мужикамъ дорогую вѣсть про желанную свободу. Эта

эмблема свободной и граматной Россіи, заря новыхъ дней.
Майковъ предвѣщаетъ своеї родинѣ такую свѣтлую будущность:

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма уйдетъ къ концу!
Ваші дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!

Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ...
Воля, братья, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяеть
Вѣковѣчный день.

Послѣ этихъ двухъ историческихъ стихотвореній вполнѣ умѣстно рекомендовать „Ниву“, гдѣ удачно, къ картинѣ чисто русскаго хлѣбнаго поля, къ радостной картинѣ урожая, присоединено гуманное пожеланіе для родной земли духовнаго хлѣба, чтобы на ней взошли посѣянныя уже сѣмена мысли и доброго общеполезнаго дѣла.

Изъ другихъ поэтовъ въ pendant къ указаннымъ стихотвореніямъ въ педагогической практикѣ съ большой пользой можетъ быть использовано стих. Пушкина „Деревня“, въ особенности вторая часть его, причемъ чтеніе и разборъ этого стихотворенія должны предшествовать стихотвореніямъ Майкова „Поля“, „Картинка“ и „Нива“.

Важное педагогическое значеніе имѣютъ стихотворенія Майкова о процессѣ и значеніи поэтическаго творчества. Ни одинъ поэтъ такъ часто не останавливался на вопросахъ о томъ, что такое поэзія и поэтъ, какъ Майковъ. Признанія его въ этомъ смыслѣ весьма важны, и ими можно смѣло пользоваться въ pendant къ общеизвѣстнымъ стихотвореніямъ Пушкина „Поэтъ“, „Поэту“, „Чернь“, „Эхо“, „Пророкъ“ и „Зачѣмъ крутился вѣтеръ въ оврагѣ“. Задачи поэта отчасти опредѣлены въ драмѣ „Три смерти“, въ рѣчи Лукана, опредѣлены возвышенno, но нѣсколько неопределено и односторонне. Возникновеніе художественныхъ образовъ превосходно объяснено въ стих. „Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ“ и въ стих. „Къ тебѣ слетѣло вдохновеніе“; самый процессъ художественного поэтическаго творчества мѣтко отмѣченъ въ стихотвореніи:

Вдохновеніе — дуновеніе
Духа Божья! Пронеслось —
И безсмертнаго творенья
Сѣмя бросило въ хаосъ.

Вмигъ поэтъ душой воспрянеть
И подхватить на лету,
Отольеть и отчеканить
Въ мѣдномъ образѣ — мечту!

Къ этому стих. близко стоять „О царство вѣчной юности“, гдѣ разбросано нѣсколько замѣчаній по исторіи искусства. Значеніе для поэта свободы (чтобы ему не навязывали искусственно содержанія) прекрасно выражено въ стих. „О мысль поэта, ты вольна“. Въ интересахъ педагогического воздействиа желательно ознакомленіе учащихся одновременно съ сходнымъ пушкинскимъ стих.: „Зачѣмъ крутится вѣтеръ въ оврагѣ“. О прохожденіи и значеніи поэтическихъ формъ вообще, въ частности — октавы, рифмы можно найти весьма цѣнныя указанія въ стих. „Гармоніи стиха божественные тайны“ и въ особен. въ стих. „Возвышенная мысль достойной хочетъ брани“. Въ общемъ, можно сказать, что Майковъ въ своихъ стихотвореніяхъ объяснилъ и освѣтилъ многія загадочные стороны поэтическаго творчества и почти всѣ стихотворенія этого рода представляютъ значительный педагогической интересъ.

Сумцовъ.

Значеніе поэтической дѣятельности Майкова.

Опредѣляя значеніе своей поэтической дѣятельности, Майковъ говорилъ:

И Ангель мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустынѣ скройся ты, чтобы тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда нищету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

Такимъ образомъ, подобно Пушкину, учившему о пророческомъ назначеніи поэта „глаголемъ жечь сердца людей“, Майковъ думалъ, что цѣль поэзіи заключается въ удовлетвореніи той жажды истины и свѣта, которая нерѣдко проявляется въ человѣчествѣ.

Но что же нужно разумѣть подъ „свѣтомъ“, выражениемъ котораго должна служить поэзія? Въ своихъ стихотвореніяхъ Майковъ часто пользуется образомъ свѣта: онъ говоритъ о свѣтѣ мысли („Картинка“), свѣтѣ любви („Мать“), свѣтѣ вѣры („Два міра“) и свѣтлой, сѣющѣй, красотѣ („О царство“...). Изъ этого видно, что слово „свѣтъ“, выражающее сущность поэзіи, имѣеть у Майкова очень широкій и

довольно неопределенный смыслъ. Имъ обозначается все главное содержаніе духовной жизни человѣка, все то, что составляетъ и можетъ составлять высшую отраду человѣческаго существованія.

Страсти сердца! сны надежды!
Вдохновенья бредъ!
Быль бы чуждъ безъ васъ и страшень
Сердцу Божій свѣтъ!
Васъ развѣять съ неба жизни, —
И вся жизнь тогда
Силь слѣпыхъ, законовъ вѣчныхъ
Вѣчная вражда.

Являясь выразительницей *свѣта*, поэзія невольно должна привлекать къ себѣ вниманіе людей.

О стихъ поэта!
...всѣмъ отрадно
Твоей гармоніи внимать,
Любить твой строй, твой лепеть складной,
Въ тебѣ усладу почерпать.

И тѣ люди, которые особенно чутки къ поэзіи, — вслѣдствіе этого, по мнѣнію Майкова, должны носить въ себѣ залогъ любви ко всему прекрасному.

Кто любить „и скорбный стихъ и стихъ веселый“, — мягка
Въ томъ душа и незлобива,
И къ добру она чутка,
И растить его, какъ нива.

Правда, не всѣ способны понимать поэзію, точно такъ же какъ не всѣ способны цѣнить добро. Есть люди, до того погруженные въ областяхъ чисто материальныхъ интересовъ, что самые призывы поэта къ высшей, духовной жизни кажутся имъ непріятными, раздражаютъ ихъ:

Ихъ духъ привыкъ И голый свѣтъ
Ко тьмѣ и ночи, Имъ рѣжетъ очи...

Однако, даже и для такихъ людей поэзія, какъ выразительница „свѣта“, имѣть значеніе.

Пусть люди сами живутъ интересами, очень далекими отъ тѣхъ, которые волнуютъ поэта и составляютъ свѣтъ его жизни; пусть, отдавшись призрачнымъ радостямъ и превра-

тивъ свою жизнь въ суетливый, безтолковый пиръ, они не видятъ этого вѣчнаго свѣта,—

Но вѣдь и имъ	Что гдѣ-нибудь
На самомъ пирѣ,	Еще онъ свѣтить,
Имъ нужно знать,	Что воззовешь,—
Что есть онъ въ мірѣ,	И онъ отвѣтить!

Вѣрный своему призванію, Майковъ все время стремился къ исканію *свѣта*. Его отзывчивая душа повсюду замѣчала прекрасное, и онъ старался передать русскимъ людямъ, на родномъ для нихъ языкѣ, обаяніе той красоты, которую самъ онъ находилъ въ окружающей природѣ, картинахъ исторіи, порывахъ человѣческой души и произведеніяхъ иностранныхъ писателей.

Въ юношескіе годы Майковъ долго и внимательно изучалъ римскихъ и греческихъ поэтовъ.

И эта поэзія, съ яркимъ солнцемъ и свѣтлыми пѣснями, съ вѣнками изъ лавровъ и розъ, улыбками красавицъ, звономъ тяжелыхъ кубковъ и тихимъ бряканьемъ киаrъ, съ ея беззаботнымъ смѣхомъ и дѣтскою радостью,— оставила глубокій слѣдъ въ душѣ нашего поэта. Онъ понялъ прелесть земнаго счастья, почувствовалъ красоту ближайшей, окружающей жизни. И эта земная красота, живымъ выразителемъ которой былъ классическій міръ, въ нѣкоторыхъ (болѣе раннихъ) стихотвореніяхъ Майкова прямо противополагается той небесной, духовной красотѣ, которую проповѣдуетъ христіанство, при чёмъ въ тонѣ этихъ (наиболѣе раннихъ) стихотвореній Майкова чувствуется даже какъ бы нѣкоторое предпочтеніе классического идеала христіанскому. Такъ, въ одномъ изъ его стихотвореній („Пери“) представляются чистыя пери, съ любопытствомъ встрѣчающія въ горныхъ селеніяхъ грѣшную душу и умильно просящія разсказать имъ про земную жизнь.

Отрадно-ль имъ утѣшить душу,
Въ земныхъ возросшую скорбяхъ —
Иль ходять чудныя преданья
Про грѣшный міръ на небесахъ?—

Такимъ вопросомъ заканчиваетъ Майковъ свое стихотвореніе. Въ другомъ стихотвореніи противоположность классического и христіанского идеаловъ изображается подъ видомъ

споря Ангела и Демона, желающихъ восторжествовать надъ человѣкомъ.

Но торжество кому уступить
Въ пыли рожденный человѣкъ?—

Спрашиваетъ поэтъ,—

Вѣнецъ-ли вѣчныхъ пальмъ онъ купить,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень Ангелъ тихъ и ясень;
Его живить смиренья лучъ;
Но гордый Демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Майковъ не случайно обозначилъ сущность поэзіи неопределенымъ словомъ „свѣтъ“. Задача поэзіи, какъ ее понималъ Майковъ, слишкомъ широка для того, чтобы о ней можно было говорить вполнѣ определенно. Всякое поэтическое произведеніе, точно такъ же какъ и всякое произведеніе искусства, является только неполнымъ выраженіемъ того, что хотѣлось бы высказать поэту, только нѣкоторымъ „откровеніемъ“ изъ того „царства вѣчной юности и вѣчной красоты“, которое онъ созерцаетъ въ глубинѣ своей чуткой души...

Сіяющіе мраморы,
Лизиппъ и Пракситель!...
Съ бѣзсмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!...
Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,

Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ —
Все то — не откровенія-ли
Съ надзвѣздной высоты
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?...

Майковъ не разъ задумывался надъ этой невозможностью для поэта вполнѣ выразить все, что хотѣлось бы. И въ своихъ стихотвореніяхъ онъ старался указать причины, стѣсняющія свободное творчество. Такъ, въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній („Муза, богиня Олимпа“...), Майковъ обращаетъ вниманіе на слабость средствъ поэтическаго изображенія.

Горькій безумецъ!—

обращается онъ къ Пану, вздумавшему подражать своей флейтой чудной музыкѣ Феба,—

Ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ?...

Въ своихъ послѣднихъ стихотвореніяхъ Майковъ указываетъ и на другое обстоятельство, которое мѣшаетъ полному выраженію поэтическаго генія. Это не только невозможность для человѣка вполнѣ опредѣленно *выразить*, но даже и вполнѣ *уяснить самому себѣ* нѣкоторыя стороны жизни.

Изъ бездны Вѣчности, изъ глубины Творенья
На жгучіе твои запросы и сомнѣнья
Ты, смертный, требуешь отвѣта въ тотъ-же мигъ,
И плачешь и клянешь ты Небо въ озлобленыи,
Что не отвѣтствуетъ на твой душевный крикъ,—
А Небо на тебя, съ улыбкою, взираетъ,
Какъ на капризного ребенка смотрить мать,—
Съ улыбкой, потому что все, всѣ тайны знаетъ,
И знаетъ, что тебѣ еще ихъ рано знать.

Сознавая невозможность полнаго выраженія идеаловъ, скрытыхъ въ душѣ поэта, Майковъ не могъ считать и свои собственныя произведенія вполнѣ законченнымъ отраженіемъ своихъ завѣтныхъ думъ. Уже старцемъ, чувствуя приближеніе конца, онъ все еще не могъ признать свою дѣятельность завершенной. Ему казалось, что онъ все еще чего-то не выразилъ, все еще не достигъ того, чего желалъ:

Изъ темныхъ доловъ этихъ взоръ
Все къ нимъ стремится, къ высямъ горъ:
Все чудится, что тамъ идетъ,
Какой-то звонъ и все зоветъ:
„Сюда! Сюда!...“ Ужели тамъ,
Въ льдяныхъ пустыняхъ — Божій храмъ?...
И я иду на чудный зовъ;
Достигъ предѣла вѣчныхъ льдовъ;
Но храма — нѣть!... все пусто вокругъ;
Послѣдній замеръ жизни звукъ;
Туманомъ міръ внизу сокрытъ,—
Но надо мною все гудитъ
Во весь широкій небосклонъ
— Сюда! Сюда! — все тотъ-же звонъ.».

Что касается виѣшией формы Майковскихъ произведеній, то она, безспорно, даетъ нашему поэту право на имя образцового стилиста. Майковъ самъ указывалъ на важность тиатральной отдѣлки виѣшиаго выраженія поэтической мысли:

Возвышенная мысль достойной想要 брони;
Богиня строгая — ей нуженъ пьедесталъ,

И храмъ, и жертвеникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...
Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ быль строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобъ божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіяль — огнемъ души твоей!...

Нечаевъ.